

9

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

выпуск 9 (21)

выпуск 9 (21)
СИБИРСКАЯ
ССЫЛКА

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
Научно-исследовательский совет
«История пенитенциарной и репрессивной политики
Российского государства и Сибирь XVII–XX вв.»
ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» СО РАН

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

Сборник научных статей

Выпуск 9 (21)

 ОТТИСК
2019

УДК 94(571)

ББК 63.3(2)253(361)

С 34

DOI 10.30792/978-5-6042915-4-2-2019

Ответственные редакторы:

Дамешек Л. М., д.ист.н., профессор

Иванов А. А., д.ист. н., профессор

Кузнецов С. И., д.ист.н., профессор

Редакционная коллегия:

Зуляр Ю. А. (Иркутск), Казарян П. Л. (Якутск),

Курас Л. В. (Улан-Удэ), Масярж Вл. (Польша),

Матханова Н. П. (Новосибирск), Мошкина З. В. (Чита),

Никулина И. Н. (Барнаул), Перцева Т. А. (Иркутск),

Петрушин Ю. А. (Иркутск), Томита Такэси (Япония)

С 34 Сибирская ссылка: Сборник научных статей / отв. ред.
Л. М. Дамешек, А. А. Иванов, С. И. Кузнецов. – Иркутск:
Изд-во «Оттиск», 2019. Вып. 9 (21). – 608 с., ил.

Настоящий сборник научных статей продолжает публикацию результатов исследований специалистов истории сибирской политической и уголовной ссылки, карательной, охранительной и пенитенциарной политики государства в Сибири XVII–XX веков.

Сборник предназначен научным работникам, преподавателям высшей школы, студентам, краоведам, всем интересующимся этой темой.

Иллюстрации предоставлены авторами статей.

ISBN 978-5-6042915-4-2

© Коллектив авторов, 2019

© Издательство «Оттиск», 2019

Предисловие

Наш очередной выпуск

Настоящий выпуск сборника научных статей «Сибирская ссылка» – двадцать первый по счету. Свою историю он ведет с 1973 г., когда по инициативе профессоров исторического факультета Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова вышел первый выпуск, который тогда назывался «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)». В 2000 г. в соответствии с веянием времени, существенным расширением тематики он сменил формат и название, с тех пор издание выходит под названием нынешним – «Сибирская ссылка». Этот выпуск – уже девятый в обновленном формате. У истоков сборника стояли замечательные сибирские ученые – историки, профессора Иркутского университета С. В. Шостакович и Ф. А. Кудрявцев. Первый – крупный востоковед и международник, второй – известнейший исследователь истории Сибири. Тема ссылки для них не была случайной: Ф. А. Кудрявцев к этому времени уже опубликовал монографию об Александровском центре и многочисленные статьи по истории пребывания в Иркутской губернии декабристов. Хорошо знал проблемы политической ссылки, особенно ссылки поляков, С. В. Шостакович. В те годы издание подобного сборника было сопряжено со многими трудностями – длительное редактирование, прохождение цензуры («лито»), процесс типографского набора, вечный дефицит бумаги. Так что не будет преувеличением сказать, что издание первой книжки сборника в 1973 г. было крупным событием в сибирской исторической науке.

В те времена историки Иркутска имели возможность публиковаться в немногочисленных местных вузовских издани-

ях – выходили «Труды...» в ИГУ, «Ученые записки» в Иркутском институте народного хозяйства. В первой половине 70-х годов по инициативе кафедры истории СССР университета стал выходить «Сибирский исторический сборник». Так что «Ссылные революционеры» заняли в этом ряду достойное место. Всю организационную работу по изданию принял тогда на себя молодой доцент кафедры истории СССР исторического факультета ИГУ Николай Николаевич Щербаков. К этому времени он защитил кандидатскую диссертацию и серьезно занимался проблемами восточно-сибирской ссылки большевиков в 1907–1917 гг. Тематика эта была, что называется, на слуху как по научным, так и идеологическим соображениям. О жизни ссылки уже было написано много – от газетных очерков до научных монографий и диссертаций. Все они содержали разнообразный и многочисленный фактический материал, но грешили двумя недостатками: авторы в то время оставляли в тени большую часть ссылных, освещая жизнь и деятельность исключительно членов большевистского крыла РСДРП, и тенденциозно-односторонне показывая чересчур уж мрачные стороны при описании условий каторжного и ссылного быта. А жизнь ссылных, как явствует из множества дошедших до нас архивных документов, была намного многообразнее. Она во все не ограничивалась «Положением о полицейском надзоре», которое регулировало все отношения политических ссылных, и на которое, в подтверждение произвола самодержавия, так любили ссылаться историки. Не случайно несколько позже, в 1980-х годах, Н. Н. Щербаков сосредоточился на исследовании влияния ссылных большевиков на культурную и общественно-политическую жизнь Сибири. Тема эта на многие годы стала определяющей в его творчестве и была детально проработана в его докторской диссертации, защищенной в 1987 г.

Авторами первого выпуска сборника «Ссылные революционеры» были иркутские историки И. С. Вахрушев, Н. Н. Щербаков, Л. П. Сосновская, В. М. Андреев, А. В. Дулов и другие. Польскую тему в издании возглавил Б. С. Шостакович, который стал одним из самых активных авторов сборника в последующие годы. Проблемы народнической ссылки в Сибирь в сборнике представил В. М. Андреев. Как известно, народники трактовались в советской историографии как политическое

течение, основанное на ошибочной идеологии, догматической программе и неверной тактике действий. Соответственно и исследование их истории считалось делом вторичным и малоперспективным. Непосредственным образом это переносилось и на их ссылку в Сибирь. В этой ситуации В. М. Андреев сумел найти наименее политизированную сторону жизни народников, сделав акцент на их этнографической и музейной деятельности. Вообще, с 1973 г. через сборник прошли сотни авторов, трудами которых создана настоящая «энциклопедия сибирской ссылки».

Драматические события начала 90-х годов в нашей стране не могли не затронуть историческую науку и историческое образование. Анализируя состояние исторической науки России в то время, можно сказать, что в ней произошли три своеобразных «революции»: образовательная, архивная и методологическая. Произошла реорганизация системы исторического образования. Историческое образование признали несоответствующим новым реалиям, в школах отменили обязательные выпускные экзамены по истории. С 1993 г. Министерство образования РФ провозгласило переход на концентрическую систему преподавания истории взамен прежней линейной. К слову сказать, период реформ, далеко не всегда отвечающих потребностям общества, в нашей высшей школе безнадежно затянулся на десятилетия. Не случайно, что и издание сборника «Ссылные революционеры» в это время приостановилось почти на десятилетие. Этот период исканий, поисков путей и методологических дискуссий завершился в 2000 году, когда сборник пережил второе рождение. Существенно расширилась тематика и хронологические рамки исследований. Крупным направлением стала тема политических репрессий 1930-х годов, по-новому приступили к изучению истории советской пенитенциарной системы, иностранных военнопленных в СССР и других. Надо сказать, что к этому времени выросло и новое поколение историков, которое вдохнуло новую жизнь в прежнее издание.

Представляемый на суд читателя нынешний выпуск «Сибирской ссылки» включает почти сорок статей историков Иркутска, Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Новосибирска, Томска, Улан-Удэ, Сургута, Барнаула, Красноярска, Братска.

и других городов. Изучение творческого наследия Н. А. Рожкова, которое в сборнике было начато еще в 1973 г., в настоящем издании продолжает доктор Джон Гонсалес из Австралии (перевод М. С. Кузнецовой). Интересный материал получен от Матильды Матрас, докторанта Женевского университета. В этом выпуске представлены статьи, объединенные уже в традиционных и новых рубриках: историографии, источниковедения, археографии; политической и уголовной ссылки XVII – начала XX в.; ссыльных поляков в Сибири; правоохранных и пенитенциарных структур досоветской Сибири; политических репрессий 1930-х годов; иностранных военнопленных в России, памятников революции, каторги и ссылки и других.

Наше издание продолжается и редколлегия приглашает к сотрудничеству историков и краеведов, занимающихся проблемами ссылки, репрессий, плена, истории пенитенциарной системы.

Кузнецов С. И., доктор исторических наук, профессор

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

УДК 0025(09)(571.53) «Каторга и ссылка»

Васильева Н. Ф., Иркутск

К вопросу о редакционно-издательской деятельности Общества политкаторжан

Аннотация. Статья посвящена организации редакционно-издательской деятельности Общества политкаторжан. В статье показан состав редакционного коллектива журнала «Каторга и ссылка» в разные годы, деятельность коллектива по выпуску различных исторических серий, таких, как «Дешевая библиотека», «Историко-революционная библиотека», «Био-библиографический словарь деятелей революционного движения в России». Проанализированы проблемы становления редакторской и издательской работы, влияние советской политической системы.

Ключевые слова: Общество политкаторжан, редакция «Каторги и ссылки», издательство, исторические серии, репрессированные.

Vasilyeva N. F., Irkutsk

On editorial and publishing activities Political Society

Summary. The article is devoted to the organization of editorial and publishing activities of the Political Society. The article shows the composition of the editorial team of the magazine «Katorga and Reference» in different years, the activities of

the team to produce different historical series, such as, «Cheap Library», «Historical-Revolutionary Library», «Bio-bibliographic Dictionary of Figures of the Revolutionary Movement in Russia». Problems of formation of editorial and publishing work, influence of the Soviet political system were analyzed.

Keywords: Political Society, editorial board «Katorgi and references», publishing house, historical series, repressed.

Редакционно-издательская деятельность Общества политкаторжан непосредственно связана с развитием периодического издания Общества журнала «Каторга и ссылка», выпуском серий журнала, био-библиографического словаря, отдельных и юбилейных изданий.

Правовую основу издательской деятельности Общества составляли: Декрет о печати 27 октября 1917 г., резолюция XI съезда РКП(б) «О печати», совещание при Агитпропе (октябрь 1922 г.), резолюции XII съезд РКП(б) 1923 г. В резолюции XII съезда РКП(б) «О печати» был определен дифференцированный подход к журнальной и печатной продукции. Управленческие функции были отданы деятелям партии и партийным публицистам, часть из них в период царизма подверглась политическим репрессиям, предполагался незначительный состав профессиональных историков. Партийный контроль осуществлялся над тематикой, структурой, характером и специализацией периодических изданий. Во второй половине 20-х гг. XX в. партийные установки стали все более заметнее. Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Пролетарская революция» и «Красная летопись» (1926 г.), резолюции совещания в ЦК ВКП(б) в 1926 г., решения Всесоюзного совещания заведующих Истпартами (1927 г.) четко определили новые задачи периодических изданий: переход от научно-популярного характера к теоретико-методологическому. Сталинская установка «непримиримой борьбы с буржуазными теориями» еще сильнее ударила по периодическим изданиям и всей печатной продукции, ориентируя на теоретическую разработку проблем социалистического строительства и классовую борьбу пролетариата. В результате произошла переориентация некоторых исторических журналов, часть из них были закрыты, другие,

попав под пресс большевистских установок, вынуждены были приспособляться к новым реалиям.

Издания Общества и, в частности, журнал «Каторга и ссылка», в последние тридцать лет занимают важное место в исследованиях сибирской, революционной и ссыльной тематики. После закрытия Всесоюзного общества политкаторжан в 1935 г., журнал и другие издания были практически изъяты из библиотек, а значит и из научного оборота, однако с начала 60-х гг. XX в. начинается новый этап жизни журнала и другой печатной продукции Общества, они стали представлять интерес для научной общественности. Журнал «Каторга и ссылка» и подконтрольные ему серии и издания вобрали в себя огромный объем материалов документального, научного, биографического, библиографического, мемуарного, статистического, каталожного, информационного характера по разным направлениям исторической тематики. С другой стороны, они и сами являются важными историографическими источниками советской исторической науки и издательского дела. Несмотря на некоторые успехи, еще остаются неисследованными многие организационные вопросы журнала «Каторга и ссылка»: внутренняя работа редакционно-издательского коллектива, идеологическая борьба в редакционно-издательском руководстве, идеологическая направленность авторского состава, перспективные, но нереализованные планы издательского портфеля, которые во многом определялись разными научно-исследовательскими структурами Общества политкаторжан. Автор уже обращался к исследованию редакционно-издательской работы Общества политкаторжан, однако некоторые вопросы требуют более полного исследования¹.

Документальный материал о работе редакционно-издательского коллектива содержится в центральных и региональных архивах: ГАРФ, РГАСПИ, ГАНИИО, ЦГА СПб., ГАЗК и дру-

¹ Васильева Н. Ф. Роль рецензий в становлении журнала «Каторга и ссылка» // Сибирская ссылка: Сб. научн. статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2009. Вып. 5 (17). С. 59–72; Она же. Некоторые сюжеты деятельности издательства «Политкаторжан»: политические и организационные трудности // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. № 1(6). С. 247–253; Она же. Влияние коммунистической партии на издательскую деятельность Общества политкаторжан // Сибирская ссылка: Сб. научн. статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2013. Вып. 7(19). С. 146–160.

гих. Государственный архив РФ (ГАРФ) содержит фонд редакции журнала «Каторга и ссылка» (ф. 1724). Однако фонд включает незначительный объем материалов о работе редакции. Большой объем документов о работе издательства политкаторжан, редакционного коллектива журнала, работе авторского коллектива содержится в делах 533 фонда Всесоюзного общества политкаторжан. Только первая опись, сосредоточившая дела общего делопроизводства материалов Центрального совета, составляет 1531 дело, часть из них содержит до 300 листов и более. Руководство редакционно-издательским коллективом «Каторги и ссылки» осуществлялось Центральным советом общества и Центральным бюро научно-историко-исследовательских секций (НИИС). Материалы о работе редакции и подготовки публикаций «разбросаны» по делам фонда, где освещена научно-историческая деятельность Общества, подготовка мемуарной и научной продукции для публикации в журнале и других изданиях Общества. Например, в деле 1433 помещены протоколы заседаний редколлегии журнала «Каторга и ссылка» за период с апреля 1929 по январь 1935 года.

В Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде 89 содержатся материалы фракции ВКП(б) Центрального совета Общества политкаторжан. Часть стенограмм собраний коммунистической фракции освещает вопросы работы редколлегии журнала и издательства политкаторжан. Особенно ярко показано противостояние главного редактора издательства «Политкаторжан» И. А. Теодоровича и председателя правления издательства Я. Шумяцкого в начале 30-х гг. XX в.

В фондах региональных архивов Санкт-Петербурга (ЦГА СПб. – фонд 506), Иркутска (ГАНИИО – фонд 506), Читы (ГАЗК – фонд Р-889) и др. содержатся руководящие документы Центрального совета Общества политкаторжан, где в информативных письмах, стенографических отчетах пленумов, инструкциях, протоколах, решениях, резолюциях так или иначе затрагиваются вопросы редакционно-издательской деятельности Общества политкаторжан и его главного органа журнала «Каторга и ссылка».

Литературно-издательская комиссия, предшественница редакционного коллектива «Каторги и ссылки» и правления из-

дательства политкаторжан появилась с началом образования Общества (1921 г.) и работала при Президиуме Центрального совета Общества. Уже к 1925 г. ее работа строилась на принципах хозрасчета, имела свое правление, контору, технически-издательскую часть, книжный склад, магазин «Маяк». Постепенно выделилась редакционная коллегия журнала «Каторга и ссылка» в составе семи человек: Вл. Д. Виленского-Сибирякова, Ф. Я. Кона, М. Ф. Фроленко, Е. Н. Ковальской, М. А. Брагинского, Б. П. Козьмина, Н. Ф. Чужака-Насимовича. В 1926 г. в виду расширения работы увеличился состав правления издательства до 5 человек: Вл. Д. Виленский-Сибиряков, А. Пигит, Ф. Я. Кон, Колосовский, Б. Бреслав, кандидатом был назначен Я. Б. Шумяцкий. Редакционная коллегия журнала в 1926 г. была утверждена в составе семи человек. Редакционный коллектив «Каторги и ссылки» и правление издательства политкаторжан вошли в структуру Общества наравне с другими подразделениями.

Работа редакционной коллегии журнала «Каторга и ссылка» отличалась широким разнообразием. Редколлегия занималась подготовкой публикаций для журнала, его серий и других изданий Общества. Правление издательства занималось технической подготовкой изданий. Обязанности двух структур не были до конца уточнены, и это вызывало некоторые трудности, которые вылились в разногласия двух руководителей.

История создания редакционно-издательского коллектива «Каторги и ссылки» непосредственно связана с историей Общества и появлением журнала. К четвертой годовщине освобождения политзаключенных из царских тюрем 12 марта 1921 г. был издан первый выпуск периодического сборника «Каторга и ссылка». Редакционная коллегия не обнародовала свои имена, но можно предположить, что в нее входили публицисты В. А. Плесков, Г. М. Крамаров и другие организаторы Общества политкаторжан. Сборник по объему был небольшой, тираж составил всего 500 экземпляров и предназначался для архивов, библиотек и членов общества. Подборка материалов носила случайный характер. Первый год издательской деятельности Общества показал, что рамки только жизни и быта политической каторги и ссылки слишком узки, так как политическая каторга и ссылка органически связана с историей революци-

онного движения и не может быть отделена от последнего.

В январе 1922 г. появляется «Историко-революционный бюллетень», который издавался Обществом совместно с исторической секцией Дома печати. Расходы по изданию «Бюллетеня» легли на Общество. Однако наладить ежемесячный выпуск «Бюллетеня» не удалось. Было принято решение преобразовать его в журнал. Название было изменено: вместо «Историко-революционного бюллетеня» появляется название «Историко-революционный вестник» «Каторга и ссылка». Редакция пояснила, что в этом переименовании сказывается стремле-

ние поставить издание на более серьезную почву, придать ему большее значение в изучении истории революционного движения. Первый номер журнала «Каторга и ссылка» с подзаголовком «Историко-революционный вестник» вышел в 1923 г., однако нумерация была продолжена, он вышел под № 5.

На I Всесоюзном съезде Общества в марте 1924 г. журнал был признан центральным периодическим органом. Центральный совет Общества политкаторжан избрал редакционную коллегию журнала. Печатный орган вырос в объеме и составлял уже 17 печатных листов, в нем появились статьи не только о тюрьме, каторге и ссылке, но и по истории революционного движения. Несмотря на трудности – недостаток бумаги, проблемы с типографией, редакция старалась наладить регулярный выход нового журнала.

На первых порах журнал не имел ни редакционно-технического аппарата, ни помещения для редакторской работы. Редакционная коллегия устраивала свои заседания в различных местах, иногда на квартире одного из членов редакции. Так продолжалось до тех пор, пока в распоряжение редакционного коллектива не была представлена маленькая «каморка» с

крошечным окном в помещении книжного магазина Общества «Маяк» на ул. Петровка, 7 (г. Москва). Если на заседании присутствовало четыре-пять человек, то в помещение войти уже было невозможно из-за тесноты. С 1924 г. удалось наладить вполне регулярный выход журнала с количеством шесть номеров в год.

Тираж журнала первого пятилетия составлял от пятисот экземпляров до трех и десяти тысяч, который зависел в первую очередь от материальной базы Общества и выделяемого властью количества бумаги. Сначала шел процесс наращивания объемов тиража. В 1925 г. тираж составил десять тысяч экземпляров. В 1926 г. тираж сократился до восьми и даже семи тысяч экземпляров. С четвертого номера 1926 г. журнал стал выходить с пометкой «Издательство Всесоюзного Общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев», что говорило о созданной в Обществе серьезной творческой лаборатории. Всего вышло 116 номеров. Издательство расположилось по адресу Москва-центр, Лопухинский переулок, 5.

На протяжении существования журнала его ответственными редакторами были видные государственные и партийные деятели, в прошлом репрессированные царизмом, некоторые из них вторично подверглись репрессиям. С 1921 г. до 1927 г. ответственным редактором был В. Д. Виленский-Сибиряков, член РСДРП с 1903 г. В 1927 г. он был исключен из ВКП(б) за принадлежность к левой (троцкистской) оппозиции и выслан в Пермь. В 1928 г. был возвращен в Москву. Вновь был арестован 22 июня 1936 г. и осужден на 8 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах с конфискацией имущества (ст. 17 и 58-8, 11 УК РСФСР). Умер 2 июля 1942 г. в местах лишения свободы Красноярского края. (г. Иланск, п/я 235/7). По трагической иронии судьбы смерть настигла его именно там, где он был в первый раз арестован в 1908 г. царской охранкой по делу о революционной пропаганде.

В состав редакции входили М. А. Брагинский, Е. Н. Ковальская, Б. П. Козьмин, Ф. Я. Кон, М. Ф. Фроленко, Н. Ф. Чужак-Насимович. В 1927–1929 гг. ответственным редактором стал член ППС-левица и ВКП(б) Ф. Я. Кон – видный деятель российского и международного революционного движения. Однако занятый на многих других государственных постах и

по состоянию здоровья Ф. Я. Кон не мог выделить достаточно времени для руководства редакцией. В 1929–1935 гг. редакционный коллектив возглавил советский государственный и партийный деятель И. А. Теодорович. Редакционная коллегия включала М. А. Брагинского, Е. Н. Ковальскую, В. П. Коларова, Б. П. Козьмина, М. М. Константинова, С. И. Мицкевича, В. Н. Соколова, М. Ф. Фроленко, Н. Ф. Чужак-Насимовича, Я. В. Шумяцкого. Список сотрудников журнала, в их число входили авторы и другие редакторы, составлял более ста человек.

Издательская программа была расширена с 1925 г., ког-

да начинается выпуск двух серий «Историко-Революционной Библиотеки: Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России» и «Дешевой библиотеки: История революционного движения в очерках, воспоминаниях и биографиях». Эти серии были рассчитаны на разного читателя. «Историко-Революционная Библиотека» ориентировалась на подготовленного читателя, куда входили научно-исследовательские работы и мемуары по истории революционного движения. Например, в 1925 г. вышло 12 номеров, среди них: М. А. Кротов «Якутская ссылка 70–80-х годов. Исторический

очерк по неизданным архивным материалам». Под редакцией и с предисловием Вл. Виленского-Сибирика. Объем составил 245 листов с фотографиями: «Вилуйский тюремный замок», «Группа якутских ссыльных 80–90-х годов». В 1929 г. в этой серии под № 8–10 (общая нумерация: №№ 61–63) вышел объемный труд на 685 страницах профессионального историка, большевика В. И. Невского «Рабочее движение в январские дни 1905 года». Автор рассматривает события 9 января 1905 г. в Петербурге, участие в движении социал-демократов, эсеров,

либералов, «Кровавое воскресенье», социал-демократическую партию после 9 января, январские дни в Польше, Прибалтике, на Кавказе¹. Правдивая оценка В. И. Невского о стихийности событий не устроила победившую партию. Творчество историка в середине 30-х гг. XX в. оказалось под запретом, его книги о революции 1905 г. были изъяты из библиотек, а сам он, как и другие «неудобные» историки и революционеры, был репрессирован советской властью.

В 1935 г. В. И. Невский был арестован во время разгрома школы партийных историков, обвинён в «руководстве антипартийной группой» и приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей.

В 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к расстрелу.

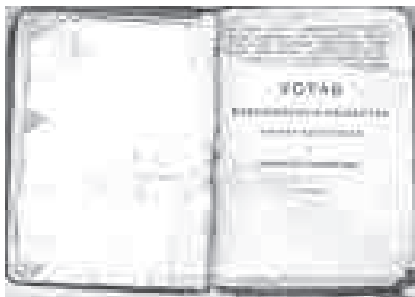
В 1925–1929 гг. в этой серии вышло 63 выпуска. В 30-е гг. XX в. была организована подписка на историко-революционную библиотеку. Выпускалось 12 номеров в год, подписная цена на год составляла 20 рублей, размер номера – 14 печатных листов с иллюстрациями и портретами.

«Дешевая библиотека» была направлена на массового читателя и молодого человека, «впервые приступающего к чтению истории революционного движения». При нехватки исторической литературы, «дешевая библиотека» была хорошим подспорьем для ВКП(б) в воспитании широких масс, она выходила в количестве 52-х номеров в год. Ее достоинство было еще и в том, что цена книжечек была невелика: от 10 до 50 копеек. Эту серию высоко ценили. «Учительская газета» 24 июня 1927 г. писала, что похождения и приключения иных революционеров подрастающим поколением должны читаться, как увлекательный приключенческий роман... оживает в библиотечке и мучительная жизнь царских пленников в ссылке и на каторге, Орловский централ, Тобольский централ, знаменитая «Колесуха»².

В серии в 1925 г. вышли очерки о тюрьме, каторге и ссылке: Вл. Виленского-Сибирякова «Ленин в сибирской ссылке»,

¹ Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1921–1931: Каталог изданий. М.: Издательство политкаторжан, 1931. С. 115.

² Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев ... С. 120.

Данцескес и Билибин «Орловский централ», А. Капгер «Верхоянская ссылка», Я. Свердлов «Царская ссылка за десять лет (1906–1916 гг.)»; в 1926 г. вышли: В. Стуков «В дальневосточных тюрьмах», Н. Тетерин «Орловский застенки», Андрей Соболев «Там, где решетки. Из жизни Зерентуйской каторги. Посмертный очерк»; в 1928 г. вышли очерки Г. Н. Чемоданов «Тюремщик Высоцкий», изд. 2-е. В 1932 г. в серии изданы заметки П. Никифорова «В годы реакции в Иркутской тюрьме».

В 1927 г. вышла серия «Популярная библиотека».

Однако серия оказалась скоротечной, издано было всего 26 выпусков. Она адресовалась педагогу-обществовед, студенту, рабфаковцу, «избачу» и всем культработникам. Среди выпусков: Ю. М. Бочаров «Февральская революция 1917 года (К десятилетию падения царизма). С указателем главнейшей литературы», М. Константинов «Как мы освободились (Рассказ бывшего политкаторжанина)», К. Дубровский «Якутская ссылка в русской художественной литературе», А. Коллонтай «В тюрьме Керенского».

С 1929 г. прибавилась еще одна серия «Научно-популярная библиотека: Из истории революционного движения в очерках, воспоминаниях и биографиях». Она была рассчитана на подготовленного читателя, обладающего некоторым запасом сведений по истории революционного движения в России. В этой серии выпускались очерки по истории различных событий и эпох революционного движения, а также биографии выдающихся революционеров. Каждая книжечка сопровождалась кратким библиографическим указателем, портретами и иллюстрациями. В 1929–1930 гг. вышло 26 выпусков. Среди них:

Мих. Поляков «На краю света (Колымская ссылка). С приложением схематической карты пути от Иркутска до Средне-Колымска», Мария Школьник «Жизнь бывшей террористки», Б. Шварце «Семь лет в Шлиссельбурге».

Кроме этих серий, выходивших более или менее регулярно, редакционно-издательским отделом «Каторги и ссылки» выпускались отдельные книги, портреты революционеров в папках, брошюры и «Био-библиографический словарь деятелей революционного движения в России». Грандиозный проект политкаторжан – Словарь, должен был быть справочной книгой для каждого интересующегося революционным прошлым и настольной книгой для специалистов-историков. Издание Словаря было рассчитано на 10 томов, которые предполагалось издавать в хронологической последовательности, начиная с Радищева и до «социалистов-революционеров, максималистов, анархистов и прочих партий». Работа над Словарем шла медленно и «кустарно», так как работали только два человека.

Первые два тома Словаря удалось издать только в 1927 г. и это несмотря на то, что использовались только литературные материалы, из-за нехватки кадров архивные документы пока не нашли своего отражения. В начале 30-х гг. XX в. для работы над Словарем был создан аппарат, состоящий из квалифицированных специалистов. Редакционная коллегия решила не дожидаться конца работы над более ранними периодами революционного движения и ускорила процесс издания тома, посвященного социал-демократам. Теперь в разработку попали не только мемуары, биографии, воспоминания и журнальные статьи, но и архивные документы. Была составлена картотека из 250 000 карточек. В редакционную коллегию Словаря попали ведущие историки марксисты и члены Центрального совета Общества: Б. П. Козьмин, Ф. Я. Кон, В. И. Невский, И. А. Теодорович, Я. Б. Шумяцкий. Первый и второй том Словаря каждый в двух выпусках «Декабристы и петрашевцы» и «Шестидесятые годы», «Семидесятые годы» были составлены М. Г. Карнауховой и А. А. Шиловым. Первая часть первого тома содержала биографические и библиографические сведения на 996 лиц. Было помещено 108 портретов. Вторая часть содержала сведения на 1710 лиц, помещено 144 портрета. Первый выпуск второго тома включал сведения на 1797 лиц, куда

было помещено 105 портретов, второй выпуск второго тома включал сведения на 1693 лица, было опубликовано 120 портретов. «Красная новь» совершенно справедливо отметила, что только специалист в состоянии понять, какую массу труда вложили составители в работу над Словарем, какой громадный материал им пришлось использовать и проработать¹.

Издание отдельных книг о революционной истории, указателей литературы, воспоминаний с портретами и иллюстрациями – еще одна важная часть работы издательско-редакционного коллектива. Как правило, количество страниц каждого издания составляло от ста до трехсот и более. Иногда это были

двухтомники. Например, в 1932 г. вышло собрание сочинений члена исполнительного комитета «Народной воли» М. Фроленко в 2-х томах с портретами и иллюстрациями. Количество страниц составило 752. В этой серии вышли указатели литературы: «Именные и систематические указатели к историко-революционному вестнику «Каторга и ссылка», Вл. Селиванов «Декабристы. 1825–1925. Систематический указатель русской литературы». Часть работ была посвящена революционерам и революционным событиям разных периодов: «Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секции по изучению

декабристов и их времени», С. Ф. Ковалик «Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. Посмертное издание», «Революционное движение среди евреев. Предисловие С. Диманштейна. Труды секции по изучению революционного движения среди евреев при Обществе политкаторжан», И. Книжник-Ветров «Петр Лаврович Лавров», «Якутская трагедия 22 марта (3 апреля) 1889 г. Сборник воспоминаний и ма-

¹ Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев... С. 150.

териалов», Мария Спиридонова «Из воспоминаний о Нерчинской каторге. С портретами и иллюстрациями», Г. Н. Чемоданов «Нерчинская каторга. Воспоминания бывшего начальника конвойной команды» (вышло в двух изданиях) и др.

Как правило, издания проходили серьезную редакционную проверку и правку, авторами которых были известные историки марксисты. Например, автором редакции, вступительной статьи и примечаний произведения П. Н. Ткачева «Избранные сочинения на специально политические темы» был назначен Б. П. Козьмин.

Редакционно-издательский коллектив «Каторги и ссылки» выпускал специальные юбилейные издания. К пятидесятилетнему юбилею партии «Народная воля» вышли: «Народная воля» в документах и воспоминаниях», «Народная Воля» перед царским судом» в двух выпусках, подготовленных кружком народовольцев, монография И. А. Теодоровича «Историческое значение партии «Народная воля», «Литература партии «Народная Воля». Небольшими книжечками выходили биографии народовольцев.

Планы изданий серий историко-революционной литературы, внутренние вопросы организации изданий, материальные вопросы активно обсуждались на заседаниях. Заседание редколлегии журнала «Каторга и ссылка» 29 ноября 1929 г. под номером 72 (общая нумерация – 173 заседания) ярко иллюстрирует, как шел процесс подготовки изданий историко-революционной литературы¹. На заседании присутствовали А. И. Теодорович – председатель, Ф. Я. Кон, М. Брагинский, М. Ф. Фроленко, Б. П. Козьмин, Я. Б. Шумяцкий, В. Н. Фигнер, Г. Сушкин, Я. Д. Баум, Н. Ф. Чужак, Е. Д. Никитина, Е. Арьков, С. М. Брейтбург, В. Ю. Ульянинский – секретарь. Обсуждался план издания «дешевой библиотеки» на первое полугодие 1930 г. Всего было запланировано двадцать пять изданий, из них только пять по истории каторги и ссылки: И. Жуковский «Карийская трагедия», Г. Сушкин «В царской ссылке», Мошинский «Артем-Сергеев», И. Жуковский «Как жандармы устраивали мне побег», он же «Театр на каторге». В результате обсуждения по каждому очерку принималось постановление.

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1433. Л. 1–3.

Для издания некоторых очерков принимали решение «просить ознакомиться» редакторам. О сборнике статей т. Невского «От «Земли и воли» к «Черному переделу» – «просить т. Козьмина ознакомиться со сборником», о работе Мельшина «В мире отверженных» – «ознакомиться Брагинскому». Рассматривалась и коммерческая сторона изданий. Получив отзыв правления издательства о коммерческой стороне издания «Заговорщики и полиция», редакция постановила «Принять к изданию». Видимо, коммерческая сторона издания не вызывала сомнений. На предложение Нерчинского землячества переиздать книгу Чемоданова «Нерчинская каторга» постановили «переиздать книгу с дополнениями, редактору Н. Ф. Чужаку подготовить книгу к изданию».

В «издательский портфель» иногда попадали произведения, издание которых категорически отменялось. На заседании редакционной коллегии «Каторги и ссылки» в 1932 г. (протокол № 21) рассматривалось предложение Академии наук об издании рукописи Л. Дейча «Писатели 70-х гг.». Однако редакция предложение отклонила с формулировкой «предложение отклонить в виду того, что рукопись не подходит под программу нашего издательства»¹. Была отклонена рукопись т. Петрова «Воспоминания о Гапоне». О мемуарах В. Позена постановили «выяснить у бывших карийцев вопрос о подаванчестве Позена».

Особой заботой редакционного коллектива была материальная сторона дела. На заседаниях обсуждались вопросы о размерах авторских гонораров, в результате принималось, например, решение «просить правление пересмотреть ставки в сторону их повышения». С авторами заключались договоры, где подробно была определена работа его и гонорар: «(ФИО)... должен представить указанную работу не позднее 30 декабря 1933 г. в совершенно готовом виде... в двух экземплярах. ОПК оплачивает работу из расчета 500 руб. за печатный лист, причем 25 % выплачивается немедленно... остальные ... по утверждении работы Пленумом ЦБ НИИС»².

О результатах издательской деятельности говорят следующие цифры. Если в 1927 г. было выпущено 397,7 печатных листов с 1 531 499,45 листов-оттисков, (79 наименований книг),

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1433. Л. 4.

² Там же. Л. 2.

то производственный план издательства на 1932 г. был представлен таким образом: издать 115 названий книг, тиражом 3 045 тыс. экземпляров, что составляло 10 690 тысяч листов-оттисков, планировалась общая сумма затрат 1 461 тыс. рублей «по номиналу». Несмотря на уменьшение плана издания на 13 книг (11 %) по сравнению с 1931 г., планировался рост тиража за счет «Дешевой библиотеки» с 25 тыс. экземпляров до 50 тыс. экземпляров и за счет «Научно-популярной библиотеки». Причина сокращения количества изданий крылась в усилении политической бдительности к книгам по историко-революционным вопросам¹.

В работе издательства были и свои проблемы. Они заключались в затоваривании своей продукцией и чужими изданиями, некоторой раздутостью аппарата и стремлением к обособленности от Президиума Центрального Совета Общества, недостаточной «календарностью» при выполнении производственного плана, недостаточным снижением торговых и накладных расходов. На III съезде Общества было принято решение: предложить Центральному Совету продолжить укрепление финансового положения Издательства, снижать вексельную эмиссию, придерживаться календарного выполнения производственного плана, принять меры к распространению изданий и т. д.²

Несмотря на некоторые достижения в работе редакции и Издательства политкаторжан: рост авторов-коммунистов с 13 % до 31 %, увеличение числа работ, посвященных изучению

¹ Пономарев. План издательства на 1932 год // Бюллетень Центрального совета Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1932 г. № 10/3. С. 22–24.

² Хроника. Из жизни Общества. III съезд Общества // Каторга и ссылка. 1928. № 4. С. 186–187.

массового движения, истории партии и Октябрьской революции, активной работе редакторского коллектива над примечаниями, комментариями и предисловиями, все еще оставались проблемы. Одна из них – ухудшение отношений между главным редактором издательства «Политкаторжан» И. А. Теодоровичем и председателем правления «Издательства политкаторжан» Я. Шумяцким к весне 1933 г. Взаимные обвинения и недоверие спровоцировали создание специальной комиссии коммунистической фракции Центрального Совета Общества из пяти человек. Комиссия рассмотрела этот вопрос и сделала свой вывод: корень зла кроется не только в разногласиях личного характера, но и идеологическом неприятии двух руководителей. Крайне ненормальные отношения между главой редакторского коллектива и главой издательства И. А. Теодоровичем и Я. Шумяцким мешают и тормозят работу, в то время как два органа должны дополнять и помогать друг другу. В декабре 1933 г. в редакционно-издательских структурах произошла реорганизация. Главным редактором остался И. А. Теодорович, правление издательства было ликвидировано, во главе стала дирекция, которую возглавил А. Бреслав.

Как известно, Общество политкаторжан было распущено в 1935 г., тогда же прекратилась деятельность редакционного и издательского коллектива. Бывшие революционеры, репрессированные царизмом, смогли создать Общество политкаторжан, на плечи которого легла большая работа по исследованию и популяризации революционной истории. Итогом их научной деятельности явились документальные и научные публикации, мемуары, брошюры, монографические труды, справочно-библиографические публикации, научно-популярная литература. Подготовка и издание книг – тяжелый труд, поэтому без многосторонней деятельности редакционно-издательских структур Общества, куда входили представители бывших революционных партий и научная историческая элита советского государства, сделать это было бы невозможно.

УДК 947.081(571.53)

Гулин А. С., Москва

**Современная зарубежная западная историография
о сибирской ссылке участников польского восстания 1863–1864 гг.**

Аннотация. В статье дан краткий обзор состояния современной зарубежной западной историографии о сибирской ссылке участников польского восстания 1863–1864 гг., анализ и оценка монографий, вышедших за последние пять лет в разных странах Запада.

Ключевые слова: сибирская ссылка, участники польского восстания 1863–1864 гг., зарубежная историография, Розанна Казари, Даниэль Бир, Эндрю Гентес.

Gulin A. S., Moscow

**Modern Western foreign historiography
about the Siberian participants in the Polish uprising of 1863–1864**

Abstract. The article gives a brief overview of the state of modern foreign Western historiography about the Siberian exile of participants in the Polish uprising of 1863–1864, analysis and evaluation of monographs published over the past five years in different countries of the West.

Keywords: Siberian exile, participants in the Polish uprising of 1863–1864, foreign historiography, Rosanna Casari, Daniel Beer, Andrew Gentes.

За последнее пятилетие западная историография отметилась тремя более или менее заметными монографиями, посвященными или касающимися сибирской ссылки участников польского восстания 1863–1864 гг., которые вышли одна вслед за другой в разных странах: Италии, Англии и США. Причины современного интереса к теме за рубежом на фоне крупнейшего современного международного конфликта и русофобских настроений лежат на поверхности. Мы рассмотрим здесь чисто научную сторону вопроса, не касаясь политических трендов и фибрилляций.

В историографическом обзоре проблемы польский проф. В. Цабан [13], среди монографических, т. е. развернутых и объ-

емных исследований, отдельно выделяет две работы: польского историка Г. Скока «Поляки на Байкале 1863–1883» [17] и российского С. А. Мулиной «Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири» [10]. Монографию Г. Скока, вышедшую в свет уже как сорок пять лет назад в 1974 г., ученый оценивает как наиболее полное исследование, построенное на архивных, и потому более достоверных источниках, а не по преимуществу мемуарных и субъективных, чаще и широко используемых в работах польских исследователей. Наивысшим достижением по этой проблематике среди российских историков последнего времени В. Цабан считает упомянутую работу С. А. Мулиной. Эти две работы, по сути являются на данный момент единственными полными монографиями, охватывающими вместе западносибирскую и восточносибирскую ссылку участников польского восстания, но имеющих в основе два разных подхода. Монография Г. Скока основана большей частью на изучении архивных материалов высших органов власти, без исследования персоналий и их статистики, в то время как монография С. А. Мулиной основана на местных архивных материалах и содержит список польских ссыльных, сосланных в Западную Сибирь, правда, менее 50 % от общего числа. Объединение же этих двух подходов, с нашей точки зрения, вне всякого сомнения, вознаградило бы и того и другого автора более ощутимыми результатами. Позже, мы еще раз обратимся к этим монографиям.

Что же нового внесла современная западная историография? В 2015 г. в Италии в г. Бергамо вышла в свет книга «Луиджи Кароли (1834–1865). Профиль в два голоса» [14], являющаяся совместным плодом двух авторов – журналиста Джузеппе Досси и профессора русской литературы Бергамского университета Розанны Казари. Книга посвящена памятной дате – 150-летию со дня смерти местной знаменитости Луиджи Кароли. Итальянец попал в русский плен 5 мая 1863 г. во время экспедиции в Польшу группы гарибальдийцев, так называемого «Иностранного легиона» во главе с полковником Ф. Нулло, решивших поддержать польских повстанцев. Он был осужден по военно-полевым законам в г. Варшаве, сослан на каторгу в Сибирь на 12 лет в крепости, где и умер 8 июня 1865 г. в Кадаинском руднике. Данная книга объемом в 150 страниц, в трех частях: первая,

объемом в 40 страниц, автор Дж. Досси, посвящена биографии Л. Кароли до ссылки в Сибирь; вторая, – 54 страницы, проф. Р. Казари, посвящена периоду жизни Л. Кароли во время ссылки; третья, заключительная часть, объемом в 50 страниц, включает приложения: иллюстрации и документы. О гарибальдийцах-каторжниках и о Л. Кароли автором этих строк было собрано много ранее неизвестных архивных материалов и написано ряд статей [5; 6; 7]. Эти статьи и материалы и легли во многом в основу второй части этой монографии, написанной проф. Р. Казари, и для российского исследователя сибирской политической ссылки не было бы ничего интересного в этой книге, если бы не неумолимый и дотошный характер проф. Р. Казари, сумевшей разыскать часть, уже казалось бы потерянного навсегда, архива семьи Кароли с бумагами Луиджи, вывезенных из Сибири французом Э. Андреоли, другом и союзником итальянца. Среди бумаг были обнаружены три любопытные вещи: фотопортрет Э. Андреоли в каторжном полушубке, высланный им брату Л. Кароли, Бернарду из Нижнего Новгорода по пути следования на родину; письмо Э. Андреоли к местному историку Дж. Локателли по поводу издания мемуаров о сибирской каторге бергамца Алессандро Венанцио, также участника экспедиции Ф. Нулло, сосланного в Сибирь вместе с другими итальянцами и французами, в котором француз, сожалея, что годы стирают память старых товарищей, изящно предложил историку свою рукопись, упоминая вскользь, что у него готова книга воспоминаний на английском и на французском языках, которая весьма отлична от изданной ранее в 1868–1869 г. во Франции и Италии. Была ли действительно написана Э. Андреоли такая книга – неизвестно, однако, как раз лет пять тому назад в Лондоне антикваром Ричардом Фордом была выставлена на продажу машинописная рукопись на английском языке воспоминаний француза о каторге с редакционными пометками рукой самого князя-анархиста Петра Кропоткина, которую антиквар датировал 1880 г. Полученные нами от антиквара сканы некоторых страниц машинописи свидетельствовали о том, что текст полностью идентичен французскому изданию 1868 г. в журнале «Revue Moderne» и в этом смысле мало интересен. Любопытен же сам факт попытки П. Кропоткиным опубликовать мемуары Э. Андреоли в английской печати. Третьей вещью обнаруженной в

остатках семейного архива Кароли, был, ранее хорошо описанный в книге К. Ферлей-Белянской [15], рисунок печально известного политкаторжанина гусарского подполковника Андрея Красовского, некогда нарисованный им при первом знакомстве с итальянцами в пересыльной тюрьме г. Иркутска. Красовский озаглавил добродушный шарж как «Musica Italiana» и подарил его итальянцам в знак дружеского расположения. Рисунок изображал шествие семи итальянцев в виде оркестра, колонну возглавлял А. Веннацио и замыкал Л. Кароли, каждый итальянец с музыкальным инструментом в руках, а удивительное портретное сходство свидетельствовало о художественном даре и необычайном юморе русского гусара. Этот замечательный рисунок был опубликован Р. Казари в ее книге. В целом это все, чем примечательна итальянская монография для российского исследователя.

Другая монография британского русиста Даниэля Бира «Мертвый дом: сибирская ссылка под царями», вышедшая в свет в 2017 г. в Лондоне [12], охватывает собой в целом историю политической сибирской ссылки с 1801 по 1917 гг. Книга объемом в 487 стр. состоит из пролога, эпилога и 14 глав, относительно же рассматриваемой нами историографии, книга интересна главой «Во имя свободы!» объемом в 29 страниц. Д. Биром для написания главы были также использованы те же статьи и материалы автора этих строк, с его согласия, об итальянце Кароли и его товарищах [5], о которых упоминалось выше, и опять же об А. Красовском. Автор игнорировал результаты нашего исследования, что медицинские заключения о страданиях Красовского чахоткой были ложными и преследовали цель получить послабления и смягчение участи [7], а предпочел транслировать все те же прежние нелепые доводы о чахотке А. Красовского и прочие сказки, некогда запущенные в научный эфир, переписываемые и множасьщиеся от статьи к статье, от книги в книгу. Мы вполне ответственно можем заявить, что в этой части монография англичанина носит полностью компиляционный характер, при этом автор, используя разные данные и разные факты, разные точки зрения на события из разных статей и монографий, произвольно выбирая то, что вписывалось бы в его главную идею книги, что далеко не соответствует истине, но зато подпирает русофобский характер

монографии, по принципу – в пирог все сходится. Ничего нового автором не сказано, и единственное чем примечательна книга, с нашей точки зрения, – скрупулезно собранной автором библиографией. В ней же, среди прочих источников, автором отмечена вышеуказанная машинопись английского перевода дневников француза Э. Андреоли.

Третья монография «Массовая депортация поляков в Сибирь (1863–1880)» [16], вышла в 2018 г. в США, автор коей американский профессор Эндрю Гентес, в отличии от двух предыдущих авторов, не только профессиональный русист, но и историк сибирской политической ссылки, который имеет целый ряд научных работ и диссертацию по этой теме, также переведенные им на английский язык мемуары бывших российских политкаторжан: В. М. Дорошевича «Сахалин», изданные в Нью-Йорке в 2011 г., и П. Ф. Якубовского «Мир отверженных», вышедшие там же в 2015 г. Более того, перу этого автора принадлежат две монографии «Ссылка в Сибирь (1590–1822)» и «Ссылка, убийство и сумасшествие в Сибири, 1823–61», первая вышла в Нью-Йорке в 2008 г., а вторая, там же, в 2010 г. Таким образом, представив вниманию читателя свою третью книгу о сибирской ссылке «Массовая депортация поляков в Сибирь (1863–1880)», автор создал целую трилогию о сибирской ссылке в укор российскому научному сообществу. Последняя книга, полностью посвященная предмету нашего исследования, с пугающим и всеобъемлющем названием, с темой, замахнуться на которую ни один из известных ныне живущих или уже ушедших маститых авторов вряд ли бы себе позволил, что невольно привлекает пристальное внимание. Потребность в такого рода монографии уже давно назрела, но работа над таким трудом требует более квалифицированного подхода.

Книга Э. Гентеса объемом в 262 страницы вместе с библиографией и именным указателем, включает в себя девять глав. По замыслу автора его труд должен был охватить и осветить всю историю польской ссылки после Январского восстания во всех уголках Западной и Восточной Сибири. Но по «молекулярному» же разбору сего труда обнаружилось, что автор весьма далек от той задачи и той компетенции, на которую претендует. Книга американского профессора представляет лишь компиляцию опубликованных печатных трудов и архивных источников,

привлеченных им, с суждениями автора, далекими от научного понимания того, что он описывает, ни политические, ни историко-юридические оценки, ни событийный анализ не соответствуют исследуемым обстоятельствам. Нарратив монографии зажат в прокрустово ложе самой неготовности автора к масштабу такой работы, идеологическая подложка, политический подтекст, априори не позволяют автору выйти за пределы очерченного им же круга. Мы не наблюдаем в ней никаких новых позитивных мыслей и идей. При такой научной задаче компиляция не даст требуемого результата в силу неисследованности ряда важных ключевых проблем темы. В первую же очередь, бросается в глаза, что автор, пишущий о поляках, не знает польского языка даже на уровне чтения со словарем, потому в его библиографии присутствуют только те книги и статьи, что изданы либо на русском, либо на английском языке, что у ученого сообщества, изучающего сибирскую ссылку как с российской, так и с польской стороны, должно вызвать вопрос: что можно написать в таком объеме о такой теме, не будучи знакомым с мемуарами польских ссыльных?

Соответственно, автор не использовал при работе важнейшую из монографий на тему о польской ссылке описываемого периода Г. Скока и целый ряд работ польских ученых, столь же значимых при изучении данной проблематики. В его библиографии также отсутствуют не менее важные статьи российских историков, к примеру, статья Б. С. Шостаковича и Л. С. Клер [9]. Может автор буквально просеял через сито российские архивы? И тут дело обстоит *non refert*, автор в основном использует лишь около трех десятков неопубликованных дел из некоторых фондов: ГАРФ – ф. 122, Главное тюремное управление, и ГАИО: ф. 24, Главное управление Восточной Сибири; ф. 37, Иркутский губернский статистический комитет и ф. 137, Усть-Кутский солеваренный завод; РГИА ДВ – ф. 701, Главное управление Восточной Сибири (г. Иркутск). Из мемуарных источников, переведенных на английский язык, Э. Гентес использовал мало кому известные и малоинтересные воспоминания прусского подданного Игнатия Дрыгаса, безграмотного двадцатилетнего парня из дезертиров прусской пограничной стражи «Воспоминания партизана: польское восстание 1863–1864 гг.», сосланного в каторгу на пять лет в крепости,

но проведшего свое наказание на поселении в деревне в двух днях пути от г. Омска [16 с. 114], который, позже обучившись грамоте, изложил свои впечатления о пребывании в Сибири. Автор цитирует и пересказывает писанное Дрыгасом десятками страниц, приводит малокомпетентное мнение автора, как доводы. Излагая без особого понимания тему, но преследуя цель доказать чуть ли не геноцид русскими польского народа, Э. Гентес наполнил текст книги массой неточностей и нелепиц, так что подчеркивая при переводе ляпы в его тексте, у нас полкниги отмечено желтым маркером.

Среди коллекции «развесистых клюкв» этого труда с первых страниц мы замечаем: любопытную должность «генерал-губернатор Главного управления Западной Сибири» [16, с. 8]; суждение же о том, что «российская армия была обучена сражаться тактикой эпохи Наполеона, состоящей из плотных формирований и требующих четких полей для огня», и что «профессиональные солдаты не были обучены сражаться с партизанами» [16, с. 62], вызывает саркастическую улыбку: автору, видимо, неизвестен опыт русских войск, полученный на Кавказе, и ему надлежало бы ознакомиться с трудом историка С. В. Гескета о военных действиях в Царстве Польском [4]. Заявление автора, что после окончательного поражения Наполеона будущий усмиритель польского восстания 1863–1864 гг. М. Н. Муравьев-Виленский был назначен на Кавказ «покорять грузин» [16, с. 67], ставит под сомнение профессионализм автора. Переселенных в Сибирь запорожских казаков, автор называет украинцами, повергшимися этнической чистке [16, с. 21]. И т. д., и т. д., в том же духе об «империи зла», стране «северных варваров». В завершение всех этих суждений автор, наконец, договорился до того, что перешел к самым махровым аналогиям, объявляя, что тактика имперского правительства по подавлению польского восстания «не только породила политику Сталина, но и имеет некоторое сходство с той, которая использовалась Саддамом Хусейном и режимом Асада в Сирии. В рамках своего «умиротворения» российские командиры сжигали целые деревни дотла, окружали и изгоняли ни в чем не повинных гражданских лиц под надуманными предлогами и публично казнили сотни людей через усеченные военные суды» [16, с. 13]. Не правда ли возмутительно? Представьте, какие картины рисуются у непосвя-

ценного западного читателя! В то время, как в первых строках на этой же странице автор упоминает о крестьянах поляках, загнавших в казарму более сотни солдат, которую они потом подожгли и невозмутимо взирали, как в ней заживо горят люди. Или они нелюди? И их можно жечь? А жгущие не ассоциируются у автора с варварами и террористами? Почему? В целом оплевывание и обливание грязью царизма, столь характерное для революционно-романтического направления в советской историографии, здесь обретает лишь тот смысл, что яблоко от яблони недалеко падает, и империя порождает империю все с теми же родимыми пятнами и тем же ДНК.

Перейдя непосредственно к ссылке, автор замечает, что: «Через несколько месяцев после Январского восстания высшие должностные лица Сибири также начали понимать, что, начиная со следующей осени, к этим потрепанным рядам присоединятся тысячи повстанцев из Царства Польского и западных губерний. [...] сибирское чиновничество знало, что в новом, на этот раз Александрийском полицейском государстве сибирякам предстоит сыграть роль еще более огромной тюрьмы» [16, с. 78]. То есть, следуя от изложенного, если уже сибирское начальство понимало масштаб предстоящей ссылки, то и высшее руководство должно было это понимать. Но вопрос, почему же тогда, когда полился поток ссыльных, министры обрушились с критикой против М. Н. Муравьева за чрезмерные меры по высылке из западных губерний огромного количества ссыльных и перемещенных? А как же проекты сибирских губернаторов об освобождении Сибири от пагубной практики ссыльного края? Поверхность суждений автора, то ли нацеленной на некомпетентную публику, то ли от недостатка глубоких знаний предмета, порою бросает читающего, более или менее знакомого с темой, в холодный пот. Мы замечаем в тексте такие силлогизмы: «[...] в письме вышестоящему начальству сообщает, что в прошлом году были осуществлены 201 «конфискация» и «арест» движимого и недвижимого имущества. Различие между конфискацией и арестом не совсем ясно, хотя один термин, вероятно, относится к движимому имуществу, а другой, к недвижимому имуществу» [16, с. 87], – как это понимать!

Автор спотыкается и путается в простейших вещах, так, рассуждая о судебных приговорах, он замечает, что: «Характер

этих приговоров быстро выявил как незнание судами Сибири, так и отсутствие связи между государственными органами. Например, значительная часть повстанцев была приговорена к отбыванию срока каторги в крепостях в Восточной Сибири» [16, с. 88–89]. Зачем судам знать географию? Ни один приговор не назначал каторжных в какую-либо часть Сибири, а звучал так: «в одну из сибирских крепостей», а смысл степени каторжных работ не в том, куда должен быть направлен каторжник, а в характере и силе его преступления и соответствующего наказания взамен смертной казни. Лишь только определение Западного Комитета, что все каторжные должны были быть ссылаемы в Восточную Сибирь, привело к правовой коллизии – решения Комитета с обстоятельствами и законом, в виду отсутствия крепостей в Восточной Сибири. Из чего вышли вполне себе в рамках существующего права временными мерами, уравнив каторжные работы в крепостях с заводскими работами административным порядком, высочайшим утверждением решения по этому делу в журнале Комитета Министров 1 мая 1864 г. [3, л. 72].

Имея под рукой сборник документов, по крайней мере, этот том указан автором в его библиографии и цитируем им же в книге неоднократно, «Политическая ссылка в Сибирь. Нерчинская каторга», где есть документы свидетельствующие, что как обычные польские политические ссыльные, так и некоторые ссыльнокаторжные, прибыли до января 1864 г. не только вообще в Сибирь, но и доставлены были даже в Петровский Завод Забайкальской области, за несколько сот верст далее за Иркутск [11, с. 151], хотя старт массовой высылке в Сибирь был дан только в июне-июле 1863 г., а дорога из С.-Петербурга до Иркутска занимала в лучшем случае четыре-шесть месяцев, но Э. Гентес пишет: «[...] даже самые первые поляки, подлежащие депортации, не могли быть обработаны и отконвоированы через Урал до января 1864 года. До этого месяца сибирские чиновники получили только двух политических ссыльных в Тобольской губернии, семерых в Омском округе и двадцать пять в Томской губернии. Еще семь поляков были направлены в воинские части Западной Сибири» [16, с. 103]. При этом автор ссылается на вышеупомянутую монографию С. А. Мулиной [10, с. 36], как на авторитетный источник, но Мулина, во-первых, говорит о прибывших отбывать наказание именно в За-

падную Сибирь, а не вообще обо всех ссылных, а во-вторых, существуют более точные документальные сведения – как то отчеты жандармских губернских штаб-офицеров о следовании в Сибирь политических преступников [8], которые свидетельствуют об ином. Дальнейшие же суждения вообще ставят под сомнение, что автор разбирается в теме политической ссылки, дабы софизм, изрекаемый им, гласит следующее: «Фактически государство использовало административные меры для депортации большинства повстанцев. Поэтому вопрос о том, следует ли следовать советским историографическим условностям и называть всех ссылных повстанцев «политическими ссылными», является спорным. Русские историки, писавшие в советский период, были вынуждены использовать марксистские схемы. И поэтому использование термина «политические ссылные» помогало лучше расположить повстанцев в рамках развертывания революционной диалектики» [16, с. 104]. И далее: «Однако эти же документы также свидетельствуют о том, что должностные лица часто не проводят различия между мятежниками, которые были фактически осуждены за преступления против государства [т. е. имеются в виду «государственные преступники». – А. Г.], и теми, кто был депортирован в рамках административных процедур в пределах операций по этнической чистке. Со временем сибирские чиновники, в частности, стали использовать термин «политические ссылные» в качестве метонима «польские ссылные» [16, с. 104]. Термин «политические ссылные» по отношению к участникам польского восстания 1863–1864 гг., являющийся в общем-то аксиомой, т. е. не просто термин вымышленный советскими историками, а исторический термин, применяемый властями Российской империи к лицам, осужденным по военно-полевым законам за политические преступления на территории, находившейся на военном положении, в отличие от термина «государственные преступники», применяемого к лицам, осужденным на основании «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» за государственные преступления, на территории империи, где не было военного положения, автор монографии подверг термин полной обструкции силою своей неподражаемой логики.

Так в чем же заключается исследовательский метод ученого? Подмена исследования формально-логическими заключени-

ями – все, что автор может нам предложить, касаясь сложных, а порой и простых, вопросов истории сибирской политической ссылки. Следуя указанному принципу, автор разыскивая доказательства о высокой смертности среди ссыльных, но не обнаружив их, приходит к заключению: «Еще есть один способ объяснить эти, по-видимому, низкие показатели смертности, он заключается в том, что чиновники не желали размещать польских ссыльных в госпиталях, опасаясь, что они могли бы использовать или просто опустошить скудные медицинские учреждения Сибири. Следствием этого было бы то, что эти же должностные лица были удовлетворены тем, что осужденные умерли во время марша. О смерти некоторых польских ссыльных не сообщалось» [16, с. 117].

Более осторожный исследователь заметил бы, что иных документов им не обнаружено, и потому он не может сделать положительного заключения, но автор предпочел быть плохим терапевтом, имеющим от всех болезней одну пилюлю, в данном случае, – небрежное формально-логическое заключение. Мы уже писали на тему отчетности о смертности среди политических ссыльных в недавно опубликованной нашей статье [8], потому отошлем читателя за подробностями к ней, здесь же заметим, что была установлена строгая отчетность по умершим среди политических ссыльных по всем губерниям, включая пределы не только Сибири, но и Европейской России, Царства Польского и Западного Края, и каждый губернатор, ежемесячно или по случаю, предоставлял сведения об умерших как в департамент полиции исполнительной МВД, так и губернатору того края, где проживал до ссылки умерший изгнанник, вместе с представлением медицинского свидетельства о смерти покойного. Поэтому смехоподобные выводы автора вызывают не только подозрение в его компетенции, но и вообще сомнения – рассматривать ли его монографию в качестве научного труда в виду отсутствия научного подхода к теме. В данном случае мы сталкиваемся с явлением фальсификации истории и дискредитации гуманитарного научного знания как такового.

Для разбора всех ляпов, покрывающих текстовое пространство монографии, нам наверное пришлось бы написать монографию еще большего объема, нечто вроде энгельсовского «Анти-Дюринга», в данном случае «Анти-Гентеса», поэтому мы за-

вершим анализ «развесистых клюкв» еще парой замечательных примеров.

Доказывая тяжкое существование ссыльных, о чем у автора нет никаких особых сведений, Э. Гентес пишет: «Условия труда и жизни в шахтерских поселках были нездоровыми и смертельно опасными. Смертность среди всех рабочих золотых приисков Енисейской губернии в 1866 г. составила 1,2 %. Эта цифра подскочила до 2,2 % в следующем году. Показательно, что это почти 100 % увеличения соответствовали притоку ссыльных повстанцев в Енисейскую губернию. [...] «Очень многие наши несчастные поляки погибли, наряду с другими, добывая золото [...]», – мрачно вспоминал Дрыгас.» [16, с. 146]. Какая связь между шахтерскими поселками, сиречь читай прииски, золотых рудников не было, и польскими ссыльными? Официально на золотые прииски в Енисейской губернии политических ссыльных не допускали, в 1866 г. и после работали на приисках вольнонаемные, а сколько было там ссыльных неофициально, никто не знает, не знает этого и автор, но как доказательство приводит показания безграмотного ссыльного юнца Дрыгаса, бывшего в Сибири в омской глуши и ничего не ведавшего ни о внешнем мире, ни об Енисейской губернии. Но чтобы усилить градус описания, автор, подняв дела Усть-Кутского солеваренного завода Иркутской губернии, резюмирует, что: «Таким образом, Усть-Кут был карцером для несчастных, подземной темницей для некоторых из наиболее обиженных подданных империи. [...] ТобПС [Тобольский приказ о ссыльных. – А. Г.] обычно назначал в Усть-Кут тех поляков, которые были осуждены на десять, двенадцать, или двадцать лет, и бессрочно – наказание, которое означало, что срок закончится тогда, когда решит администрация» [16, с. 168–169]. Почему «подземная темница»? Если эта аллегория, то крайне неудачная. Тобольский приказ о ссыльных никогда не занимался распределением собственно по заводам и рудникам, то была прерогатива местной администрации, но, к примеру, регулировал поток ссыльнокаторжных между Нерчинскими заводами и Иркутской губернией. Документы, приведенные автором, относятся к дате после 1866 г., т. е. после Кругобайкальского восстания, и автору невдомек, что контингент польских повстанцев-каторжников, которых он описывал, состоял как раз из осужденных по кругобайкальскому делу с

вновь назначенными каторжными сроками, почему тридцать пять человек имели бессрочные сроки каторги. Умствуя лукаво, автор пишет следующее: «Один из них, сорокадевятiletний Станислав Потоцкий, в течение трех лет был прикован цепями к тачке. Это было обычным наказанием для тех, кто пытался бежать или был особенно агрессивным» [16, с. 169]. Общее объяснение вполне правдоподобно, но касаясь именно данного персонажа из имеющихся у нас его персональных данных видно, что Станислав Потоцкий, крестьянин Гродненской губернии, был сослан в каторгу за участие в восстании бессрочно в рудники, а за участие в бунте на Кругобайкальском тракте, ему как уже сосланному в бессрочную каторгу, было усилено наказание приковыванием на цепь к тачке на три года [2, л. 437–437 об.], что впрочем не исполнялось, но, и формально и фактически, отодвигало освобождение от каторги на долгий срок.

И вот, наконец, вишенка на торте! Э. Гентес, обнаружив в архиве недатированный документ, который он отнес к 1870 г., воодушевленный своей находкой, а документ действительно интересен, пытаюсь проанализировать обнаруженное, подробно перечисляю его содержимое. Автор даже позволяет себе некоторый полет фантазии и игривые аллегории: «В то время как центральное правительство пыталось удержаться на плоту, который оно направляло, – развивает мысль исследователь-баснописец, – мчась над водопадом, в сибирских ГУЗС и ГУВС, вместе с их субординатными администрациями, вели тщательный учет расходов, связанных с содержанием назначенных им польских ссыльных. Это довольно иронично, учитывая проверенную временем способность сибирского чиновничества терять многих из этих самых ссыльных. Но у сибирских администраций была долгая история финансовой эксплуатации их Москвой и С.-Петербургом, и по мере того, как систематизация бюрократии росла и развивалась в XIX веке, они стали одержимы записью расходов, которые, по их мнению, императорская казна должна была им компенсировать» [16, с. 204]. Смысл же документа состоял в том, что в нем есть итоговые цифры затрат на содержание политических ссыльных, понесенных восточносибирской администрацией, которые должны были быть отнесены в счет казны Царства Польского и 10 % сбора с западных губерний, что было определено положением Западного Комитета от

5 марта 1864 г. [1, л. 199 об.]. Из этих средств правительство финансировало организацию ссылки виновных в восстании, из них платили ссыльным пособия, покрывались затраты на этапирование, ремонтировались и строились тюрьмы и проч. Правительством были отпущены администрациям Западной и Восточной Сибири авансовые суммы через Казенные Палаты из сумм земских сборов в счет сумм, позже полученных с мятежных территорий. Такова была финансовая комбинация, выстроенная для успешной организации ссылки. Автор же, ничего не зная о вышесказанном, резюмирует им изложенный документ следующим образом: «Смысл всего этого учета состоял в том, чтобы ГУВС могло предъявить императорской казне вексель за оказанные услуги. Недатированный внутренний меморандум, вероятно, изданный где-то в 1870 г., показывает, что чиновники МВД Восточной Сибири хотели ввести налог в размере 10 % [wanted to impose a tax of 10 %] на Королевство Польское и западные губернии, чтобы компенсировать расходы на содержание ссыльных из этих регионов. Было ли это введено в качестве сбора или налога с продаж, – неясно. Но само предложение показывает, насколько отчаянно сибирские чиновники стремились сбалансировать свои бюджеты. В том же меморандуме как региональное МВД, так и Нерчинское горное правление заявляли, что они «возмущены» тем, что им приходится нести большую часть расходов, связанных с содержанием назначенных им политических заключенных» [16, с. 207–208]. И т. д., и т. п., и несть числа цитируемым нами перлам автора.

Но несмотря на вышесказанное, чтобы подсластить горькую пилюлю, мы все-таки отметим и положительные стороны этого труда. Автор, находящийся за тридевять земель, опять же повторимся, в укор сибирским исследователям, смог найти и впервые ввести в научный оборот очень важные и любопытные документы, как мы выше отмечали, касающиеся вопроса размещения и распределения сосланных повстанцев в крепостях; материалы, касающиеся дорожных работ повстанцев-каторжников в Верхотенске и Киренске, материалы по Усть-Кутскому солеваренному заводу, документ о финансовых затратах по содержанию ссыльных и отчеты по тюремным госпиталям, т. е. те документы и по тем вопросам, которые ранее не были освещены в литературе по польской ссылке 1863–1880 гг. Другое дело,

что автор, в силу его недостаточной компетентности, не справился ни с аналитической, ни с резюмирующей задачами, зато с успехом ввел в заблуждение себя и читателя.

Подводя итог обзору западной зарубежной историографии о сибирской ссылке участников польского восстания 1863–1864 гг., констатируем следующие, что отмеченные монографии, кроме как представленными в них новыми материалами по означенной теме, ничем не примечательны, авторам не хватает компетентности для серьезного научного освещения и разбора темы, критическое осмысление прошлого не сводится к оплевыванию и обливанию грязью, бесконечному бормотанию одних и тех же мантр о «северных варварах» и царях-тиранах. У сибирской политической ссылки есть много разных сторон.

Литература и источники

1. ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Л. 341.
2. ГАРФ. Ф. 109. 1872. Оп. 47. Д. 86 (б), Л. 437–437 об.
3. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1. Делопроизводство III. Главное Тюремное Управление.
4. Гескета С. В. Военные действия в Царстве Польском в 1863 году: Начало восстания (январь, февраль и первая половина марта). Варшава: Артист. тип. С. Сикорского, 1894. 413 с.
5. Гулин А. С. Гарибальдийцы на Нерчинской каторге 1863–1867 гг. // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 258–278.
6. Гулин А. С. Гарибальдийцы в Январском польском восстании и на Нерчинской каторге 1863–1867 гг. // Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник военнопленного 1863–1867. Чита, 2011. С. 9–67.
7. Гулин А. С. Штрихи к портрету А. А. Красовского: положение на каторге 1863–1868 гг. и его взаимоотношения с местной администрацией // Материалы научно-практической конференции к 100-летию государственной архивной службы России, Чита, 2018. С. 58–63.
8. Гулин А. С. К вопросу о статистике умерших политических ссыльнокаторжных, сосланных в Восточную Сибирь после польского восстания 1863–1864 гг. // Поляки в Бурятии. Т. 8. Улан-Удэ, 2019. С. 22–31.
9. Клер Л. С., Шостакович Б. С. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1864–1874) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 10. Иркутск: Изд. ИГУ, 1987. С. 101–121.
10. Мулина С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб: Алатея, 2012. С. 73.
11. Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга (XIX в. – февраль 1917 г.): История Сибири. Первоисточники / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. Т. 1. Вып. 2. 292 с.
12. Beer Daniel, House of the dead, Siberian exile under the tsars, London, 2017. 487 p.

13. Caban W., Zsyłka Polaków na Syberię w XIX wieku. Przegląd publikacji polskich i rosyjskich/radzieckich // Przegląd historyczny, t. CV, Warszawa, 2014. S. 99–123.

14. Casari R., Dossi G., Luigi Caroli (1834–1865). Un profilo a due voci. Bergamo, 2015. 150 p.

15. Firlej-Bielanska K. Nullo i jego towarzysze. Warszawa, 1923. 150 s.

16. Gentes Andrew A., The mass deportation of poles to Siberia (1863–1880). Alstead, NH, USA: Palgrave Macmillan, 2017. 262 p.

17. Skok H. Polacy nad Bajkałem (1863–1883). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. 335 s.

УДК 947.081(571.53)

Иванов А. А., Кузнецов С. И., Иркутск

Польская тема на страницах сборника научных статей «Сибирская ссылка»

Аннотация. Статья посвящена отражению «польской темы» на страницах сборника научных статей «Сибирская ссылка». Авторы анализируют содержание отдельных публикаций по истории вынужденного пребывания поляков на территории Сибири в XVII–XX веках, останавливаясь особо на изучении вклада поляков в развитие межнациональных и культурных связей. Делается вывод о том, что история ссыльных поляков в научном сборнике является традиционной, одной из центральных тем. Подчеркивается и крупный вклад профессора Иркутского государственного университета Б. С. Шостаковича в исследования польской ссылки.

Ключевые слова: ссылка поляков в Сибирь, Нерчинская каторга, научный сборник «Сибирская ссылка», Иркутск, Забайкалье.

Ivanov A. A., Kuznetsov S. I., Irkutsk

Polish theme on pages Collection of scientific articles «Siberian Exile»

Summary. The article is devoted to the reflection of the «Polish topic» on the pages of the collection of scientific articles «Siberian

exile». The authors analyze the content of separate publications on the history of forced stay of Poles in the territory of Siberia in the 17th – XX centuries, focusing especially on the study of the contribution of Poles to the development of inter-ethnic and cultural ties. It is concluded that the history of exile Poles in the scientific collection is traditional, one of the central themes. The major contribution of Professor B. S. Shostakovich of Irkutsk State University to the research of the Polish reference is also stressed.

Keywords: reference of Poles to Siberia, Nerchinsky katorga, scientific collection Siberian Reference, Irkutsk, Transbaikalia.

В 2019 г. исполнилось сорок шесть лет с начала регулярного выхода иркутского сборника научных статей «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)». Двенадцать выпусков этого издания (1973–1991 гг.), а затем еще девять обновленного под новым названием «Сибирская ссылка» (2000–2019 гг.) хорошо известны сибирским историкам, всем исследователям проблем политической и уголовной ссылки, истории и историографии репрессивной и пенитенциарной политики государства в обширном регионе за Уральским камнем. Настоящий сборник – старейшее научное издание не только Сибири, но и России в целом. У истоков издания стояли профессора исторического факультета ИГУ Ф. А. Кудрявцев и С. В. Шостакович. Самое деятельное участие в его подготовке принял доцент Н. Н. Щербаков. Как отмечено в коллективной монографии, посвященной творчеству ученого, «Работа по изданию тематического сборника была для Н. Н. Щербакова едва ли не самым важным делом его последующей творческой биографии, вплоть до кончины в 2005 году. Все эти годы он был душой и организатором этого интересного издания»¹.

Интерес к ссылке теме в городе Иркутске – явление далеко не случайное. Территория Сибири использовалась для удаления уголовных и политических преступников на протяжении нескольких веков – с момента присоединения этих земель в конце XVI – начале XVII веков – до падения династии Романовых в

¹ Н. Н. Щербаков: ученый и педагог: Коллективная монография [Б. В. Базаров, Ю. А. Зуляр, А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Л. В. Курас, Ю. А. Петрушин] / под ред. проф. Ю. А. Петрушина. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. С. 23.

начале XX века. В Иркутске, как столице Восточной Сибири, располагалась высшая администрация, полиция, жандармерия, а также экспедиция о ссыльных. Поэтому именно в Иркутске хранятся наиболее ценные документы по истории ссылки. Тысячи объемных дел, рассредоточенных по десяткам фондов, и сегодня изучены недостаточно тщательно и до сих пор ждут своего исследователя.

С первого выпуска (1973 г.) на страницах научного сборника получила прописку и польская проблематика, связанная, прежде всего, с историей пребывания в Сибири поляков – участников национально-освободительного движения XIX в. Польская ссылка – тема постоянная, одна из центральных, находящая отражение в каждом номере «Сибирской ссылки». Такое внимание неслучайно и обусловлено огромным разноплановым вкладом поляков в социально-политическую и экономическую историю Сибири, Иркутска. Среди первых казаков, ставивших сибирские остроги и несших здесь нелегкую службу, уже были ссыльные поляки («литвины»). Хорошо известно, например, имя Никифора Черниговского, польского военнопленного, принятого на русскую службу в 1634 г. За попытку «бежать в Литву» он был выслан в Енисейск, затем отправлен на Лену и жил в Илимске, Киренске, Усть-Куте, служил здесь пятидесятником (большой чин!) и приказчиком. Обличенный доверием местных властей, ездил в Москву, отвозил государев ясак. В 1666 г. Черниговский вместе с илимскими казаками, самовольно ушел на Амур, отстроил Албазинский острог и без поддержки правительства удерживал его в течение десяти лет, возобновив тем самым в регионе русское присутствие¹. В течение XVII–XVIII вв. польские ссыльные отправлялись в Сибирь. Первой, массовой с польской точки зрения, ссылкой была ссылка 10 тысяч барских конфедератов по государственному указу Екатерины II 1768 года. В Сибирь были отправлены участники восстания под руководством Т. Костюшки в 1794 г., которых освободили от ссылки амнистийные указы Павла I и Александра I. Эти события конца XVIII – начала XIX вв., пожалуй, были причиной того, что понятие «сибирская ссылка» начало прочно входить в сознание поляков. Пошли в сибирскую ссылку и участники наполеонов-

¹ Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 130.

ского похода на Москву в 1812 г., а также члены студенческих кружков Виленского университета в 1824 г. и участники тайного заговора Патриотического общества В. Лукасиньского.

Деятнадцатый век многократно усилил масштабы польской ссылки. Вслед за декабристами в Сибирь в начале 1830-х гг. стали высылать участников Ноябрьского, а после 1863 г. – Январского национально-освободительных восстаний. Число польских изгнанников исчислялось тысячами. Апогей польской ссылки в Сибирь наступил после январского восстания в Польше 1863–1864 гг., когда было сослано около 40 тыс. поляков. Среди них были уже представители всех слоев польского общества второй половины XIX в. Из этой волны вышли участники кругобайкальского восстания 1866 г. При этом если русский «политик» рвался из Сибири в Европейскую Россию, рассматривая ссылку как временное удаление из привычной среды, то поляки на месте поселения без промедления пускали прочные корни – обзаводились добротной усадьбой, домашним скотом, активно искали занятие своим способностям. Здесь они создавали семьи, растили детей, занимались предпринимательством, делали служебную карьеру. История научного изучения Сибири также тесно связана с польской ссылкой. Без нее невозможно представить научную и просветительскую деятельность ВСОИР-ГО, работу музеев и библиотек, развитие антропологии и этнографии, сохранение культуры, традиций и языка коренных народов региона.

Иркутские историки имеют давние традиции изучения польской ссылки. Еще в 1924 г. Ф. А. Кудрявцев написал статью «Восстание поляков на Байкале», которая, правда, была издана только на польском языке¹. Позже к польской теме обращался С. Ф. Коваль, издавший в 1966 году книгу о восстании поляков 1866 г.² Касался польской ссылки в своем творчестве и Н.

¹ Кудрявцев Ф. А. Восстание поляков на Байкале // *Z pola walki*, 1927. № 2. К теме сибирской каторги участников народных движений XIX в. Ф. А. Кудрявцев возвращается во 2-м выпуске сборника по сибирской ссылке: Ф. А. Кудрявцев. Участники народных движений первой половины XIX века на каторге // *Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)*: Сборник / Ответ. ред. кандидат исторических наук Н. Н. Щербаков. Иркутск: Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова, 1974. Вып. II. С. 3–11.

² Коваль С. Ф. За правду и волю. К столетию восстания политических ссыльных в Сибири в 1866 г. – Иркутск: Вост.-Сиб. Кн. изд-во, 1966.

Н. Щербаков. После продолжительной научной командировки в Польшу в 1980 г. он опубликовал статью о материалах по политической ссылке в польских архивах¹. Его работы, так же как и издание «Ссылные революционеры в Сибири», высоко оценивали польские историки. Профессор В. Масярж писал: «Особого внимания заслуживает в изучении ссылки в целом серия сборников Иркутского государственного университета «Ссылные революционеры в Сибири», включающая статьи по проблеме ссылных начала XX века, среди которых особый интерес представляют работы Н. Н. Щербакова»².

История польской ссылки представлена в сборнике с различных сторон – в виде обобщающих, содержащих значительный фактический материал научных статей, работ, посвященных отдельным личностям, а также рецензий на литературу, вышедшую когда-то в России и Польше. При этом внимательный анализ нашего сборника дает возможность достаточно точно и подробно проследить историю изучения польской темы в Сибири и отчасти в России на протяжении длительного временного периода, охватывающего как советскую, так и современную историографию.

Вот, к примеру, статья «Декабристы и ссылные поляки в Кургане» барнаульской исследовательницы О. С. Тальской в одиннадцатом выпуске «Сибирской ссылки». Автор, изучая историографию декабристско-польских связей, уже получившую некоторое отражение в сборнике, все же приходит к выводу о ее слабой изученности применительно к Западной Сибири. До сих пор, указывает Тальская, нет точных сведений о числе поляков, географии их размещения, занятости. Сравнивая режимы содержания польских повстанцев в Западной и Восточной Сибири, автор публикует массу документальных материалов – внутриведомственную переписку, письма польских ссылных на родину, в которых они описывают свой быт и характерные приметы повседневности, а также свидетельства сибиряков, неизменно проявлявших к полякам теплые дружеские чувства.

¹ Щербаков Н. Н. Обзор материалов по истории политической ссылки в Краковском воеводском архиве // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. Вып. 7. С. 112–134.

² Масярж Владислав. Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.). Варшава-Иркутск, 1995. С. 7.

О. С. Тальская вводит в научный оборот и новые данные о польских ссыльных, поименно рассказывая о каждом. Внимательно проследив взаимоотношения декабристов и поляков, автор приходит к выводу об их «идейной близости, взаимопонимании» и стремлении к совместному преодолению тягот полицейского надзора и сибирской неустроенности¹.

Две статьи в сборнике «Сибирская ссылка» принадлежат (в соавторстве) московскому историку, ведущему сотруднику института Славяноведения В. А. Дьякову, признанному специалисту и широко известному исследователю проблем национально-освободительного движения в Королевстве Польском XIX в. В статье, посвященной пребыванию Петра Высоцкого в Сибири, прослеживается прежде всего череда событий, рассказывающих о том, как Высоцкий, подполковник повстанческой армии в Ноябрьском восстании, «первый зачинщик Варшавского возмущения», летом 1835 г. был доставлен на место каторги – в Александровский винокурный завод (печально знаменитая затем Александровская центральная каторжная тюрьма), откуда уже через 10 дней попытался бежать, но неудачно, был схвачен и в числе своих товарищей, по личному распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского, «под строжайшим караулом» был отправлен на Нерчинскую каторгу, в Акатуевский рудник.

В. А. Дьяков, проанализировав внушительное количество документов из центральных и местных архивов, пришел к убедительному и обоснованному выводу: побег П. Высоцкого следует рассматривать гораздо шире, а именно как смелую попытку поднять восстание поляков, отбывавших наказание на Александровском заводе и вокруг него, «обезоружить пикеты, по Московскому тракту расположенные» и двинуться дальше, «пробраться через Бухарию в Польшу», где и продолжить начатую в 1830 г. борьбу за независимость. Весьма широко рассматривал Дьяков и свою статью, видя в ней «один из компонентов специальных очерков истории польской политической ссылки в Сибири»².

¹ Тальская О. С. Декабристы и ссыльные поляки в Кургане // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. Вып. 9. С. 96–112.

² Дьяков В. А., Кацнельсон Д. Б., Шостакович Б. С. Петр Высоцкий на сибирской каторге (1835–1856) // Ссыльные революционеры в Сибири

Вторая статья В. А. Дьякова – не менее интересна и рассказывает о необычной судьбе И. И. Концевича, русского, мещанина города Иркутска, усыновленного здесь ссыльным поляком. Иннокентий Иосифович затем переехал в Варшаву, обучался в ветеринарной школе, после попал на Кубань, где активно участвовал в работе революционных организаций и кружков 1880-х годов, за что был выслан на родину, в Иркутск. И здесь Концевич занимался нелегальной революционной деятельностью, а кроме того избирался гласным иркутской городской думы (1898–1905), был среди тех, кто с радостью встретил в Иркутске Всероссийскую октябрьскую стачку, предлагал ввести городскую милицию, создать отряды самообороны с финансированием из городского бюджета. Обе статьи написаны ярким, живым языком, содержат массу интересного фактического материала по истории польской ссылки¹.

В 10-м выпуске сборника была помещена статья профессора Омского университета, известного специалиста по музыкальной культуре Сибири М. А. Белокрыса, посвященная музыкально-просветительной деятельности в Забайкалье польского политического ссыльного К. Савичевского.

Значительное место в польской теме сборника «Сибирская ссылка» занимают две статьи Виктории Сливовской, напечатанные в одном выпуске за 2000-й год. Первая исследует творчество Агатона Гиллера, польского революционера, сосланного в 1854 г. в Сибирь. Его вклад в польскую историографию широко известен и признан, однако авторы (статья написана совместно с Б. С. Шостаковичем) очень точно подметили непохожесть и оригинальность Гиллера как первооткрывателя. «Агатон Гиллер, – сказано в работе, – как известно, не был ни первым, ни последним из польских сибиряков поневоле. И до него уже несколько поколений поляков странствовали той же самой дорогой по этапам в места своего изгнания. ... Приоритет и заслуга А. Гиллера состоят в ином. Он впервые не стал следовать примеру своих предшественников, соотечественников-мемуаристов,

(XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1979. Вып. IV. С. 3–31.

¹ Дьяков В. А., Крикунов В. П. К биографии сибиряка и политического ссыльного Иннокентия Концевича // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. Вып. 9. С. 59–71.

и удовлетворяться простым описанием лишь того только, что лично с ним происходило во время ссылки. ... Вполне сознательно он начал поиск и фиксацию польских следов повсюду, куда только удавалось ему добраться с этой заведомой целью в «крае изгнания»¹.

Во второй работе В. Сливовская исследует судьбы польских женщин, пришедших в сибирскую ссылку вслед за мужьями. Проследив несколько житейских историй, автор подчеркивает, опять же, главное: «Приезд польских жен и невест в Сибирь и на Оренбургскую укрепленную линию имел огромное значение не только для их близких, но и для всего ссыльного польского общества. Они приносили в страну изгнания не только «тепло домашнего очага», но частицу самой Польши, что помогало переносить все тяготы сибирской ссылки. При этом именно женщины сплачивали неоднородную в социальном отношении польскую колонию, делали ее единым организмом. «Польки, подобно декабристкам, вели огромную переписку с семьями каторжников, посредничали при пересылке подарков, их распределении, участвовали в собраниях ссыльного общества»².

Постоянным автором польской темы в сборнике является профессор И. Н. Никулина (Барнаул). Ирина Николаевна весьма результативно исследует различные аспекты польской политической ссылки на Алтай в XIX веке. Автор подробно рассматривает прежде всего социокультурное влияние ссыльных поляков, их вклад в научное изучение края, исследования переселенческого движения, экономического и бытового положения коренного населения. Много места уделяет И. Н. Никулина изучению участия польских ссыльных в сибирской периодической печати, постановке в изданиях острых социальных проблем и вопросов, в решении которых были заинтересованы в первую очередь «простые» сибиряки. «Деятельность ссыльных, – заключает автор в одной из своих статей, – способствовала накоплению информации, формированию научных интересов, при-

¹ Сливовская В., Шостакович Б. Агатон Гиллер как исследователь Восточной Сибири и первый историк сибирской ссылки поляков // Сибирская ссылка: Сборник научных статей / Отв. ред. Н. Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2000. Вып. 1 (13). С. 17.

² Сливовская Викторья. Сибирские тени: О польских женщинах в межпо-встанческий период ссылки // Сибирская ссылка. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2000. Вып. 1 (13). С. 93.

влечению передовых слоев населения к исследованию Алтая, пробуждению потребности к знаниям и тем самым оживлению общественной жизни региона»¹.

Из ряда работ «польской темы», опубликованных на страницах «Сибирской ссылки» в последнее время, хотелось бы выделить и исследование А. С. Гулина. Автор предметом своего изучения выбрал историю пребывания на Нерчинской каторге в 1863–1867 годах подданных нескольких европейских государств, добровольно участвовавших в польском восстании 1863 года – итальянцев, французов, швейцарцев, венгров, а также «гарибальдийцев» из легиона полковника Ф. Нулло, взятых в плен русской армией и отправленных в Забайкалье. Сильная стороны работы А. С. Гулина не только в оригинальной теме и ее неизученности, но еще и в том, что автор, помимо документов местных сибирских и центральных архивов, использует в своей работе французские и польские мемуарные источники, неизвестные российским исследователям². Стоит отметить, и то, что у истоков научного изучения этой темы стоял Б. Г. Кубалов, опубликовавший еще в 1960 г. статью «Страница из жизни гарибальдийцев в Петровском Заводе»³.

Как видим, польская тема в сборнике «Сибирская ссылка» развивается, постоянно прирастает новыми фактическими сведениями и научными обобщениями. При этом свое определяющее звучание польская проблематика получила в статьях Б. С. Шостаковича, известного полониста, доктора исторических наук, профессора Иркутского университета. В историографической статье Е. В. Семенова, помещенной в 19 выпуске сборника, подчеркивалось, что ссылка поляков в Сибирь – одна из мало разработанных тем современной сибирской исторической науки. При этом проявившийся к ней интерес «выразился в публикации значительного массива профессиональной и популярной литературы, освещающей различные аспекты пребывания

¹ Никулина И.Н. Из истории политической ссылки на Алтай в XIX в. (20-е – 90-е гг.) // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2009. Вып. 5 (17). С. 403–417.

² Гулин А. С. Гарибальдийцы на Нерчинской каторге 1863–1867 гг. // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2011. Вып. 6 (18). С. 258–278.

³ Кубалов Б. Страница из жизни гарибальдийцев в Петровском Заводе // Свет над Байкалом. 1960. № 4. С. 139–141.

поляков в Сибири как принудительно направленных сюда за участие в национально-освободительном движении, так и добровольно прибывших на заработки»¹. Автор статьи приходит к обоснованному выводу о приоритетном вкладе профессора Б. С. Шостаковича в разработку темы «Поляки в Сибири».

Уже в первом выпуске «Ссылных революционеров в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» Б. С. Шостакович опубликовал сразу две крупные статьи, посвятив их истории ссылных поляков конца 70-х – начала 90-х годов XIX в., а также их связям с декабристами, проживавшими здесь на поселении с 1840-х годов. Настоящими работами автор не только заявил о начале планомерной разработки этого, почти не тронутого «плугом историка» пласта богатого и разнообразного научного материала, он поставил и сделал многое для решения нескольких актуальных исследовательских задач – определение численности и социального состава поляков – политических ссыльных, их материального положения, характера занятости, географии размещения, связей внутри региона и за его пределами, в том числе, с Европой и Америкой, отношений с администрацией, «простыми» сибиряками и декабристами.

Б. С. Шостакович был самым результативным автором «Сибирской ссылки». В двадцати выпусках этого издания им опубликованы 24 статьи (три – в соавторстве). Именно здесь изложены, подробно или вскользь – как позволяли источники – основные положения его научных представлений об истории польской ссылки. Чтобы показать, насколько широк диапазон конкретно-исторических исследований автора, лишь перечислим некоторые из тем. Это история польской политической ссылки в Сибирь 1840, 1860 и 1890-х годов; историко-правовые аспекты высылки; деятельность участников тайных национально-освободительных организаций в Восточной Сибири; различные стороны организации и управления Нерчинской каторгой на протяжении значительного периода времени, проблемы историографии и источниковедения.

Следует здесь отметить и характерную особенность творчества Б. С. Шостаковича: на страницах «Сибирской ссылки» ав-

¹ Семенов Е. В. Изучение польской политической ссылки на страницах сборника научных статей «Сибирская ссылка» // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск: Оттиск, 2013. Вып. 7 (19). С. 55.

тор с видимым удовольствием занимался отдельными примечательными личностями из сибирско-польской истории, профессионально создавая яркие политические портреты как участников Январского восстания, первых историографов ссылки, членов партии «Пролетариат», так художников и поэтов. При этом подробное описание творческого пути человека для автора не самоцель. Через особенности его биографии Б. С. Шостакович передавал не только череду событий, но и видел их объективную причину и неизбежность. Обладая хорошим художественным вкусом, автор сумел создать целую галерею своих героев: Агатон Гиллер и Юзефат Огрызко, Петр Сцегенный и Бенедикт Дыбовский, Зыгмунд Либрович и Юльян Сабиньский... Все конкретно-исторические статьи автора также плотно «населены» реальными людьми, а потому интересны и содержательны.

В работах, помещенных в «Сибирской ссылке», Б. С. Шостакович выступает и последовательным публикатором уникального документального материала, превращая страницы сборника в своеобразную хрестоматию, а также площадку для подлинно научной дискуссии со специалистами своей проблематики из центра страны и Сибири по весьма спорным вопросам численности, географии размещения, протестным настроениям своих ссылных. Им не забыт и историографический аспект темы – каждая статья (есть и специальная, посвященная только этому, историографическому, анализу) начинается добротным историографическим и источниковедческим обзором.

Читая статьи Б. С. Шостаковича, опубликованные в «Сибирской ссылке», замечаешь еще одну особенность его творчества: повышенное внимание и бережное отношение к мемуарному наследию польских политических ссылных. Б. С. Шостакович из выпуска в выпуск публиковал фрагменты воспоминаний участников национально-освободительного движения, снабжая их подробными и интереснейшими комментариями. При этом автор выступал и профессиональным переводчиком многих забытых или неизвестных мемуаров, делая их достоянием современного исследователя.

В 2015 г. Б. С. Шостакович на пике творческой активности, преждевременно ушел из жизни. Это тяжелая утрата – и для науки, и для нас, его коллег и товарищей. Утрата – незаменимая, но в двадцатом выпуске сборника польскую тему подхвати-

ли более молодые исследователи. Так что по-прежнему история «сибирских поляков» находится в центре внимания сборника научных статей «Сибирская ссылка». В 2017 году коллеги написали небольшие воспоминания о Болеславе Сергеевиче, в которых достаточно подробно освещена его роль как автора и редактора сборника «Сибирская ссылка»¹.

Уже после кончины профессора вышла его последняя фундаментальная книга², в которой представлена принципиально новая комплексная систематизированная научная интерпретация польско-сибирской истории как уникального многовекового, многоаспектного и многофакторного исторического (XVII – начало XX в.) феномена. Большинство научных подходов и заключений автора по освещаемой теме основано на результатах и обобщениях его же продолжительного ее изучения, носит новаторский характер и практически не имеет предшествовавших им исследовательских образцов. Работа продолжает исследовательский раздел новой издательской серии «Польско-сибирская библиотека». Серия была задумана как источниковедческая и открыта соответствующим по характеру первым томом в декабре 2009 г.

Редакция сборника видит и перспективы развития польской проблематики. Прежде всего, мы стремимся расширить географию авторского корпуса, привлечь к сотрудничеству специалистов из различных городов Сибири, России и Польской Республики. Показателен в этом смысле уже двадцатый выпуск, в котором опубликованы статьи С. А. Мулиной (Омск) и С. В. Леончика (Красноярск), а также Е. В. Семенова, публиковавшегося и ранее (Улан-Удэ). С. А. Мулина посвятила свою работу бунту барских конфедератов в Тобольске в 1774 г. Ее исследование содержит не только конкретно-исторический, но и источниковедческий и историографический анализ, результатом которого является вывод о том, что данный сюжет, «так и не став предметом отдельного исследования, успел мифологизироваться

¹ Иванов А. А., Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. Болеслав Шостакович: субъективные наброски к портрету старейшего редактора «Сибирской ссылки» // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2017. Том. 19. С. 114–124.

² Шостакович Б. С. Феномен польско-сибирской истории (XVII – 1917 г.): основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. М.: МИК, 2015.

и обрести противоречивыми домыслами», заключающимися в излишней политизации бунта, необоснованной привязке его к масштабному выступлению под руководством Е. Пугачева¹.

С. В. Леончик сфокусировал свое внимание на судьбе оставшихся после амнистии на территории Енисейской губернии ссыльных польских повстанцах 1863–1864 годов. Автора интересуют причины, по которым получившие амнистию поляки не выехали на родину, а остались в Сибири, в Енисейской губернии, предпочли путь ассимиляции с сибирским населением. С. В. Леончик отмечает, что одним из оснований для такого решения было стремление ссыльных поляков иметь возможность профессионально реализовать себя в новых условиях жизни. И в этом отношении, к примеру, медицинская деятельность представляла для них «оптимальный вариант сочетания интересов поднадзорных, властей и местных жителей». Автор в качестве причины «невозврата» указывает и на практику заключения браков бывших повстанцев с польками из добровольно переселившихся сюда семей в 1880-е годы, а также выявляет особую форму ассимиляции – прием польских ссыльных в сибирские семьи в качестве работников. «Все они, – заключает автор, – внесли свой немалый вклад в развитие экономики, культуры и просвещения» сибирского края².

Е. В. Семенов исследует характер каторжных работ польских ссыльных в селе Сивяково в 60-е годы XIX в. Здесь в 1865 г. находилось более 400 ссыльных, они были заняты заготовкой строевого леса и изготовлением барж, предназначенных для сплава продовольствия вниз по течению Амура для вновь основанных русских поселений на его левом берегу. Несмотря на, казалось бы, большую «социальную ответственность» подобных работ, их объемы были недостаточными. По воспоминаниям Б. Дыбовского, приводимых автором, работы на всех не хватало, «были они нерегулярными и среди каторжных существовала очередь на выход, которая наступала раз в несколько дней или же раз в течение недели». Исходя из этого, заключает автор,

¹ Мулина С. А. Бунт барских конфедератов в Тобольске // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. Вып. 8 (20). С. 329–340.

² Леончик С. В. Остаться или вернуться на родину? К вопросу об оставшихся после амнистии на территории Енисейской губернии ссыльных польских повстанцах 1863–1864 г. // Там же. С. 307–329.

труд ссыльнокаторжных поляков использовался не в полном объеме, да и назвать его «каторжным» можно лишь условно¹.

В настоящем, двадцать первом выпуске «Сибирской ссылки», «польская тема» по-прежнему представлена достаточно широко. Здесь имеется разбор современной западной историографии о численности поляков-каторжан, сосланных в Восточную Сибирь в 60-е годы XIX в. (А. С. Гулин, Москва), сюжет о высылке польских католических священников в Пензенскую губернию в 1870–1890-е годы (Н. В. Логачева, Пенза), результаты изучения особенностей размещения и социально-экономического положения польских политических ссыльных в сельской местности Енисейской губернии (Н. Н. Скоробогатова, Шушенское), а также анализ взаимоотношений польских ссыльных различной сословной принадлежности в Забайкалье в 60–70-е годы XIX в. (Е. В. Семенов, Улан-Удэ). Особенно ценным представляется нам и публикация отдельных глав дневника Б. Дыбовского в переводе доктора физико-математических наук А. Д. Калихмана (Иркутск).

Как видим, ссылка поляков в Сибирь на страницах сборника и сегодня занимает по-прежнему видное место. При этом нашей ближайшей задачей следует считать расширение диапазона самих исследований, в результате чего должны появиться материалы и о пребывании польских ссыльных в Сибири советского периода (1920–1940 гг.) – этого сегодня, к сожалению, нет. Только так можно создать целостную картину невольного пребывания жителей Польши в нашем регионе на протяжении XVII–XX веков.

¹ Семенов Е. В. Каторжные работы польских ссыльных в Сивяковском тюремном помещении в 60-е гг. XIX в. // Там же. С. 340–349.

УДК 930.25(47)

Курас Т. Л., Курас С. Л., Иркутск

**Фонды Российского государственного исторического архива
как источник по изучению судоустройства и судопроизводства
в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.**

Аннотация: Статья посвящена исследованию фондов Российского государственного исторического архива, посвященных судоустройству и судопроизводству в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Авторами был изучен крупнейший фонд Министерства юстиции, а также другие фонды. Это позволило проанализировать различные аспекты реализации судебной реформы в стране, выявить отдельные проблемы организации и функционирования судебных органов указанного периода.

Ключевые слова: архив, суд, Министерство юстиции, судебная реформа, судебные палаты, фонды.

Kuras T. L., Kuras S. L., Irkutsk

**Collections of the Russian State Historical Archive as a source for the study
of the judicial system and legal proceedings in the Russian Empire of the
second half of the XIX – early XX centuries**

Abstract. The article is devoted to the study of the funds of the Russian State Historical Archive dedicated to the judicial system and legal proceedings in the Russian Empire in the second half of the 19th – beginning of the 20th century. The authors studied the largest archive collection of the Ministry of Justice, as well as other collections. This made it possible to analyze various aspects of the implementation of judicial reform in the country, to identify certain problems in the organization and functioning of the judiciary in this period.

Keywords: archive, court, the Ministry of Justice, judicial reform, judicial chambers, archive collections.

Российский государственный исторический архив (РГИА) – крупнейший архив в Европе и один из самых крупных архивов в мире. В нем отложилось более 7 миллионов единиц хране-

ния, из них 6,5 миллионов – по истории Российской империи. Здесь сосредоточено более 1350 фондов высших и центральных учреждений Российской империи XVIII – начала XX в., общественных и частных организаций и учреждений всероссийского значения за этот период, а также фондов личного происхождения. Архив представляет собой одно из самых ценных хранилищ истории России, уникальный источник, позволяющий исследовать многие периоды ее развития. Использование огромного количества документов, хранящихся в архиве, невозможно без профессионально составленных путеводителей [1, с. 952]. В советский период времени коллектив архива составил путеводитель под редакцией С. Н. Валка и В. В. Бедина, по которому исследователи работали несколько десятилетий [2].

В 2000 г. с учетом новых достижений архивоведения был подготовлен подробный путеводитель по фондам архива, состоящий из четырех томов [3]. Через 9 лет и этот путеводитель был дополнен и усовершенствован [4]. Так, для сравнения, том путеводителя 2000 г., в котором описывались фонды высших государственных учреждений, состоит из 302 страниц, а соответствующий том путеводителя 2009 г. уже содержит 692 страницы. Путеводители представляют собой наиболее полные справочники о структуре и содержании фондов РГИА. В них размещены предисловия, в которых содержится краткая характеристика архива и его фондов.

Разделы путеводителей систематизированы по значимости размещенных фондов и по хронологии. Так, путеводитель 1956 г. состоит из 7 разделов. В первом содержатся сведения о фондах Государственного Совета, Государственной Думы, Комитета и Совета министров и кодификационных учреждений. В следующем разделе размещена информация о фондах Сената и Синода. Третий раздел содержит сведения о фондах министерств и главных управлений. В четвертом разделе – информация о фондах внеминистерских и междуправительственных учреждений. Следующий раздел позволяет ознакомиться с фондами общественных и частных учреждений и организаций. В шестом размещена информация о фондах личного происхождения. Седьмой раздел содержит научно-справочную библиотеку. В приложении путеводителя содержатся значимые для исследователей именной, географический и предметный указатели.

В последние годы, благодаря кропотливой работе сотрудников архива, был создан и активно используется электронный вариант поиска документов через официальный сайт РГИА. Современные исследователи могут изучить перечень и содержание всех дел хранилища в онлайн режиме. Отрадно, что к каждому фонду дан подробный справочный аппарат с указанием исторических сведений о деятельности ведомства, видами документов и номерами описей, в которых они содержатся. Поэтому ученые имеют возможность ознакомиться с содержанием описей в электронном формате, удаленно.

Для изучения организации и функционирования судебной системы в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. значимыми источниками являются архивные материалы Российского государственного исторического архива. Одним из крупнейших фондов архива является фонд Министерства юстиции. Данный фонд 1405 по данным сайта РГИА содержит 612 494 единицы хранения за 1803–1918 гг.

В путеводителе содержится историческая справка, характеризующая этапы функционирования Министерства юстиции в указанный период, эта информация предваряет содержание фонда [2, с. 135].

Министерство юстиции было образовано 8 сентября 1802 г. как высший орган государственного управления, ведавший всеми судебными установлениями империи. С должностью министра юстиции была соединена должность генерал-прокурора. В составе министерства с 1803 г. находился Департамент, преобразованный в 1890 г. в Первый и Второй департаменты, разделившие между собой круг ведомства предшественника. С 1890 г. Департаменты разделялись на отделения: гражданские, уголовные, статистическое, счетное, и законодательное. Последнее в 1893 г. преобразовано в Юрисконсультскую часть. В 1905 г. было учреждено 3-е Уголовное отделение, преобразованное из Временной канцелярии по производству особых уголовных дел, учрежденной в 1893 г. 3-е Уголовное отделение ведало политическими делами. Департаменты ведали делами, поступавшими к министру юстиции как к генерал-прокурору; разрабатывали законопроекты для представления в Государственный совет, Комитет и Совет министров; составляли отзывы Министерства юстиции по поступившим на его заключение законопроектам

всех ведомств; давали заключения по сложным вопросам права и законодательства; составляли «всепопданнейшие» отчеты, своды сведений по уголовным делам, сборники статистических сведений по уголовным делам и ведомости справок о судимости; ведали внесением в Сенат именных указов, штатами и личным составом центрального управления Министерства юстиции, Сената и местных судебных установлений; рассматривали гражданские, уголовные и герольдейские дела; ведали архивами и хозяйственными вопросами.

Помимо департаментов, в составе Министерства юстиции действовали: Консультация, при Министерстве юстиции учрежденная (1803–1917), разрешавшая особо сложные сенатские дела, дела, вносимые по особому распоряжению министра и дела о предании суду должностных лиц ведомства Министерства юстиции; Общая канцелярия Министерства юстиции (1817–1831), которая ведала делами по особому распоряжению министра юстиции, составляла общие сметы министерства и годовые отчеты о движении дел и ведала делами по управлению Сенатским казначейством и Сенатской типографией. С 1831 по 1892 г. существовала Канцелярия Министерства юстиции, ведавшая личным составом всех установлений Министерства юстиции и делами по ревизии судебных установлений. Затем функции Канцелярии были переданы во Второй департамент. В 1902 г. учреждена Временная канцелярия при Министерстве юстиции, которая ведала личной перепиской министра. Кроме того, в ведении Министерства юстиции с 1870 г. находилось межевое управление, с 1895 г. – Главное тюремное управление (ранее оно было в ведении МВД). В ведении Министерства юстиции находились Московский архив Министерства юстиции и Сенатский архив, а также Сенатская типография и Эмеритальная касса, учрежденная в 1885 г. При Министерстве юстиции возникали различные временные комиссии, комитеты, совещания.

В ведении Министерства юстиции также находились учебные заведения: Училище правоведения, Межевой институт, землемерные училища и другие. Отметим, что в пореформенный период второй половины XIX – начала XX вв. служащие судебных палат и других судов Российской империи помогали в развитии правового образования в различных учебных заведениях, в том числе находящихся в ведении Министерства

юстиции. Несмотря на высокую служебную нагрузку в судах, они занимались преподавательской деятельностью, помогая готовить квалифицированные юридические кадры для новых судов, передавая молодому поколению накопленные знания и ценный опыт. Думается, такая педагогическая деятельность судей и должностных лиц прокуратуры демонстрировала их активную жизненную позицию, способствовала повышению авторитета судебной власти [5, с. 20–22]. Так, член Киевской судебной палаты Алексей Михайлович Гуляев являлся профессором гражданского права на юридическом факультете в Императорском университете Святого Владимира, личным примером призывая студентов служить благу делу судебной реформы [6, с. 9]. Член уголовного департамента Саратовской судебной палаты Василий Петрович Соколов преподавал законоведение и финансы [7, с. 68–69, 108, 121]. Председатель департамента Новочеркаской судебной палаты Иван Васильевич Денисенко являлся членом попечительного совета в женской гимназии в Новочеркасске [8, с. 122]. Представители сибирских судов также активно влияли на развитие образования. К примеру, А. В. Витте, став в 1902 г. председателем Томского окружного суда, сыграл важную роль в открытии юридического факультета при Томском университете [9, с. 53–54]. Член Омской судебной палаты Яков Иванович Богданов преподавал в Омской мужской гимназии [10, с. 148–149].

В ведении Министерства юстиции находились редакции «Журнала министерства юстиции» и журнала «Тюремный вестник». Подробные сведения о «Журнале Министерства юстиции» размещены в РГИА также в фонде 1406 – Редакция «Журнала Министерства юстиции» (1858–1917 гг.). В путеводителе указано, что данный фонд состоит из одной описи, 67 единиц хранения. Непосредственно к изданию журнала приступили в июле 1859 г. и издание первоначально продолжало свою деятельность в течение 11 лет. Упразднена была редакция в связи с закрытием журнала в 1870 г. Затем в 1894 г. вторично образована в связи с возобновлением публикации журнала. Второй период деятельности редакции продолжался в течение 23-х лет – до закрытия журнала и упразднения Министерства в 1917 г. «Журнал министерства юстиции» как специальный печатный орган министерства был основан в период подготовки судебной рефор-

мы 1864 г. Он выходил 4 раза в год и делился на 2 части, официальную и неофициальную. В первой помещались Высочайшие повеления и распоряжения Правительства, относящиеся к ведению Министерства юстиции; сведения по личному составу, статистика. Во второй части печатались статьи по вопросам теории и истории русского законодательства, правоведения, уголовной практики, законодательства за границей, библиография.

Журнал как самостоятельное издание существовал до 1868 г. В 1869–1870 и в 1873–1876 гг. он выходил под другим названием – «Судебный журнал» в виде ежемесячных приложений к газете Министерства юстиции «Судебный вестник». Прекращая издание журнала, Министерства юстиции рассчитывало на появление частных юридических газет и журналов, способных поддерживать в обществе интерес к юридическим знаниям, но все попытки в этом направлении частных издателей по разным причинам закончились неудачей. Между тем, потребность в специальном печатном органе судебного ведомства не уменьшалась. В связи с этим весной 1894 г. министр юстиции Н. В. Муравьев испросил «Высочайшего» разрешения на возобновление издания «Журнала Министерства юстиции». По решению Государственного Совета в распоряжение министерства были ассигнованы денежные средства. 1 ноября 1894 г. вышел первый номер. Журнал должен был выходить ежемесячно, кроме июля и августа, в объеме 15–20 печатных листов¹.

Журнал являлся одновременно печатным органом Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части, учрежденной 7 апреля 1894 г. На его страницах разворачивались дискуссии по вопросам, входившим в круг деятельности комиссии. Редакция во главе с профессором Петербургского университета В. Ф. Дерюжинским обращалась со страниц первого номера журнала ко всем русским юристам с просьбой присылать материалы для печатания. Журнал Министерства юстиции включал следующие разделы: 1. узаконения и распоряжения правительства; 2. изменения по личному составу судебного ведомства (назначения, увольнения, награждения); 3. циркулярные распоряжения министра юстиции; 4. о работе Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части (предположения и проекты, обзор материалов и пр.); 5. научные статьи «преимущественно по

¹ РГИА. Фонд 1406. Опись 1. С. 2–6.

вопросам, входящим в состав предметов судебного ведомства»; 6. обзор выдающихся событий и явлений в сфере законодательства, юридической науки и судебной практики; 7. разборы и рецензии юридических сочинений; 8. текущий библиографический указатель юридической литературы; 9. обзор иностранного судебного законодательства¹.

Издание «Журнала Министерства юстиции» продолжалось вплоть до октября 1917 г. В фонде 1406 имеются материалы по организации издания журнала в 1858 г., личному составу редакции и ее административно-хозяйственной деятельности. Широко представлены документы периода возобновления издания журнала с 1894 по 1917 гг.: оригиналы и копии статей по вопросам теории и истории права, уголовной практики, судебной экспертизы, народного образования, земства, рецензии и отклики на печатавшиеся в журнале статьи и заметки; переписка редакции с русскими и иностранными авторами, в том числе письма А. С. Алексеева, Ф. Ф. Вержбовского, А. О. Гернета, В. В. Ивановского, П. Е. Казанского, М. В. Клочкова, А. Ф. Кони, С. А. Корфа, С. П. Никонова, Н. Я. Новомбергского, А. Э. Нольде, П. П. Пусторослева, В. Д. Спасовича, Ф. В. Тарановского, Д. В. Цветаева, Г. Ф. Шершеневича, И. Г. Щегловитова и других. Отметим, что в 1986 г. опись дел фонда 1406 была усовершенствована: составлены предисловие, именной указатель авторов и корреспондентов журнала и указатель учреждений-корреспондентов².

После характеристики Министерства юстиции в путеводителе содержится информация о размещенных в фонде материалах.

Так, в фонде содержатся отчеты министров юстиции за 1834–1867, 1872–1916 гг., доклады по отдельным делам и записки по отделениям и департаментам за 1868–1916 гг. Фонд также содержит годовые отчеты департаментов министерства.

Помимо этого, в фонде Министерства юстиции размещена переписка об учреждении, открытии и деятельности судебных учреждений. В соответствии с законом для целей проведения реформы территория Российской империи была поделена на судебные округа, их возглавляли судебные палаты. Началом судебной реформы стало открытие Санкт-Петербургской и Мо-

¹ РГИА. Фонд 1406. Опись 1. С. 2–6.

² Там же. С. 2–6.

сковской судебных палат, а также судов их округов [11, с. 203–208]. 19 марта 1866 г. Императором было подписано Высочайшее повеление «О порядке введения Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в Санкт-Петербургской и Московской губерниях», на основании него было определено образовать Кассационные департаменты Правительствующего Сената и общие судебные установления Санкт-Петербургской губернии к 17-му, а Московской губернии – к 23-му апреля 1864 г., чтобы они могли открыть распорядительные заседания¹. Дальнейшее проведение судебной реформы в Российской империи на основании Судебных уставов 1864 г. осуществлялось поэтапно. После кропотливой подготовительной работы министерства юстиции в 1867 г. была создана Харьковская судебная палата и суды ее округа, в 1868 г. – Тифлисская, в 1869 г. – Одесская, затем – Казанская и Саратовская. В 1876 г. была открыта Варшавская палата и суды ее округа, в 1880 г. – Киевская, в 1883 г. – Виленская [12, с. 309–310]. После длительной подготовки, организованной Министерством юстиции, со 2 июля 1897 г. Сибирь вошла в состав территории империи, на которой действовали уставы. С этого времени начала успешно функционировать Иркутская судебная палата, окружные суды ее округа и мировые судьи [13, с. 46–48]. В 1899 г. открылись новые суды Омского округа, в 1899 г. – Ташкентского. Последней в 1904 г. была создана Новочеркасская судебная палата.

Помимо этого, в Российском государственном историческом архиве в фонде Министерства юстиции, а также в других фондах размещена переписка о штатах судебных органов. В соответствии с «Учреждением судебных установлений» судебные палаты возглавлял старший председатель, они состояли из гражданских и уголовных департаментов в составе их председателя и членов. В составе судебных палат работали и иные служащие. Так, в соответствии со «Временными штатами судебных установлений в губерниях округов Санкт-Петербургской и Московской судебных палат» от 19 октября 1865 г. в составе Санкт-Петербургской палаты были утверждены должности старшего председателя, председателя департамента, десяти членов палаты, двух секретарей,

¹ О порядке введения Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. в Санкт-Петербургской и Московской губерниях: Высочайшее повеление от 19 марта 1866 г. // Журнал Министерства юстиции. 1866. № 1. С. 63–64.

восьми помощников секретарей, двух судебных приставов, прокурора, двух его товарищей и секретаря при прокуроре¹. Эти сведения содержатся в фонде 1190 «Комиссия для окончания работ по преобразованию судебной части при Государственном Совете». Она была образована 29 сентября 1862 г. Комиссия разрабатывала общий план и правила введения в действие Судебных уставов 1864 г., рассматривала предположения о совершенствовании судопроизводства в учреждениях действующей судебной системы до замены их новыми судебными учреждениями и о распределении обязанностей между мировыми судебными установлениями и мировыми по крестьянскому делу учреждениями. При комиссии состоял Особый отдел для работ по введению судебных реформ в Сибири. Фонд содержит 38 единиц хранения, все материалы сформированы за 1862 г.

По данным на 1884 г. крупнейшая судебная палата – Варшавская – состояла из 28 судей: старшего председателя, 4 председателей департаментов и 23 членов суда. В остальных палатах число членов суда было меньше: в Московской – 24, Харьковской – 18, Санкт-Петербургской – 17, Киевской и Тифлисской – по 15, Одесской и Казанской – по 13, Саратовской и Виленской – по 10. Такое число судей обуславливалось их нагрузкой [14, с. 19–14].

Постепенно количество уголовных и гражданских дел в судах существенно увеличивалось, что обуславливалось приростом населения, экономическим развитием, усложнением правоотношений. Это постоянно вызывало у Министерства юстиции необходимость ходатайствовать перед законодателем об увеличении штатов судов, которые были наиболее высокая служебная нагрузка, чтобы обеспечить их своевременное разрешение. Для этого Министерство юстиции ежегодно ходатайствовало о выделении не менее 500 000 руб. новых ассигнований. Так, в 1902 г. министр юстиции указывал в объяснительной записке о необходимости выделения нового расхода на данные нужды в объеме 536 175 руб., в 1903 г. – 559 988 руб., в 1904 г. – 521 617 руб., в 1905 г. – 1 845 255 руб. Такой объем средств в 1905 г. объяснялся сложностями в работе судов ввиду возникновения в 1905–1906 гг. революционной пропаганды и аграрного движения, большого числа сложных дел чрезвычайной государствен-

¹ РГИА. Фонд 1190. Оп. 1. Д. 9. Лл. 441–442 об.

ной важности, которые необходимо было быстро рассматривать. Преобразование государственного строя в 1905 г. также значительно увеличило нагрузку на суды, призванные поддерживать правопорядок. С учетом этого в 1907 г. на расширение штатов судов была одобрена сумма 925 250 руб. Таким образом, Министерство юстиции старалось решать проблемы высокой нагрузки членов судебных палат, увеличивая штаты судов, наиболее обремененных работой [14, с. 13–14].

Штаты судов увеличивались по мере существенного возрастания нагрузки судей, значительно превышающей нормы. Как отмечал министр юстиции Щегловитов, на основании многолетнего опыта можно сделать вывод, что члены уголовных департаментов судебных палат рассматривали надлежащим образом около 500 дел, из них 100 дел важнейших категорий (уголовные дела, рассматривавшиеся палатами по первой инстанции). Члены гражданских департаментов успевали рассматривать не более 150 дел. Это число и было принято министерством за норму при решении вопроса об увеличении штатов палат. К примеру, в составе Варшавской палаты в 1884 г. работало 11 членов уголовных департаментов и 12 членов гражданских департаментов [14, с. 13–14]. Постепенно, раз в несколько лет, число членов судов возрастало в связи с увеличивавшейся нагрузкой. Так, в связи с осложнившимися условиями деятельности суда, с 1906 г. в составе Варшавской палаты уже осуществляли правосудие старший председатель, 7 председателей департаментов, 23 члена уголовных департаментов и 17 членов гражданских департаментов [15, с. 1]. В таком количественном составе палата продолжала функционировать весь период своей деятельности.

В фонде Министерства юстиции, помимо вышеуказанных документов, отложены обзоры, отчеты, доклады и записки, представленные в Министерство юстиции председателями и прокурорами судебных палат и окружных судов Российской империи. Так, в одном из дел содержатся отчеты старших председателей о деятельности судебных палат за 1877 г.¹ В другом деле размещены рапорты прокуроров Санкт-Петербургской, Московской и Харьковской судебных палат и отчеты о движении дел прокурорского надзора за 1868 г.²

¹ РГИА. Фонд 1405. Оп. 75. Д. 137 Т. 1. 198 л.

² Там же. Л. 74.

В одном из дел содержатся отчеты прокуроров судебных палат о деятельности должностных лиц прокурорского надзора судебных округов за 1876 г.¹ К примеру, в представлении прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты от 6 апреля 1877 г. № 3278, адресованном Министру юстиции, были указаны, в частности, следующие сведения: лица прокурорского надзора в судебных заседаниях палаты по уголовным делам за 1876 г. дали 108 заключений по существу дел, по гражданским делам – 264 заключения (из них 244 судебных постановления было вынесено в соответствии с заключениями прокурора). Прокурором судебной палаты по определениям Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената составлено 6 обвинительных актов о предании суду мировых судей и 1 обвинительный акт о присяжном заседателе. Прокурором составлено и представлено Министру юстиции 34 заключения по дознаниям о государственных преступлениях; внесено в судебную палату 8 обвинительных актов по делам о нарушении законов о печати и 2 заключения о прекращении следствий по этого рода делам; отослано одно заключение о дальнейшем направлении дела по преступлениям должности в Кассационный департамент Правительствующего Сената, два – в Первый департамент Сената и одно – в почтовый департамент².

Из отчета прокурора Казанской судебной палаты следует, что лица прокурорского надзора в судебных заседаниях палаты по уголовным делам за 1876 г. дали 65 заключений по существу дел (из них 41 судебный акт вынесен в соответствии с заключениями прокурора), по гражданским делам – 159 заключений (146 судебных постановлений было вынесено в соответствии с заключениями прокурора). Должностные лица прокуратуры Саратовской судебной палаты в судебных заседаниях палаты по уголовным делам за 1876 г. дали 43 заключения по существу дел (40 судебных актов соответствовало заключениям прокурора), по гражданским делам – 117 (107 актов суда соответствовало заключениям прокурора). Прокуратура Одесской судебной палаты за этот же год по уголовным делам дала 214 заключений по делам (159 судебных актов соответствовало им), по гражданским – 267 (258 судебных актов соответствовало им). Прокуратура Харьковской палаты по

¹ РГИА. Фонд 1405. Оп. 75. Д. 138. Т. 1. 198 л.

² Там же. Л. 1–9.

уголовным делам за 1876 г. дала 298 заключения по делам (272 судебных акта соответствовало им), по гражданским – 309 (296 судебных актов соответствовало им). Прокуратура Московской судебной палаты за 1876 г. по уголовным делам дала 229 заключений по существу дел (224 судебных актов соответствовало им), по гражданским – 540 (им соответствовало 498 судебных актов)¹. Таким образом, число заключений должностных лиц прокуратур судебных палат по уголовным делам за 1876 г. варьировалось от 43 в Саратовской палате до 298 в Харьковской палате. По гражданским делам меньше всего заключений за этот год дала прокуратура Саратовской палаты (117), больше всего (540) – Московской палаты. Число заключений должностных лиц прокурорского надзора зависело от того, насколько была крупная палата, числа дел, ежегодно поступающих на ее рассмотрение. От служебной нагрузки зависела и устанавливаемая Министерством юстиции штатная численность прокуратур судебных палат.

Также в фонде содержится переписка по законопроектам Министерства юстиции, заключения и отзывы министерства на законопроекты других ведомств, среди них: об ограничении прав лиц нерусской национальности и неправославного вероисповедания, о неприкосновенности личности, избирательных правах женщин, об изменениях в уставе печати и уставе о службе гражданской, о введении всеобщего обучения и преподавания на родном языке, поселковом и волостном управлении, о деятельности земств (1906–1912), о преобразовании местного суда; об организации научно-судебной экспертизы; о проекте Гражданского уложения и пересмотре Уголовного уложения, об изменениях в законах о ссылке.

Также в фонде содержатся документы о введении суда присяжных в отдельных губерниях. Как справедливо отмечает М. В. Немытина, ни один из институтов судебной реформы 1864 г. не претерпел столько изменений, сколько суд присяжных. Основные направления, по которым шло законодательство о суде присяжных: ограничение его компетенции; изменение порядка составления списка присяжных; изменение цензовых условий. Изменения в судебные уставы были направлены в первую очередь на то, чтобы гарантировать лояльность присяжных засе-

¹ РГИА. Фонд 1405. Оп. 75. Д. 138. Т. 1. Лл. 49–57 об., 58–60, 67–69, 76–78, 85–87.

дателей самодержавию, правительство рассматривало институт суда присяжных не только как юридический, но и как политический. Считается, что суд присяжных в пореформенной России функционировал только в окружных судах. Однако материалы официального делопроизводства дают основание говорить о том, что судебные палаты также рассматривали дела с участием присяжных заседателей. Определенный материальный уровень, наличие образования, прохождение службы в тех или иных должностях должны были служить гарантией готовности лица к выполнению общественных обязанностей присяжных заседателей [16, с. 145–146, 152].

Фонд также содержит переписку и заключения Министерства юстиции по вопросам землеустройства, торговли и промышленности, железнодорожного транспорта, торгового мореплавания и рыболовства.

В фонде размещены и донесения прокурорского надзора за 1866–1917 гг. о стачках на фабриках и заводах, деятельности группы «Освобождение труда», Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», революционном движении 1905–1907 гг., о забастовках на заводах и фабриках в Петербурге в период всеобщей политической стачки в октябре 1905 г., о вооруженном восстании в Москве в декабре 1905 г., привлечении к уголовной ответственности авторов, редакторов и издателей различных газет, журналов, книг и брошюр, в том числе легальных большевистских газет «Правда» (1912–1913) и «Невская звезда» (1910–1912).

Фонд содержит переписку по поводу запросов членов Государственной думы всех созывов, о привлечении к судебной ответственности членов большевистской фракции Государственной думы IV созыва за 1914 г., о лицах, подписавших «Выборгское воззвание» за 1906 г.

В фонде размещены статистические сведения о развитии революционного движения в России и списки лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности за революционную деятельность, принадлежность к РСДРП и другим партиям за 1870–1904 гг.; сведения о количестве рабочих, привлекавшихся к ответственности за участие в революционном движении за 1901–1903 гг., списки дел, переданных на рассмотрение военно-окружных судов за 1906 г.

Также в фонде Министерства юстиции содержится переписка о мероприятиях правительства по борьбе с революционным движением: об ускорении рассмотрения политических дел, о пересмотре по представлению Военного министерства правил о порядке призыва войск для содействия гражданским властям при подавлении массовых революционных выступлений, о мероприятиях по борьбе с забастовками в городе и деревне; о перерыве занятий в высших учебных заведениях в связи со студенческими волнениями за 1905–1906 гг.

Помимо этого, в исследуемом фонде 1405 размешены заключения и переписка по жалобам государственных и помещичьих крестьян на жестокое с ними обращение, закрепощение, незаконные поборы, продажу без земли. В фонде содержится и переписка по делам об уклонении крестьян от рекрутских наборов, об отказе от выхода на барщину, о побегах от помещиков, о сопротивлении крестьян продаже имущества за недоимки, о массовых порубках леса крестьянами и вооруженном сопротивлении лесной страже, о волнении крестьян при введении уставных грамот и отказах от принятия уставных грамот. Ведомости выкупных сделок за 1862 г. и переписка по жалобам крестьян на чресполосное наделение их земель при размежевании с помещиками за 1867 г.; переписка по делам о неповиновении крестьян и убийстве ими помещиков и мерах наказания крестьян-зачинщиков.

Фонд содержит законопроекты о мерах против массовых порубок леса и захвата помещичьих земель крестьянами за 1884 г., об ускорении рассмотрения дел о крестьянских волнениях за 1884, 1905 гг.

Также в фонде содержатся донесения прокурорского надзора и переписка по делам о разгроме крестьянами помещичьих имений и расправах крестьян с помещиками за 1901–1906 гг., о привлечении крестьян к уголовной ответственности за участие в волнениях и ссылке их в Сибирь за 1905–1909 гг. Фонд содержит сведения (по месяцам) о числе осужденных и оправданных по делам о крестьянских волнениях за период с 20 мая 1906 г. по 1 сентября 1908 г., переписку о мерах борьбы с крестьянским движением и ведомости дел окружных судов о крестьянских волнениях за 1905–1908 гг.

В фонде размещены статистические сведения о продаже земли, закрепленной в личную собственность крестьян, и земли, находившейся в подворном владении за 1910–1916 гг. Также фонд содержит переписку по делам о земельных спорах, о размежевании помещичьих и крестьянских земель, о продаже за долги, о заповедных имениях. Помимо этого, в фонде находятся заключения и переписка по прошениям об открытии, продаже и деятельности казенных и частных фабрик, заводов, приисков, о передаче казенных заводов в посессионное владение, о положении и землеустройстве мастеровых горных заводов. Отложена в фонде и переписка по вопросам административного управления России, земства, о дворянских, земских, купеческих и городских выборах, о выборах в Государственную Думу и Государственный совет. Имеется в фонде и переписка по гражданским делам: об охране прав состояния, об отчуждении имущества на нужды государства.

Большой объем документов фонда составляют прошения осужденных и протесты прокуроров по уголовным делам: об отмене приговоров, о помиловании, восстановлении в правах, досрочном освобождении.

Значимую роль в фонде занимает переписка о назначении сенаторских ревизий. Отметим, что такая переписка о назначении сенаторских ревизий имеется и в других фондах архива. К примеру, в фонде 1485 размещены документы о ревизии сенатора Н. М. Рейнке судебных установлений Тифлисской судебной палаты. Фонд 1485 «Ревизия сенатора Н. М. Рейнка судебных установлений Тифлисской судебной палаты» содержит материалы ревизии судебно-межевой части Закавказского края и Тифлисской судебной палаты, а также документы ревизии окружных судов округа Тифлисской судебной палаты. Материалы сосредоточены в 36 единицах хранения с 1910 по 1911 гг. В 1910 г. указанному сенатору было поручено обозрение судов Тифлисской судебного округа для определения соответствия организации судостроительства законодательству и местным условиям.

В отчете в качестве недостатка сенатор указал, что в округе Тифлисской судебной палаты отсутствовало единообразие судебной системы. Там функционировали общие, мировые, волостные, станичные, слободские, а также еще восемь судов. Сенатор акцентировал внимание на отсутствие единства организации даже тех судов, которые должны были действовать в

соответствии с судебными уставами и общероссийским законодательством. Так, в Терской области в кассационном порядке дела, рассмотренные мировыми судьями, проверял Сенат, а не Тифлисская палата, как во всем судебном округе. Высказываясь о специфических функциях Тифлиской палаты, которая надзирала за судебнo-межевым делом в Закавказье, Н. М. Рейнке отмечал, что деятельность технической части межевого дела на этой территории тесно связана с судебной составляющей. В связи с этим подчинение обеих одному ведомству обеспечивает эффективность государственного межевания, предотвращает межведомственные споры и разногласия, осуществление палатой данной функции обоснованно и целесообразно¹.

Другая особенность Тифлиской судебной палаты состояла в том, что она являлась кассационной инстанцией для дел мировой подсудности Закавказья. Это обособляло судебную организацию Кавказа от общеимперской и исключало дела, подсудные мировым судьям, из надзора Правительствующего Сената. Однако, судебная палата всегда руководствовалась позициями Сената, тем самым обеспечивалось единообразие судебной практики. Ввиду этого Н. М. Рейнке отмечал, что такое исключение из судебных уставов не вредит судопроизводству. По качеству и скорости рассмотрения дел в кассационном порядке работа палаты была им оценена удовлетворительно: дела рассматривались в течение 2-3 месяцев после их поступления. В качестве недостатков функционирования Тифлиской палаты сенатор отметил недостаточное осуществление ею надзора за подведомственными ей органами и лицами [17, с. 193–194].

Данные о ревизиях содержатся и в фонде 1393 РГИА, посвященном ревизии сенатора Н. П. Гарина московских установлений и учреждений военного ведомства Московской губернии (1908–1912 гг.). Фонд состоит из двух описей. Первая содержит следственные материалы (1908–1909 гг.) о преступлениях по должности чинов градоначальства и полиции г. Москвы, а вторая следственные материалы (1908–1909 гг.) о преступлениях по должности чинов интендантского, артиллерийского и инженерного ведомств; заключения военно-прокурорского надзора по возбужденным ревизией делам. Фонд вмещает 511 дел, сформированных с 1908 по 1909 гг.

¹ РГИА. Фонд 1485. Оп. 1. Д. 2. Лл. 3–7об.

Указом 12 декабря 1907 г. на сенатора Н.П. Гарина была возложена ревизия московского градоначальства, возглавлявшегося генерал-майором А. А. Рейнботом. 29 августа 1908 г. высочайшим повелением, объявленным министром юстиции, сенатору Н. П. Гарину было предложено дополнительно ревизовать все, кроме управления православным духовенством, правительственные учреждения Московской губернии, в отношении которых имелись данные «о преступном нарушении денежных интересов казны», а 20 мая 1909 г. по аналогичной причине – и учреждения военного ведомства московского и других военных округов.

Сенатор Гарин получил в отношении всех ревизуемых лиц широкие полномочия. Он мог возбуждать уголовное преследование, увольнять, предавать суду должностных лиц гражданской и военной службы (кроме занимающих должности действительных статских советников и выше). При разногласиях ревизирующего сенатора и прокурорского надзора по вопросу о предании суду должностных лиц, в отношении которых сенатором назначается предварительное следствие, дело разрешается в 1-м департаменте Сената. В ходе проверки было выявлено неудовлетворительное состояние делопроизводства и рассмотрены многочисленные жалобы московских жителей на медленное производство дел в учреждениях. Были назначены предварительные следствия по обвинению в должностных преступлениях градоначальника и его помощника, начальника сыскной полиции, делопроизводителей канцелярии градоначальника, ряда чиновников полиции и других учреждений. К производству отдельных следственных действий сенатор Гарин широко привлекал должностных лиц судов. В результате ревизии состоялись суды над чиновниками московских органов: полиции, градоначальства, приемной комиссии, интендантского вещевого склада и других. По результатам ревизии приложены копии состоявшихся приговоров за период до 22 октября 1911 г. и другие документы¹.

Таким образом, фонды Российского государственного исторического архива содержат богатейший материал по судоустройству и судопроизводству Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Они позволяют исследовать особенности функционирования судов в пореформенный период, оценить работу ведомства Министерства юстиции по реализации судеб-

¹ РГИА. Фонд 1393. Оп. 1. С. 2–6.

ной реформы. Разнообразные источники фонда Министерства юстиции, а также смежных фондов позволяют глубже изучить особенности и проблемы деятельности судебных органов дореволюционной России.

Список литературы

1. Иванов А.А. Издан новый путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области / А.А. Иванов, Е.В. Ильина, С.Л. Курас, Т.Л. Курас // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 952–959.
2. Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. Путеводитель / под ред. С. Н. Валка и В. В. Бедина. Л., 1956. 566 с.
3. Российский государственный исторический архив: Путеводитель : в 4 т. СПб.: Сатис, 2000.
4. Российский государственный исторический архив: Путеводитель : в 4 т. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009.
5. Курас Т. Л. Общественная деятельность служащих судебных палат Российской империи (1866–1917 гг.) // Сибирский юридический вестник. 2013. № 4. С. 16–22.
6. Памятная книжка Киевской губернии на 1890 г. Киев, 1890.
7. Памятная книжка Саратовской губернии на 1904 год. Саратов, 1904.
8. Памятная книжка области Войска Донского на 1912 год. Новочеркасск, 1912.
9. Астахов А. В. Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX- начале XX вв.: структура, состав и функционирование: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009.
10. Памятная книжка. Адрес-календарь Акмолинской области на 1909 год. Омск, 1909.
11. Открытие новых судебных установлений в Санкт-Петербурге и Москве // Журнал Министерства юстиции. 1866. № 4. С. 203–208.
12. Курас Т. Л. Судебные палаты в Российской империи: создание, сравнительная характеристика // Вестник Иркутского Государственного Технического Университета. 2011. № 10 (57). С. 308–312.
13. Курас Т. Л. Реформирование судебной системы в России: исторический опыт и современные проблемы. Региональный аспект // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4 (67). С. 45–53.
14. Курас Т. Л. Общая характеристика судебных палат в Российской империи (на примере Варшавской палаты (1876–1917 гг.)) // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3 (58). С. 11–18.
15. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 22. Ч. 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1906 год. СПб., 1907.
16. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. 256 с.
17. Курас Т. Л. Тифлисская судебная палата // Власть. 2012. № 11. С. 191–194.

Вопросы уголовного законодательства и права

УДК 343.3

*Дамешек Л. М., Иркутск
Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В., Улан-Удэ*

Следственные дела в отношении должностных лиц местного самоуправления бурят (XIX – начало XX вв.)¹

Аннотация. В статье рассматриваются следственные дела в отношении должностных лиц местного самоуправления бурят, которые в полной мере несли административную и уголовную ответственность не только перед подведомственным населением, но и перед Российским государством по делам гражданского характера. В статье подчеркивается, что должностные преступления занимали особое место в судопроизводстве бурятских ведомств.

Ключевые слова: суд и судопроизводство бурятских ведомств, должностные лица местного самоуправления, должностные преступления, административная ответственность, уголовная ответственность.

*Dameshek L. M., Irkutsk
Jalsanova B. C., Kuras L. V., Ulan-Ude*

Investigations against local government officials are drilled (19th – early 20th centuries)

Summary. The article deals with investigative cases against officials of local self-government drilling, who were fully

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № AAA-A-17-117021310264-4).

administrative and criminal responsible not only to the subordinate population, but also to the Russian State in cases of a civil nature. The article emphasizes that official crimes occupied a special place in the proceedings of the Burat departments.

Key words: court and judicial proceedings of Burat departments, officials of local self-government, official crimes, administrative responsibility, criminal responsibility.

Суд и судопроизводство в инородческом самоуправлении – это составная и неотъемлемая часть деятельности органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв. Поэтому вполне естественно, что эта проблема имеет и собственную историографию¹. В то же время изучение следственных дел в отношении должностных лиц местного самоуправления бурят может стать и самостоятельным предметом изучения.

Должностные лица инородческого самоуправления несли гражданскую, административную и уголовную ответственность перед подведомственным населением, перед государством, а также материальную ответственность по гражданским делам. Должностные преступления занимали особое место в суде и судопроизводстве бурятских ведомств.

Административной ответственности подлежали должностные лица в случае совершения ими административных правонарушений в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих должностных обязанностей. Из установленных видов административных наказаний к должностным лицам чаще всего применялся штраф. В основном должностные лица подвергались наказаниям за неисполнение распоряжений вышестоящего начальства и виды наказаний для них были предусмотрены нормами обычного права.

¹ Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 168–169; Жалсанова Б. Ц. Ответственность должностных лиц органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. // Власть. 2013. № 5. С. 170–172; Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В., Жамбалов Д. З. Наказания по уголовным делам хоринских бурят в XIX в. / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас, Д. З. Жамбалов // Сибирская ссылка. Сб. науч. статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. Вып. 8 (20). С. 90–104; Курас Л. В., Жалсанова Б. Ц. Российское законодательство о суде, судопроизводстве в бурятском обществе в XIX в. и органы местного самоуправления бурят // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 108–112.

Так, в Хоринском уложении 1823 г. имеется статья о наказании за послабление в сборе ясака: виновный в этом главный тайша «предается на рассмотрение начальства», другие хоринские тайши, депутаты, агинский закиракчи штрафуются на 10 руб. в пользу хоринского общества. Если сугланные сайты, старшины отоков допускали «послабление в сборе податей», то заключались на пять суток под стражу. Если двухсотенные зайсаны, засулы, шуленги допускали послабление, то вышестоящие начальники наказывали их «палками по спине, которым длина полсажени, а толщина в зависимости от шубы» и т. д.¹ В 1851 г. наказания за неисполнение предписаний вышестоящего начальства, а также за «послабление и затяжку в исполнении сбора казенных податей, взыскании магазинного хлеба» ужесточаются: за первый раз заключались под стражу на трое суток под тюремный надзор, за второй раз – наказание розгами в Степной думе, за третий раз освобождали от должности².

В Селенгинском уложении 1823 г. также четко прописывались возможные наказания за неисполнение предписаний вышестоящего начальства главных шуленг и зайсанов отоков: «За первое неисполнение предписания, вызвав в главную контору неисполнивших шуленг и зайсанов, тайши должны сделать устный выговор; за вторичную оплошность, также призвав, посадить на трое суток под колодку, за третью оплошность, тоже подобно первому и второму разу, главные тайши, сделав выговор и посадив на трое суток под колодку, должны оштрафовать на 10 руб.»³ Эти деньги использовались на экстренные нужды. Все сведения о выговорах и арестах вносились в особые журналы и доводились до сведения всех родов. При «четвертой оплошности» должностное лицо после обстоятельного разбора вышестоящими инстанциями освобождалось от должности, и проводились новые выборы.

В свою очередь, главный шуленга имел право наказывать десяточных зайсанов за неисполнение предписаний вышестоящего начальства: в первый раз – устный выговор, во второй раз – устный выговор и арест на двое суток под колодку, в третий раз – дело передавалось на рассмотрение в контору.

¹ Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности / пер. с монг. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1992. С. 65.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 74.

Обычное право идинских, тункинских, балаганских и кудинских бурят также предусматривали наказания должностных лиц: за маловажные преступления решение о наказании принимал главный тайша, за серьезные преступления должностное лицо судилось судом высшего начальства с лишением должности и звания¹.

Примером административных наказаний должностных лиц служит постановление крестьянского начальника от 28 марта 1902 г. о заключении на семь суток ареста при полицейском управлении за неявку на суглан головы Кудинской инородной управы Алагуева, выборного Етабаева, старост Айдаева и Амагырова².

Другой пример: постановлением от 7 июня 1902 г. за несвоевременный ремонт дорог выборный Етабаев, старосты четырех Харанутских родов, двух Ашахабатских родов и сельские старосты Курского и Усть-Ординского селений были подвергнуты аресту на трое суток, голова Кудинского ведомства – штрафу в размере 5 руб.³

Уголовная ответственность должностных лиц наступала за уголовно наказуемые деяния. Так, Закон о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках 1857 г. (ст. 13) квалифицировал должностные преступления (несвоевременный сбор налогов, недоимки или излишне собранные налоги и т. д.), как уголовные дела в преступлении должностей, или так называемые дела следственные, которые подлежали разбирательству в ведомстве второй степени суда – Палате уголовного суда⁴, при невозможности разрешения – в высшей степени суда – Правительствующем Сенате. В середине XIX в. большой резонанс получили следственные дела по должностным преступлениям в бурятских органах местного самоуправления: Николая Дымбилова, главного тайши Хоринской думы, Сахара Хамнаева, главного тайши Баргузинской думы, Иннокентия Муравьева, главного тайши Ольхонской думы, Хамагана Дамбуева, главного тайши Кудад-

¹ Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: В типографии Ивана Носковского, 1876. С. 99.

² Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 295 Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 2–3.

⁴ Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. 15. С. 5.

ринской думы, Тарбы Жигжитова, главного тайши Хоринской думы и т. д.

Деятельность должностных лиц инородческого самоуправления четко регламентировалась Уставом 1822 г. и нормами обычного права, однако именно эта жесткая регламентация приводила к многочисленным противозаконным действиям со стороны должностных лиц органов местного самоуправления бурят.

Во-первых, это связано со статьей 142 Устава об управлении инородцев 1822 г., согласно которой должностные лица, кроме письмоводителя и его помощника, «не получают от родовичей своих никакого жалованья, но исправляют должности по сим званиям как общественную службу»¹.

Во-вторых, была предусмотрена система других материальных мер и моральных поощрений должностных лиц за успешную службу. Так, статья 143 Устава об управлении инородцев 1822 г. закрепляла за ними «доходы, какие их званию присвоены по степным законам и обычаям с промыслов и земель»², т. е. общественная служба должностных лиц законодательно поощрялась путем выделения лучших пахотных и сенокосных земель в больших размерах. В статье 82 Хоринского положения 1851 г. отмечается, что «среди хоринского населения из занимающих должности тайши, заседатели, головы, выборные, старосты не получают жалованье ни от казны, ни от населения, поэтому в силу 143-й статьи вышеуказанного Устава (1822 г.) в соответствии со званием и с одобрения населения сенокосных и пахотных земель получают во владение побольше»³.

Таким образом, буряты, занимавшие должности в органах местного самоуправления, не получали денежного вознаграждения за свою службу и зачастую вынуждены были идти на излишние поборы своих сородичей, чтобы поправить свое материальное положение. Хотя им и выделялись хорошие земельные участки для покосов и земледелия, они не всегда имели возможность заниматься своим хозяйством из-за чрезмерной занятости по общественной службе.

Немаловажную роль в совершении должностных преступлений, связанных с излишним побором денег, сыграли статьи Уста-

¹ ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб., 1830. С. 402.

² Там же. С. 402.

³ Обычное право хоринских бурят... С. 95.

ва 1822 г., определившие виды податей, которые были «трех родов: 1) казенные подати; 2) земские повинности, 3) повинности внутренние на содержание степного управления»¹. Если с двумя первыми видами податей проблем не возникало, то именно сборы денег на внутренние повинности служили причиной незаконных сборов с бурят.

Внутренние повинности собирались согласно общественным приговорам на содержание местного управления. Смету на внутренние повинности составляли на общественном суглане с участием должностных лиц местного самоуправления, само положение о внутренних повинностях предоставлялось на рассмотрение губернатору, губернскому совету и утверждалось генерал-губернатором. Наряду с денежной внутренней повинностью, буряты должны были исполнять натуральные повинности, основную долю которых занимало исправление дорог, мостов, гатей, пел-рил, заготовка леса.

Однако бурятским органам местного самоуправления было трудно отрывать людей от хозяйственных работ, отправлять их на дорожные работы на дальние расстояния с лошадьми, орудиями труда, определять наблюдателей за их работой и т. д., да и для самих бурят натуральные повинности были тяжелым бременем. Поэтому выгоднее было собирать дополнительные деньги на натуральные повинности и нанимать работников на договорных условиях, что расценивалось как незаконное действие. Несмотря на противозаконный характер этих так называемых «темных» денежных сборов, бурятские ведомства повсеместно применяли их. Вполне естественно, что такие приходы и расходы нигде не фиксировались и не учитывались и вели к присвоению части средств должностными лицами.

В 1839 г. было возбуждено следственное дело об излишних поборах и других злоупотреблениях по ведомству Хоринской степной думы. По мнению очевидца тех событий Т. Тобоева, в то время второго тайши Агинской степной думы, причиной конфликта послужил выбор главным тайшой хоринских бурят Ринчин-Доржо Дымбилова, который разделил хоринское общество: часть хоринцев выступила против этого выбора. Как пишет Т. Тобоев, «этот Дэмбилэй был нравом груб, был корыстолюбив и собирал подати без разрешения начальства. По этой причине воз-

¹ ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб., 1830. С. 411.

ники нелады, и часть хоринского народа стала жаловаться и подала прошение начальству»¹.

Следствие проводил исправник Шевелев. В списке нарушений фигурировали такие обвинения, как излишние сборы по второй половине 1838 г. и первой половине 1839 г. по 0,40 коп. с души, во второй половине 1839 г. по 0,25 коп. – всего по 0,65 коп. с души; завладение покосами по р. Холгосон, снаряжение по четыре человека в караул к своим юртам. Ему вменили также дачу ложных показаний об оказании помощи сородичам по случаю падежа скота, еравнинские буряты жаловались на то, что он не отдал им 571 руб. 14 коп. за проданную в казну шерсть и т. д.

Т. Тобоев приводит такие цифры: «Тайша Дэмбилэй и крещеные Петр Мелентьев, Николай Ольхоин и Степан Соболев украли и поделили 11 368 руб. 43 коп. и 1 полушку серебром, собранных в Хоринской степной думе податей и 233 руб. 51 коп., 1 полушку различных сборов и подожгли думу»².

В ходе следствия 96 человек подтвердили незаконный сбор, из них 14 изменили свои показания, 138 человек, подписавшие прошения и еще 104 человека показали, что излишних сборов не было. Тайша Н. Дымбилов и другие его чиновники показали, что возмутителями являются сторонники умершего тайши Ж. Дамбадугарова.

Неудовлетворительное ведение следствия привело к тому, что исправник Шевелев был отстранен, тем более стали поступать прошения, поданные хоринскими бурятами о несправедливом производстве следствия и стеснениях родоначальников. Так, при расследовании Шевелев «своеручно бил ясачных, обнаруживших поборы и пять дней держал под караулом». Головы, старосты, выборные, зайсаны, которые дали показания против Н. Дымбилова, были удалены от должности.

В конце 1840 г. поступила очередная жалоба, подписанная 1176 хоринскими бурятами, ревизору Министерства имуществ камер-юнкеру Львову на своих родоначальников в производстве с них поборов в размере 0,95 ½ коп. с души. В 1840 г. Совет иркутского общего губернского управления вынес решение о про-

¹ Тобоев Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 19–20.

² Тобоев Т. Указ. соч. С. 20.

должении следствия, которое было поручено другому чиновнику – губернскому стряпчему Кожевникову.

В 1843 г. Верхнеудинский окружной начальник донес Иркутскому гражданскому губернатору о новых обвинениях по отношению к Н. Дымбилову – это несправедливое присвоение себе княжеского титула и присвоение 729 руб. 53 коп. серебром, собранных в подати. На основании этого иркутский гражданский губернатор пишет генерал-губернатору Восточной Сибири В. Я. Руперту о необходимости устранения Н. Дымбилова от должности, на что тот ответил, что не может дать приказ об освобождении от должности по причине недоказанности его вины¹.

Следствие шло на протяжении еще нескольких лет. По свидетельству Т. Тобоева, «по решению генерал-аудитора тайша Дэмбилэй был сослан на работы в Россию, а товарищи его, по решению Забайкальского окружного суда, были сосланы на работы в Нерчинский завод»².

25 ноября 1851 г. генерал-губернатору Восточной Сибири поступил рапорт чиновника Францова, в котором он докладывал о жалобе ясачных инородцев Барун-Харганатского рода Сулхаринского родового управления о незаконных поборах тайши Тарбы Жигжитова. Ясачные инородцы для подачи жалобы вынуждены были прибыть в Селенгинскую степную думу за 350 верст и просить довести их жалобу до генерал-губернатора, так как они лишены возможности, «ибо тайша Жигжитов старается прекращать все пути к сообщению с прямым начальством». 23 февраля 1853 г. верхнеудинским земским судом было поручено заседателю Стоцкому провести расследование. В ходе расследования выяснили, что в 1850 г. зайсан Жигжит Бабогуйев выделил деньги на общественные нужды, а именно уплатил налоги за свой род, на что имелись подписки. После его смерти наследники потребовали вернуть долг с рода, поэтому сделали раскладку и получилось по 8 руб. 63 $\frac{3}{4}$ коп. на каждую душу, всего 3 480 руб. 91 $\frac{1}{4}$ коп. ассигнациями, что вызвало большое неудовольствие со стороны инородцев.

В жалобах ясачные инородцы также жаловались на то, что старосты Банзаров и Жигжитов наказывали за несвоевременный

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 15572 а.

² Тобоев Т. Указ. соч. С. 20.

взнос казенных податей и хлеба в экономический магазин, били лозами некоторых инородцев. В течение 1851 г. собрали с инородцев 1-го класса по 36 руб. 92 коп., 2-го класса по 36 руб. 92 коп., 3-го класса по 21 руб. 43 $\frac{3}{4}$ коп.¹

Интересными представляются обвинения в составлении «фальшивых писем» главным тайшой Селенгинской степной думы Ю. Ломбоцыреновым. В 1851 г. иркутский губернский суд рассматривал дело о «фальшиво составленных двух письмах от имени главного тайши Селенгинской степной думы Найдана Вампилова, написанных якобы бывшему тайше Ю. Ломбоцыренову». Учитывая, что Ю. Ломбоцыренов ранее уже был судим за составление «фальшивого одобрения» и освобожден от ответственности по силе всемилостивейшего манифеста, его оставили в сильном подозрении на основании 1177 статьи Свода уголовных законов².

Наглядным примером разбирательств по должностным преступлениям в бурятских органах местного самоуправления середины XIX в. является также рассмотрение «следственного дела» Сахара Хамнаева (1814–1885), главного тайши Баргузинской степной думы в 1846–1873 гг. К его чести надо отметить, что, судя по документам, ни одно из выдвигаемых обвинений не было доказано, и ни по одному из них Сахар Хамнаев не был признан виновным.

Первые обвинения Сахара Хамнаева в противозаконных поступках начались в 1846 г. со стороны баргузинских купцов братьев Ивана и Михаила Черных при поддержке некоторых баргузинских бурят. Суть обвинения состояла в том, что «он запрещал бурятам торговать с купцами и нанес этим бурятам убытки; что он делал бурятам разные стеснения, что с бурят Танганова и Нодуева взял 9 400 руб., что по его распоряжению производятся с бурят излишние поборы, что из поборов тех Хамнаев получал себе жалованье в течение 11 лет по 400 руб. в год»³.

Следствие на Сахара Хамнаева «производились пять лет четырнадцатью чиновниками». Причинами такого затяжного следствия были: 1) неудовлетворительное для всех жаловавшихся на С. Хамнаева следствие, проведенное чиновниками Салогубом,

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. Л. 1, 67.

² Там же. Д. 164. Л. 15.

³ ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д. 756. Л.5.

Путовойтовым и Лоховым¹; 2) неосмотрительный поступок чиновника Мордвинова, который начал передопрашивать, не учитывая причин жалоб бурят на С. Хамнаева, выясненных прежде другими следователями, также поступили и чиновники Посельский, Лохов, Карамзин и Вильчковский; 3) следствие привело к расколу в Баргузинском бурятском обществе, произошло переплетение выдвинутых обвинений с борьбой за власть в ведомстве: разделение бурят на две партии, из которых одна изъявляла недовольство тайшой того времени Норбо Галсановым и Падерином Танхиным и чиновником Сахаром Хамнаевым. Они собрались около бывшего 2-го тайши Тангана Икинерова и просили в тайши сына Икинерова Тангана и бурята Бадму Чептонова, только от этой партии и исходили жалобы.

По итогам следствия дело было рассмотрено в иркутском губернском совете. Губернский совет не признал жалобы братьев Ивана и Михаила Черных доказательными и правильными обвинениями против Хамнаева. Как отмечается в деле, «бурят Нодуева, Чебухаева, Семенова, Аюшаева и Дарсанова, жаловавшихся на делаемые им самим Хамнаевым и по влиянию родоначальниками разных стеснений и запрещение Хамнаевым бурятам торговать с купцами Черных при первых исследованиях жалобы этих бурят остались голословными и следствиями по ним обнаружено только: во-первых, разнообразные, при каждом опросе, показания этих бурят: несколько раз они показывали, что их купцы Черные научают выводить на Хамнаева и родоначальников разные злоупотребления, небывалые; потом несколько раз показывали, что Хамнаев и родоначальники научают их выводить это на Черных ложно»².

Следующий момент, который вызвал у следствия сомнения в правдивости жалоб купцов Ивана и Михаила Черных, это то, что Михаил Черных, будучи баргузинским словесным судьей, не только принимал без всякого права объявления бурят с жалобами на родоначальников, но и позволял им во время самовольных отлучек с места жительства укрываться в баргузинском словесном суде. Согласно статье 182 Устава 1822 г., инородцы не имели права без ведома родового управления отлучаться из мест коче-

¹ В архивных документах указаны только фамилии без инициалов.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 756. Л. 4 об. – 5.

вья на расстояние больше двух дней пути¹, поэтому самовольные отлучки бурят из мест жительства, и тем более их укрывательство судей, являлись незаконными. Действия Михаила Черных были квалифицированы как превышение власти по ст. 380 Уложения о наказаниях: «чиновник или иное должностное лицо признается превысившим власть ему вверенную, когда выступив из пределов и круга действий, которые предписаны ему по его званию, должности, месту или особенному поручению, учинит что-либо в отмену или вопреки существующих узаконений и учреждений, уставов или данных ему наставлений; или же вопреки установленному порядку предпишет или примет такую меру, которая не иначе может быть принята, как на основании нового закона; или присвоит себе право, ему не принадлежащее, самовольно решить какое-либо дело»². Как виновный в превышении власти, он был подвергнут наказанию согласно ст. 383 Уложения о наказаниях – отрешению от должности³.

Еще один факт, на который обратили свое внимание следователи, особенное отношение Ивана Черных к участи одного из бурят, жаловавшихся на незаконные действия С. Хамнаева. Это бурят Надуев, который находился в остроге за совершение преступления, которого выпускали из тюрьмы для написания жалобы на С. Хамнаева. Иван Черных обвинялся в том, что принимал его у себя на квартире, однако за его смертью дело было оставлено в окончательном положении, то есть дело было закрыто.

По всем этим обстоятельствам, Иркутский губернский совет пришел к заключению, что купцы Иван и Михаил Черных «являются, хотя и не положительно, но вероятно зачинщиками смут между баргузинскими бурятами, а чиновник Хамнаев является лицом, которое Черных старались преследовать»⁴.

Следователи выявили, что буряты предъявили свои претензии, кроме Сахара Хамнаева, на должностных лиц Баргузинской степной думы Норбо Галсанова, Падерина Танхина, Сартала Букулиткенова, голов Дашевула Марлунова, Самбила Нохольджинова, Буту Балтаханова, Утохона Артакиева и старшину Дмитрия Будаева. Они обвинялись в том, что по желанию С. Хамна-

¹ ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб., 1830. С. 404.

² Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV. С.108.

³ Там же.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 756. Л. 4 об.

ева притесняют бурят и собирают излишние поборы, например, излишний сбор денег по 30, 35 и более руб. ассигнациями с души на постройку частного экономического магазина по проекту С. Хамнаева. Однако никто из них не согласился с обвинениями и не сознался в противозаконных сборах денег, и при отсутствии доказательств обвинения остались «голословными».

В ходе следствия выяснилось, что часть родоначальников, не обвиняемых бурятами в первоначальных жалобах, «сознались в производстве излишних поборов с бурят (перечисляются фамилии 21 должностного лица), все они, подтвердив существование излишних поборов от 5 до 12 руб. ассигнациями с души, присовокупили, что эти сборы производили по приказанию голов и старшин и часть таковых употребляли на исправление дороги, а часть сдавали головам; головы и старшины, что в родах их производились излишние поборы по распоряжению членов думы и часть их употреблялась на исправление дороги и другие расходы по повинностям и часть сдавали заседателю Букулитканову на жалованье Хамнаеву и тайше Падерину и на постройку какого-то магазина; тайша Галсанов, что поборы производились с общего родовичей согласия»¹.

В ходе следствия были допущены многочисленные процессуальные нарушения со стороны следователей. Так, следователь Вильчковский допустил при допросах свидетелей угрозы, «за не сознание в производстве поборов удалил от должности, а после сознания допускал к должностям»². К тому же должностные лица степной думы при последующих допросах показали, что они вместе дали Вильчковскому 500 руб. серебром за прекращение следствия в их отношении.

Исходя из этого действия следователей «отнимают возможность видеть в этих показаниях искреннее сознание, учиненное под влиянием действий следователя, совершившихся в пределах, дозволенных следователю законом»³. Следствие пришло к выводу, что «за всем тем единообразие показаний, как этих родоначальников, так и показаний многих бурят убеждает в мысли, что излишние денежные поборы в Баргузинском бурятском ведомстве существовали и употреблялись на вспоможение и отправ-

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 756. Л. 8–8 об.

² Там же. Л. 5–5 об.

³ Там же. Л. 7 об.

ление натуральных повинностей и виновными в этом должны оставаться означенные, сделавшие сознание родоначальники. Но эта вина их по соображении с IV приложением к 173 (183) статье Уложения о наказаниях не может быть отнесена в разряд тех преступлений, взыскания за которые налагаются на инородцев судом уголовным»¹.

Важным моментом следствия явилось выявление неблагоприятного облика многих жаловавшихся бурят, что стало предметом исследования чиновника Щукина. Он пришел к выводу, что многие из них были замечены в совершении дурных поступков, которые подлежали бы взысканию по инородческим обычаям. Но передача дел этих на разбирательство родоначальников могла предоставить им повод к пристрастному преследованию жаловавшихся бурят, а бурятам – повод вновь жаловаться. Поэтому делопроизводство Щукина было оставлено в окончательном положении, тем более, что прошли все сроки давности.

По третьему пункту жалобы о выплате жалования Сахару Хамнаеву также обвинения были признаны необоснованными. Окончательное заключение по следственному делу в отношении Сахара Хамнаева было сделано общим присутствием Забайкальского областного правления в сентябре 1858 г., что связано с передачей ведомства Верхнеудинского округа из Иркутской губернии в 1851 г. во вновь образованную Забайкальскую область, под ведение областного управления².

В заключении было отмечено: 1) оставить в окончательном положении обстоятельства: а) по выводам излишних поборов и разных притеснений на чиновника Сахара Хамнаева и родоначальников, не сделавших при следствии сознания, ибо выводы при не сознании обвиняемых и при не представлении к делу полных доказательств, остались голословными; б) по частным претензиям бурят, ибо претензии те бездоказательны и не могут быть переданы на разбирательство родоначальников, по соображениям общего присутствия; в) по выводимым на жаловавшихся бурят родоначальниками их дурным поступкам: ибо поступки тех бурят, по соображениям общего присутствия, не подлежат ныне взысканию, не составляя преступлений уголовных³.

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 756. Л. 9.

² ПСЗРИ-2. № 25394. Т. 26. СПб., 1852. С. 476–479.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп.1. Д.756. Л.12-12об.

Общим присутствием Забайкальской области было строго предписано «родоначальникам Баргузинского бурятского ведомства, чтоб отныне не осмеливались производить неуставленных правительством поборов»¹.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки отстранить Сахара Хамнаева от должности главного тайши. В 1859 г. Главное управление Восточной Сибири предписывало военному губернатору Забайкальской области разобраться с прошениями баргузинских бурят о злоупотреблениях С. Хамнаева. В ноябре 1861 г. буряты 1-го Чиндылдорского рода Пехей Степанов и Цыбык Муханов подали прошение исправляющему должность генерал-губернатора Восточной Сибири, как пишут баргузинские буряты, «на разные самоуправительные стеснения, делаемые будто бы им и всем вообще нашим инородцам неправильными действиями нашего Баргузинского главного тайши Сахара Хамнаева». В ответ на эту жалобу баргузинские буряты принимают в декабре 1861 г. общественный приговор о выселении «жалобщиков» из общества в другое отдаленное место и «тем избавить от напрасных и совершенно ложных их затеянностей».

В феврале 1862 г. принимается следующий общественный приговор о признании их обвинения «совершенно ложного и не заслуживающего никакого внимания, потому что ни один из нас на стеснения главного нашего тайши Хамнаева никогда их жалования не уполномочивали, и никто в этом не жалуется, и напротив еще все мы службой его остаемся во всех отношениях довольными, излишних поборах денежных так и других корыстолюбивых подарков Хамнаевым как сначала его службы, так и в настоящее время с нас никогда не вымогается, и принуждение к постройке собственно принадлежащих ему юрт бесплатно никогда им не производилось, равно и ныне таковых нет, а все объяснено в просьбе вышесказанных инородцев Пехея Степанова с товарищи по неблагонамеренному и совершенно худому их поведению сочинены ими, как мы полагаем, со злобным намерением повредить доброту и честному имени нашего главного тайши, и потому они пускаются в разные несправедливые кляузы, некоторыми делаются лишь только между инородцами смуты подучением к подаче начальству таковых ложных жалоб на тайшу Хамнаева, как на лицо всем нам известное по своей совершенной

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп.1. Д.756. Л. 13.

честности и благонамеренности и против коего как мы, так и все общество наше не имеет никаких претензий, и все остаемся довольны благодарными управлением Хамнаева».

В 1862 г. в Забайкальское областное правление поступает жалоба от брата Николая Хамнаева, в феврале 1863 г. – жалоба Пехея Степанова, Джалсана Нохошкина и других на неправильное составление приговора об их переселении в другое ведомство, в марте 1863 г. – жалоба от Николая Хамнаева, Баная Унгунова и Ванюшки Балаганова на стеснения от главного тайши, жалоба от Намчи Имышкеева на действия должностных лиц, принуждавших подписывать общественный приговор о доброй нравственности С. Хамнаева, жалоба Ванюшки Балаганова на вторичный сбор хлеба в хлебозапасный магазин и т. д. В январе 1864 г. поступила жалоба военному губернатору Забайкальской области от матери С. Хамнаева Санжит Чебулаевой на неправильные действия сына и с просьбой об отстранении от должности¹.

В 1870 г. рассматривалось дело по жалобе бурят Баргузинского ведомства Николая Хамнаева и Ирдыни Октофеева в Министерство внутренних дел «на неправильные действия» главного тайши Сахара Хамнаева². По решению генерал-губернатора Восточной Сибири он был отстранен от своей должности на период проведения следствия. Только 21 августа 1873 г. решением генерал-губернатора Восточной Сибири Сахар Хамнаев был допущен к исполнению своих обязанностей, так как «... не обнаруживается никаких особенных злоупотреблений им, преступлений, а между тем, оставление Баргузинской Степной думы без главного родоначальника ведет к беспорядкам ...»³

Следующее громкое следственное дело о совершении должностного преступления велось в отношении Иннокентия Николаевича Муравьева, тайши Ольхонской степной думы в 1836–1859 гг.⁴ За время службы он получил благодарность от начальника Иркутской губернии за содействие и усердие при учреждении Ольхонского приходского училища (он уступил свой дом под

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7335. Л. 8–17.

² Там же. Д. 1444. Л. 3.

³ Там же. Д. 1570. Л. 171.

⁴ В Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранится дело «Об излишних сборах, произведенных с инородцев Ольхонского ведомства тайшой Муравьевым (01.12.1861 – 04.06.1863)» (Ф. 383. Оп. 24. Д. 37274. 24 л.)

училище на три года), был награжден серебряной медалью на Аннинской ленте¹.

В 1859 г. на него поступили жалобы об излишних поборах и по итогам проверки, проведенной ассессором Иркутской казенной палаты Ларионовым, были выявлены серьезные нарушения. Так, из собранной бурятами ведомства суммы 25 654 руб. в подати и повинности (в среднем по 9 руб. с души), 6 000 руб. были выданы тайше Муравьеву за постройку здания степной думы хозяйственным способом. В ходе следствия путем опроса общественников выявляли, действительно ли сами буряты по своему желанию поручили построить здание степной думы хозяйственным способом. Общественники, представлявшие все роды Ольхонского ведомства, подтвердили, что они «по собственному желанию, по случаю затруднительности производить им самими натурой постройку здания думы предоставили тайше Муравьеву производить оную с уплатой без ведома думы и без всякого письменного условия 6 000 руб. серебром»².

Судя по документам, следствие велось в течение нескольких лет, с 1859 по 1864 гг. и поочередно рассматривалось в иркутском губернском суде, затем в высшей инстанции суда – Правительствующем Сенате. Все это время он содержался в Иркутской тюрьме и ждал окончания следствия. Только в 1864 г. был оглашен приговор, согласно которому И. Н. Муравьев за излишние сборы со своего общества, произведенные им в 1859 г., был приговорен к наказанию в виде лишения «всех особых, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и всемилоостивейше пожалованной ему серебряной медали для ношения на груди на Аннинской ленте с надписью «За усердие».

Согласно ст. 36 Уложения о наказаниях 1857 г., в которой говорится о местах ссылки в Сибири для жителей Иркутской губернии, была определена IV степень наказания: «Для жителей губерний Енисейской и Иркутской, области Забайкальской и градоначальства Кяхтинского, в область Якутскую»³, И. Н. Муравьев был приговорен к ссылке на жительство в Якутскую область с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного для него жительства в течение одного года и потом выезда в другие губер-

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1211. Л. 28–28 об.

² Там же. Д. 778. Л. 42 об.

³ Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV. С.8-9.

нии и области Сибири в течение четырех лет. Кроме этого наказания, согласно ст. 63, в которой говорится о том, что «виновные в преступлении, причинившем кому-либо убытки, вред или обиду, сверх наказания, к которому присуждаются, обязаны вознаградить за сей вред, убыток или обиду, из собственного имущества, по точному о сем постановлению суда»¹, на него была возложена материальная ответственность за совершенное противозаконное действие: «взыскать из имения Муравьева, какое окажется собственно ему принадлежащим, в пользу общества 9 630 руб. 71 коп.»²

Ст. 64 Уложения о наказаниях предусматривала наказание для сообщников преступника: «Когда преступление учинено несколькими лицами и главные виновники не в состоянии вознаградить за причиненный вред, убыток или обиду, то следующая на вознаграждение денежная сумма присуждается с других участвовавших в преступлении»³. По этой статье материальная ответственность была возложена и на членов думы, как на сообщников – Имея Ангарова, Георгия Субанова и Пилата Шумакова, которые ранее уже были освобождены от занимаемых должностей.

Кроме общих мер наказания и взысканий, согласно ст. 69 Уложения о наказаниях 1857 г. за преступления и проступки по службе Иннокентию Муравьеву полагалось удаление от должности⁴. Однако учитывая упадок хозяйства тайши И. Н. Муравьева в связи с его долгим содержанием в тюрьме, олхонскому обществу дали право применить ст. 66 Уложения о наказаниях, согласно которой «виновные, не имеющие никаких средств к вознаграждению за причиненные ими вред, убыток или обиду, могут, если они не подвергаются наказанию уголовному, быть по требованию обиженной стороны, заключены в тюрьму, на основании общих правил о несостоятельных должниках»⁵. Общественным приговором от 14 июля 1864 г. улусными доверенными, старшинами и почетными родовичами было принято решение о взыскании с И. Н. Муравьева, И. Ангарова, П. Субанова, П. Шумакова в пользу общества «по их видимой возможности и

¹ Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV. С. 15.

² ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 437. Л. 10 об. – 11.

³ Свод законов Российской империи 1857 г. Т. XV. С. 15

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 15–16.

с общего согласия данной ныне подписке лишь только четыреста руб. серебром, которые представить своевременно в Иркутское окружное казначейство»¹.

Интерес представляет следственное дело в отношении Хамагана Дамбуева, главного тайши Кударинской степной думы. В феврале 1845 г. заседатель Осликовский написал рапорт иркутскому гражданскому губернатору на дерзкий характер Х. Дамбуева, на нарушения, допускаемые им в своей работе: 1) отправляет мальчиков вместо взрослых мужчин на дорожные работы; 2) письмоводителем думы работает человек без паспорта, некий Федоров. В ответ тут же следует предписание верхнеудинскому земскому исправнику разобраться, так как «всякая невежливость со стороны тайши, а тем паче ослушание, неповиновение или дерзость, суть такие поступки, за которые, он, если окажется в том виновным, будет подлежать неременной ответственности по всей строгости законов»². В свою очередь, верхнеудинский земский исправник в донесении иркутскому гражданскому губернатору подтверждает, что поступки тайши Дамбуева сопровождались «непомерной дерзостью»³.

В 1851 г. против Х. Дамбуева были выдвинуты новые обвинения. В Главное управление Восточной Сибири поступила жалоба кударинских бурят на излишние поборы и кражи зерна в экономическом магазине. Расследование было поручено чиновнику особых поручений Главного управления Восточной Сибири Доржо Банзарову, который со всей тщательностью начал работу по проверке фактов, изложенных в жалобе. К чести тайши, ни одно обвинение не было подтверждено при опросе жителей ведомства. Вскоре дело было прекращено в связи со смертью Хамагана Дамбуева в августе 1852 г.⁴

Вторая половина XIX в. также ознаменовалась многочисленными злоупотреблениями со стороны должностных лиц местного самоуправления бурят, связанных с излишними поборами, нарушением условий подряда, растратами общественных и казенных денег и др. Ярким наглядным примером нарушений условий подряда и материальной ответственности подрядчика – должност-

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 437. Л. 10 об.

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15577. Л. 4-5.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Д. 7042. Л. 1-3.

ного лица, являются события 1860–1866 гг., происходившие в Аларском ведомстве. Так, Галсан Баторов, как доверенный от инородцев Аларского бурятского ведомства Балаганского округа Иркутской губернии заключил контракты в иркутской полевой провиантской комиссии в мае 1860 г. и июне 1861 г. на поставку свежего мяса, солонины и говяжьего сала для портов Восточного океана на 1861–1862 гг., при этом он авансом получил всю сумму подрядных денег. Однако эти обязательства на сумму 22 141 руб. 79 ½ коп. Г. Баторов не смог выполнить, как он впоследствии объяснял, по причине сильного разлива реки Амур, во время которого погиб сплавлявшийся им рогатый скот и прочие товары.

Хотя в ходе проведенного следствия остальные подрядчики подтвердили показания Г. Баторова, но он не смог представить никаких «установленных законами доказательств», к тому же к 1863 г. надобность в подрядах отпала. В связи с этим в декабре 1863 г. генерал-губернатор Восточной Сибири предписал взыскать с «Галсана Баторова и его доверителей сумму невыставленных припасов и материалов, т. е. 22 141 руб. 79 ½ коп.»

Надо отметить, что кроме решения вышестоящих властей о взыскании всей суммы подрядных денег, Галсан Баторов сразу был освобожден от занимаемой должности главного родоначальника аларских бурят, которую получил по наследству от своего отца Павла Ивановича Толстого (Баторова). Как отмечается в общественном приговоре аларских бурят, «Баторов состоит под следствием за разные злоупотребления по должности и ни в каком случае уже не может быть тайшой»¹.

Для исполнения этого предписания иркутской полевой провиантской комиссией через губернское начальство было сделано соответствующее распоряжение Аларской степной думе о наложении ареста на имущество должника до окончательного взыскания суммы. В марте 1865 г. по предписанию Балаганского земского суда было описано имущество Галсана Баторова на общую сумму 698 руб. 60 коп., которое передавалось на хранение «Баторову с росписью по описям и особой подпиской о том, дабы Баторов не осмеливался оное тратить и подменивать вещи под ответственностью по закону»². Аларской Степной думе было также предписано «иметь через членов своих бдительное наблюдение за

¹ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 405. Л. 108.

² Там же. Д. 404. Л. 1.

Баторовым, дабы он отнюдь не осмеливался мотать или тратить описанное у него имущество впредь до распоряжения высшего начальства и в случае малейшего поползновения его к расточительности, тот час же прекратить его действие, приставив особый надзор и донести в то же время для дальнейших с моей стороны распоряжений»¹.

Следующим шагом по взысканию суммы долга с Г. Баторова стал общественный приговор доверенных лиц от 1491 инородца Аларского ведомства от 27 июня 1865 г. о решении разложить взыскиваемую сумму на все общество по принципу поручительства «один за всех и все за одного». В этом приговоре, засвидетельствованном установленным порядком, доверители Баторова, «опасаясь неизбежного разорения от взыскания с них столь значительной суммы и имущества, заключающегося преимущественно в предметах их хозяйств, просили отменить эту меру и уплату денег рассрочить на три года с уплатой в каждый год по 7 380 р. 59 коп. или хлебом в соответствующем на сию сумму количестве, со сдачей оного в провиантское ведомство, по ценам, какие состоятся на торгах в Иркутском губернском совете; исправное же выполнение его обязательства обеспечивают они круговым друг по друге ручательством»².

М. С. Корсаков, генерал-губернатор Восточной Сибири, подробно изучив общественный приговор аларских бурят, пришел к выводу: во-первых, «подрядчик Баторов и его доверители сделались неисправными в выполнении своих обязательств по причине, подтверждающейся справками и следовательно, могущей вполне освободить их от взыскания, если исполнителей подряда не упустят при этом случае заявить доказательства свои непременно и по форме»; во-вторых, взыскание 22 с лишним тысяч руб. с 1500 человек кочующего народа «посредством описи и распродажи их имущества при тех особых положениях, которые на этот предмет существуют для инородческих обществ, было бы средством не совсем надежным и продлилось бы не менее трех годов»³.

Исходя из таких соображений, М. С. Корсаков представил на рассмотрение управляющего Морским министерством свои пред-

¹ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 404.. Л. 1–1 об.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Д. 401. Л. 1.

ложения о разрешении аларским бурятам уплаты следующих Морскому ведомству 22 141 руб. 79 ½ коп. с рассрочкой на три года, предоставить им возможность вносить взыскиваемые суммы наличными деньгами по 73 80 руб. 59 коп. или же принимать от них хлеб на соответствующую сумму ежегодно к ноябрю месяца (к окончанию торгов на хлеб в Иркутском губернском совете) на следующих условиях:

«за хлеб на сумму 7380 руб. 59 коп. провиантское ведомство будет платить деньги по ценам, которые состоятся на торгах ежегодных в Иркутском губернском совете, за поставку хлеба в магазины Иркутского и Балаганского округов и будут утверждены генерал-губернатором Восточной Сибири, если же на торгах в Совете никаких цен открыто не будет, то по ценам, назначенным вообще к руководству на приобретение комиссионерам или другим способом;

окончательный срок на поставку хлеба будет назначаться не позже трех месяцев со дня объявления цен и заключения контрактов, чтобы в случае неисправности в поставке провианта оставалось еще достаточно времени на приобретение одного, попечением казны без расходов, превышающих законную неустойку со стороны поставщиков инородцев Аларского ведомства;

уплату денег Провиантское ведомство будет производить Морскому министерству ежегодно по окончательном поступлении хлеба в провиантские магазины;

при неисправности поставки хлеба аларскими инородцами Провиантское ведомство будет покупать оный по возможным ценам и передачу при этом случае обратить на счет суммы, составляющей неустойку по их подряду, а затем примутся решительные меры о взыскании следующих Морскому ведомству денег в полном количестве посредством описи и распродажи имущества должников с аукционного торго»¹.

На основании такого ходатайства генерал-губернатора Восточной Сибири Морское министерство отношением от 8 февраля 1865 г. разрешило уплату числящегося на аларских инородцах взыскания с рассрочкой на три год, начиная с 1865 г. на следующих условиях:

уплату производить или наличными деньгами по 7 380 р. 59 к. в год, или соответствующим этой сумме количеством хлеба;

¹ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 401. Л. 3.

наличные деньги ежегодно вносить к 1 ноября, а хлеб сдавать не позже трех месяцев со дня объявления цен;

хлеб принимать от инородцев по ценам, какие состоятся в Иркутском губернском совете на поставку хлеба в провиантские магазины; если же в Совете цен открыто не будет, то по ценам, назначенным вообще к руководству на приобретение провианта комиссионерским или другим способом;

в случае неисправности аларских инородцев во взносе к сроку денег или в поставке хлеба следующего к расчету к тому сроку, сумму взыскать с них на законном основании через продажу их имущества¹.

Впоследствии вся взыскиваемая с бывшего тайши Галсана Баторова сумма была разложена на всех жителей Аларского ведомства и в течение 1866–1868 гг. была уплачена в Иркутское губернское казначейство².

Таким образом, должностные лица местного самоуправления бурят в XIX в. несли ответственность по административным, гражданским и уголовным делам. Особым видом являлась материальная ответственность должностных лиц по гражданским делам, в частности по договорам подряда с казной. Должностные лица не только освобождались от своей должности, но и обязаны были возместить весь ущерб, причиненный казне, а при невозможности личного возмещения, сумма раскладывалась на все общество и взыскивалась в обязательном порядке.

В связи с этим забайкальский областной прокурор, проводя следствие в 1889 г. в отношении Семена Хамаганова, головы Абазаевского рода Кударинской степной думы за должностное преступление, поднял вопрос о подсудности должностных лиц инородческого управления, какому именно суду они должны быть переданы – губернскому или окружному. До этого времени они судились иркутским губернским судом, хотя становые и волостные начальники, власть которых не ниже инородческих, предавались суду забайкальского окружного суда.

Общее присутствие забайкальского областного управления, рассмотрев на своем заседании 7–8 марта 1889 г. данный вопрос, пришло к заключению о признании инородческих начальников подсудными по преступлениям должности забайкальскому

¹ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 401. Л. 3–4.

² Там же. Л. 81–81 об.

окружному суду и представлении этого заключения на рассмотрение приамурского генерал-губернатора.

В свою очередь, 12 октября 1890 г. приамурский генерал-губернатор представил рапорт о подсудности инородческих начальников в Правительствующий Сенат, который своим указом от 24 апреля 1893 г. приказал приравнять инородческих начальников к должностным лицам волостного и сельских управлений и судить их окружными судами¹.

30 ноября 1892 г. иркутское губернское правление было вынуждено опубликовать письмо о недопущении злоупотреблений со стороны инородческих властей: «Дознания, производимые по обвинению инородческих властей в злоупотреблениях по службе, обнаруживают в большинстве случаев, что власти эти по отсутствию за ними со стороны окружной администрации должного надзора, не только вредно влияют на общественные инородческие дела, но это влияние крайне неблагоприятно отражается на материальных интересах инородцев, порождая в особенности там, где должность головы соединена с обязанностями казначея, растраты общественных сумм и производство таких, ни в чем неоправданных расходов»².

Буряты 1-го Абаганатского рода жаловались в инородную управу на помощника родового старосты Бардоя Маргадашкинова на излишние поборы при сборе податей и ходатайствовали о привлечении его к ответственности. Инородная управа провела дознание, опросив 35 человек, взяла объяснение с самого Маргадашкинова и выяснила, что за обвиняемым нет вины, так как он взял 300 рублей в долг под проценты у купца Синицына на уплату податей и должен был вернуть 375 руб.³

У царской администрации было двойственное отношение к нарушителям — должностным лицам. Она достаточно либерально относилась к тем должностным лицам, кто обворовывал своих соплеменников, и практически не реагировала на жалобы инородцев, связанные с притеснениями их «почетными родовичами». Редкие дела о наказаниях должностных лиц за притеснения сородичей доходили до суда. Так, в 1880 г. иркутский губернский

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 29. Оп. 1. Д-во 1. Д. 23. Л. 6–7.

² ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 6. Л. 123 об.

³ Там же. Д. 167. Л. 4–7.

суд признал виновным помощника старосты Барун-Хоацайского рода Кялинской инородной управы О. Куринова в истязании Н. Сундуева (по крещении Константина Литвинцева) и приговорил к заключению в тюрьму на четыре месяца¹. В то же время жестко спрашивала с тех, кто нарушал предписания царской администрации, не выполнял контракты по поставкам товаров в казенные предприятия, халатно относился к выполнению урточной повинности, допускал недоимки по уплате податных сборов и растрату казенных денег².

В 1895 г. Иркутским губернским правлением было возбуждено следствие по обвинению головы Аларской инородной управы Михаила Бадмаева в излишних поборах денег на несение междудворной гоньбы. В ходе следствия был опрошен 61 человек. Все они перед дачей свидетельских показаний давали клятвенное обещание следующего содержания: «Я обещаюсь и клянусь Всемогущим богом, перед Святым его Евангелием и Животворящим крестом, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ни ожиданием выгод, или иными какими либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде его»³. В результате следственных мероприятий выяснили, что деньги на междудворную гоньбу собирались с согласия общества, на добровольной основе, никакого присвоения денег не было. М. Бадмаев в своем объяснении показывал, что такие сборы денег практиковались с давних лет, за год работы в должности головы ему не удалось прекратить такие сборы. Вины своей он не признал, считая это происками своих противников. По приказу иркутского губернского правления он был отстранен от занимаемой должности и заключен на семь суток ареста при иркутском полицейском управлении⁴.

В марте 1906 г. крестьянский начальник 5-го участка своим постановлением наложил запрет на недвижимость и арест на движимое имущество головы Абаганатской инородной управы Алексея Убогонова, который оказался «должным казенных и

¹ ГАРБ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.

² Даржаев С. Ю. Степные Думы – органы самоуправления бурят в Российском государстве (1822–1904 гг.). Улан-Удэ, 2001. С. 72.

³ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 384. Л. 55.

⁴ Там же. Л. 192–195.

общественных денег в сумме 1123 руб. 99 коп.»¹ Казначей Абаганатской инородной управы П. Осипов растратил 1168 руб. 08 коп. общественных и казенных денег, и вся сумма была взыскана мерами полиции и внесена в казначейство². Буряты 1-го Абаганатского рода написали жалобу на действия родового старосты Алексея Забинова, обвиняя его в мошенничестве. Благодаря своей грамотности и знанию русского языка, он выступал в роли «адвоката, занимаясь с большим умением ссорами и мирением бурят между собой»³ за оплату.

В 1906 г. распоряжением крестьянского начальника 5-го участка были освобождены от занимаемых должностей за «неправильные действия» исполняющий должность головы П. Осипов и староста 1-го Абаганатского рода А. Забинов⁴.

Нами рассмотрены только несколько следственных дел, получивших широкий резонанс в Иркутской губернии и Забайкальской области, а некоторые дела доходили даже до Правительствующего Сената. Основной причиной этих нарушений, на наш взгляд, послужил сам закон, по которому жили бурятские ведомства – это Устав об управлении инородцев 1822 г. Статьи об общественном характере службы должностных лиц бурятских органов местного самоуправления XIX в., предполагающие их деятельность без соответствующей оплаты, финансово-хозяйственная самостоятельность бурятских ведомств со своими системами содержания степного управления, приводили к бесконтрольности расходования этих средств. Многочисленным нарушениям способствовала фактически самостоятельная судебная система в бурятском обществе, не позволявшая выносить за пределы ведомства ни жалоб, ни прошений со стороны потерпевших.

Таким образом, на основании архивных документов инородных управ можно выявить характер преступлений и правонарушений, их расследование и судопроизводство, которое строилось на основе норм обычного права. В судопроизводстве бурятских инородных управ наиболее часто представлены дела по взаимным финансовым и хозяйственным претензиям, уплате калыма, семейным разводам с разделом имущества, расследованием краж

¹ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 100. Л. 6.

² Там же. Д. 105. Л. 6.

³ Там же. Д. 86. Л. 101–104.

⁴ Там же. Д. 100. Л. 27–28.

скота и имущества, и они же являются наиболее разработанными в обычном праве.

Хотя российское законодательство дореволюционного периода осторожно подходило к включению обычаев и традиций сибирских инородцев в общероссийское правовое поле, они признавались российскими судами. Устав 1822 г. законодательно признал юридическую силу норм обычного права с перспективой их кодификации, закрепил особое правовое положение для сибирских народов. Юридическое признание норм обычая давало сибирским инородцам право вести судопроизводство по своим законам. Из ведения инородческих судов словесной расправы были изъяты такие уголовные дела как убийство, грабеж, изготовление фальшивой монеты, похищение казенного и общественного имущества. Остальные правонарушения и преступления рассматривались как маловажные, исковые и подлежали рассмотрению инородческими судами. Инородная управа, как вторая ступень суда словесной расправы, разбирала дела между людьми разных улусов или же, в случае неудовлетворенности решением суда первой ступени словесной расправы – родового управления, была фактически высшей ступенью инородческого суда.

С середины XIX в. под влиянием экономических и политических изменений, происходивших в российском обществе, инородческое самоуправление, инородческий суд и судопроизводство перестали отвечать изменившимся условиям. Как следствие, наблюдается огромное количество нарушений в управлении, хозяйственной деятельности, которые невозможно было решить с помощью инородческих законов. В частности, к таковым относятся следственные дела в отношении должностных лиц местного самоуправления. Статьи об общественном характере службы должностных лиц бурятских органов местного самоуправления XIX в., финансово-хозяйственная самостоятельность бурятских ведомств со своими системами содержания степного управления, приводили к бесконтрольности расходования этих средств. Многочисленным нарушениям способствовала фактически самостоятельная судебная система в бурятском обществе, не позволявшая выносить за пределы ведомства ни жалоб, ни прошений со стороны потерпевших.

На наш взгляд, кризис инородческой судебной системы был вызван несколькими причинами:

во-первых, родовые управления и инородные управы, составлявшие две степени словесной расправы инородцев, создавались из лиц, избираемых родовичами из своей среды или же получавших наследственно звания головы и старосты, что при общем низком уровне умственного и нравственного развития инородцев не могло обеспечить правильное и беспристрастное рассмотрение возникавших среди инородческого населения гражданских дел;

во-вторых, нормы обычного права, на основании которых решались все гражданские дела, уже не отвечали изменившимся условиям быта населения и утрачивали свое практическое значение;

в-третьих, инородческие суды, основывавшиеся на нормах обычного права, отличались медлительностью судопроизводства и подчас несправедливым разрешением дел¹.

Судебная реформа 1864 г. также не внесла ничего нового в инородческий суд, и только в начале XX в. инородческие суды были упразднены при проведении волостной реформы².

УДК 947.073

Савилов А. А., Иркутск

**Система снабжения политических ссыльных
Иркутской губернии казенным пособием в 1860–1900-е гг.:
правовые основы и особенности развития**

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам снабжения политических ссыльных, находившихся в 1860–1900-е гг. на территории Иркутской губернии, пособиями от государства. На основе анализа нормативно-правовых актов, действующих в исследуемый период, автором определены основания получения денежной помощи от казны, а также круг субъектов, имеющих на это законное право. Также на основе имеющихся архивных

¹ О предстоящем преобразовании судебной части по делам инородцев // Забайкальские областные ведомости. 1896 г. 29 ноября. № 48. С. 7–8.

² ПСЗРИ-3. № 19984. Т. 21. СПб., 1903. С. 254.

данных автор выявляет особенности работы системы снабжения казенным пособием политических ссыльных в Иркутской губернии, ее основные недостатки.

Ключевые слова: политическая ссылка, Иркутская губерния, пособия, Устав о ссыльных, Положение о полицейском надзоре.

Savilov A. A., Irkutsk

The system of supply of political exiles of the Irkutsk province with a state benefit in 1860–1900»s: Legal and developmental framework

Annotation. This article is devoted to the supply of political exiles, who were in the 1860–1900-ies on the territory of the Irkutsk province, benefits from the state. On the basis of the analysis of the normative-legal acts operating in the studied period, the author defines the grounds for receiving monetary assistance from the Treasury, as well as the range of subjects having a legal right to it. Also, on the basis of available archival data, the author identifies the features of the system of supply of state aid to political exiles in the Irkutsk province, its main shortcomings.

Keywords: political exile, Irkutsk province, benefits, Statute on exiles, Regulations on police supervision.

Политическая ссылка второй половины XIX – начала XX вв. как важнейшая составляющая внутренней политики самодержавия долгое время вызывает стойкий интерес исследователей. Еще в дореволюционный период историками, правоведами и публицистами изучались различные аспекты данной темы. В советский период интерес к теме не угасал. Авторами, в том числе сибиряками, был внесен значительный вклад в изучение широкого круга вопросов, связанных с пребыванием опальных революционеров в Сибири; немало работ было посвящено и материальному положению ссыльных. Однако и на сегодняшний день в этой теме далеко не все стороны исследованы полно и обстоятельно.

На наш взгляд, малоизученным является вопрос снабжения политических ссыльных казенным пособием. Как правило, советскими историками этот вопрос рассматривался только в качестве одной из составляющих режима содержания революционера в местах ссылки. Кроме того, оценки исследователей

советского периода не могли не содержать соответствующей поправки на идеологию. Между тем, обеспечение политических ссыльных денежными средствами от государства оказывало значимое влияние на условия пребывания противников самодержавия в местах причисления, а также в определенной степени являлось показателем отношения государства к своим политическим противникам. Поэтому данный вопрос заслуживает того, чтобы стать предметом специального исследования.

Цель настоящей статьи: на основе анализа нормативно-правовых актов определить основания получения политическими ссыльными пособий от государства, а также на основе имеющихся архивных данных выявить особенности развития системы снабжения политических ссыльных казенным пособием в Иркутской губернии в 1860–1900-е годы.

Материальное положение политического ссыльного в Сибири напрямую зависело от основания, по которому он был выслан. Во второй половине XIX – начале XX вв. такими основаниями являлись: 1) судебные приговоры и 2) распоряжения исполнительной власти. Сообразно с этим все политические ссыльные делились на сосланных по суду и административно-ссыльных. Правовой статус ссыльного определялся в соответствии с принадлежностью к той или иной группе и подлежал регламентации целым рядом нормативно-правовых актов и административных распоряжений. Центральное место в системе правовой регламентации ссылки в Сибирь по судебным приговорам занимал Устав о ссыльных (далее – Устав). Первая редакция этого закона была принята в 1822 г. и являлась составной частью Сибирской реформы М. М. Сперанского и, в то же время, стала первым опытом кодификации правовых норм, регламентирующих механизм отбывания наказания в виде ссылки. В дальнейшем происходящие изменения в жизни общества требовали внесения в него соответствующих изменений. Внимание законодателя этому вопросу уделялось систематически: отдельные нормы отменялись, другие подлежали корректировке и дополнениям, вносились в закон также и новые статьи. Как следствие, появлялись новые редакции Устава. К началу 1860-х гг. действовала редакция 1857 г. издания [7].

Согласно ст. 1 Устава, ссылка на основании судебного приговора назначалась трех родов: в каторжную работу, на поселение

и на житье. В исследуемый период основным регионом отбывания политической каторги был Нерчинский горный округ. В Иркутскую губернию каторжане, высланные за государственные преступления, за редким исключением, не поступали. Сюда следовали в основном выходящие на поселение по отбытии срока каторжных работ, а также те, кому ссылка на поселение была назначена приговором суда. Тем самым для темы нашего исследования представляют интерес нормы Устава, регламентирующие вопросы получения ссыльнопоселенцами пособий в местах отбывания наказания.

Уставом предусматривался только один случай, когда ссыльные могли получить денежную помощь от казны. Это правило было закреплено в ст. 766 Устава, согласно которой «поселенцу, вступившему в Сибири в первый же брак со ссыльною, выдается из казны, в пособие к домообзаводству, пятнадцать рублей серебром безвозвратно, и такая же сумма заимообразно в десятилетнюю ссуду» [7, с. 111.].

Во всех остальных случаях, предусматривающих возможность получения ссыльными денежной помощи, средства следовали не от государства. В этой связи обращает на себя внимание ст. 752, в соответствии с которой ссыльнопоселенцам, «потерпевшим разорение от особенных несчастных случаев» (пожар, наводнение и проч.), «а равно и в случае хлебных неурожаев», полагалось пособие, которое выдавалось как в ссуду, «так и без возврата» [7, с. 109.]. Однако во всех этих случаях средства поступали из так называемой «экономической суммы ссыльных», источниками пополнения которой были деньги, заработанные ссыльными в разряде слуг и ремесленников, ежегодные выплаты поселенцев, отчисления золотопромышленников за явившихся к ним рабочих, а также доходы от продажи имущества ссыльных (См.: ст.ст. 630, 660, 680, 738, 744, 793 Устава).

Вообще в части источников получения ссыльнопоселенцами средств к жизни руководством была ст. 675 Устава, которая прямо указывала, что по прибытии в волость поселенцы «обязаны ... водвориться собственными трудами» [7, с. 98]. Среди разрешенных источников заработка были сельское хозяйство, мастерство, ремесла и промыслы, на которые могли быть увольняемы все состоящие на поселении в Сибири ссыльные, за исключением осужденных Верховным уголовным судом.

Можно заключить, что, согласно Своду законов Российской империи, права на получение помощи от государства политические ссыльные, высланные в Сибирь по судебным приговорам, не имели. Источниками существования для них были только собственные труды, а также денежная помощь от родных. Никаких запретов и ограничений на получение последней в Уставе не содержалось.

Принимая во внимание то обстоятельство, что в 1860–1880-е гг. среди высланных революционеров было немало представителей дворянства, студенчества, интеллигенции, совершенно незнакомых с сельским трудом, ссылка для них была суровым наказанием. Даже для тех, кто овладевал мастерством и ремеслами, эти занятия, в условиях неразвитости сибирских селений не всегда давали необходимый заработок. Но нельзя не отметить и того факта, что к «политикам» Иркутской губернии неоднократно применялись во второй половине XIX в. разного рода указы и манифесты, так или иначе облегчавшие отбывание наказания. С получением монарших милостей некоторые получали разрешение досрочного перевода в разряд, отбывание наказания в котором было менее тяжелым (например, каторжане переводились на поселение, поселенцы – на жительство), некоторым возвращались права состояния или давалось право приписки к крестьянским обществам.

Как следствие, сокращался и круг запретов и ограничений в выборе занятий и свободе передвижения, что расширяло возможности к улучшению материального положения опальных революционеров в местах ссылки. Так, некоторым «политикам», на которых были распространены названные послабления, местные органы надзора могли разрешить поступление на канцелярские должности в различные властные структуры, кому-то разрешалось переехать с семьей в населенный пункт, где «политик» находил себе работу. Некоторым выдавались особые «виды» на разъезды по губернии для приискания средств к заработку.

Но даже с получением разного рода льгот по указам и манифестам, «политик» далеко не сразу выходил из-под гласного надзора полиции. Поэтому для многих даже с восстановлением в правах материальное положение не улучшалось. Имели место и такие случаи, когда ссыльный, получивший разрешение вер-

нуться на родину в Европейской России, не имел средств для того, чтобы покинуть пределы Сибири.

Совершенно иным было материальное положение высылаемых в Сибирь административным порядком. Этот вид ссылки в конце 1870-х - начале 1880-х гг. получает все более широкое применение в охранительной и карательной политике России. Количество же судебных процессов, напротив, с начала 1880-х гг. постепенно идет на убыль. Тем самым удельный вес административно-ссылных в Сибири постепенно начинает увеличиваться. Не исключением была и Иркутская губерния, в которой доля высланных административным порядком среди общего количества политических ссылных уже с конца 1870-х гг. начинает превалировать [2].

В местах водворения высланные административным порядком за «политику» подчинялись правилам гласного надзора полиции. Последние получили юридическое оформление с принятием Положения о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей от 12 марта 1882 г. [4] (далее – Положение 1882 г.). Особое место в Положении 1882 г. занимали нормы, регламентирующие трудоустройство поднадзорных в местах ссылки. Так, административно-ссылным запрещалась практически любая публичная деятельность, вплоть до принятия к себе учеников для обучения ремеслам. Некоторые сферы деятельности были ограничены правительством лишь частично и могли быть дозволены решением министра внутренних дел. К ним относились письменные занятия по найму, врачебная, акушерская и фармацевтическая практика [6, с. 114–115]. Однако в условиях социально-экономической неразвитости сибирских селений и деревень, обеспечить работой всех административно-ссылных не представлялось возможным. Ввиду сказанного, а также принимая во внимание и то обстоятельство, что вина высылаемых в Сибирь за «политику» административным порядком не была доказана судом, правительством были приняты меры, направленные на улучшение материального положения таких ссылных. Они заключались в выдаче «неимущим» денежного пособия от казны.

Правила, регламентирующие выплаты административно-ссылным денежных средств, содержались в ст.ст. 34–40 Положения 1882 г. Необходимо отметить, что названные нормы

законодательства являлись итогом обобщения уже существовавшей ранее практики выплаты пособий административно-ссылным. Это следует из ст. 34 Положения 1882 г., которая гласит: «Лица, высланные под надзор полиции и не имеющие собственных средств существования, получают от казны пособие на основании *существующих узаконений*» (курсив мой. – А. С.) [4, с. 87]. На тех же основаниях данная категория «политиков» получала пособие на одежду, белье и обувь (ст. 35 Положения 1882 г.).

Как видим, в качестве основания для назначения административно-ссылному пособия, законодатель называет «неимение собственных средств существования». В это понятие включалось несколько элементов: а) отсутствие определенных занятий в месте приписки; б) неполучение денежной помощи от родственников; в) отсутствие в прежнем месте жительства (до высылки) имущества, доходы от которого могли стать средством к жизни на месте водворения. Данные элементы являлись определяющими при рассмотрении вопроса о назначении пособия.

Порядок назначения пособий административно-ссылным Иркутской губернии был следующим. О необходимости получения денежных средств от казны «политик» подавал прошение в Иркутскую экспедицию о ссыльных при губернском правлении. Экспедиция, в свою очередь, обращалась за сведениями об имуществе ссыльного в губернское правление по месту жительства ходатая до ссылки. Если с получением необходимых сведений устанавливалось, что поднадзорный не имеет собственных средств к существованию и занятий в месте причисления (сведения об этом давало окружное полицейское управление, в ведении которого находился политический ссыльный), Иркутская экспедиция входила с представлением о необходимости назначения пособия к губернатору. Затем губернатор доводил об изложенном до сведения генерал-губернатора, и, если со стороны последнего не встречалось препятствий, «политику» назначалось пособие, которое исчислялось с момента обращения экспедиции к губернатору.

Надо сказать, что межведомственная переписка была делом довольно длительным, иногда затягивалась на несколько месяцев. Так, например, на запрос Иркутской экспедиции о ссыльных от 30 января 1885 г. о наличии имущества у «политика» с.

Тунки Иркутского округа Михаила Колосова в прежнем месте жительства, Пермское губернское правление ответило только 31 мая 1885 г. Причем затем следовали еще запросы губернскому и краевому начальству, и лишь после этого начислялись денежные средства¹.

Другим подобным примером является межведомственная переписка по вопросу о назначении денежного пособия административно-ссылному народнику М. А. Натансону. Он был водворен в г. Верхоленске в декабре 1879 г. и вскоре обратился с ходатайством о назначении ему и его жене Ольге Александровне пособия от казны. Местный исправник распорядился пригласить Натансона для освидетельствования в полицейское управление, на что «политик» отозвался, что просит пособие не по неспособности к труду, а «на основании своего положения по образованию»². Впоследствии в своем письменном обращении к окружной полицейской власти от 14 апреля 1880 г. М. А. Натансон указал, что просил назначить пособие «на основании общего положения о государственных ссыльных, окончивших курс в средних или высших учебных заведениях», поскольку, утверждал он, «такое пособие выдается в России всем ссыльным в северные губернии»³.

Верхоленский исправник довел об этом до сведения Иркутской экспедиции о ссыльных, откуда 12 июня того же года был подан запрос Иркутскому губернатору с просьбой указать, «следует ли государственному преступнику производить денежное от казны пособие» или все же отказать в его получении⁴. Окончательное решение оставалось за генерал-губернатором Восточной Сибири и последовало 2 сентября 1880 г. В своем обращении к Иркутскому губернатору, главный начальник края указывал: «... с моей стороны не встречается препятствий к производству находящемуся на жительстве под надзором полиции в городе Верхоленске административно высланному Марку Натансону, по неимению им собственных средств к существованию, денежного от казны пособия в испрашиваемом размере»⁵. Таким образом, переписка тянулась более восьми месяцев.

¹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 137. Л. 79, 89.

² Там же. Оп. ОЦ. Д. 60. Л. 1–2 об.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 1–2 об.

⁵ Там же. Л. 16.

Как видим, добиться назначения пособия было делом непростым, сопровождалось длительным ожиданием. Однако и с получением необходимых документов, а также исчислением от казны денежных средств в регионы отбывания наказания, местными властями на протяжении исследуемого периода не всегда выдача пособий производилась своевременно. Последнее не могло не вызывать недовольства политических ссыльных, которое выражалось в подаче многочисленных прошений и жалоб на действия властей, требований о своевременном удовлетворении их пособиями от казны. Вот конкретный пример. 29 января 1888 г. к губернской администрации обратился административно-ссыльный Владимир Бурцев, видный революционер-народник, будущий разоблачитель Е. Азефа. В тексте прошения поднадзорный указал на неоднократные попытки балаганских ссыльных ускорить высылку «ассигнованного правительством пособия»¹. Бурцев также сообщил, что местным полицейским управлением «политикам» были предоставлены справки, из которых «видно, что ассигновка денег состоялась (курсив мой. – А. С.) и все нужные документы препровождены в Иркутское губернское правление»². Однако денег ссыльные не получали в течение нескольких месяцев, причем одному из них – по фамилии Радченко – пособие было назначено еще «в августе того [1887] года»³. Следствием такого положения вещей Бурцев называл «крайне тяжелое положение» его и других «политиков»⁴.

Имели место подобные примеры и в других местностях Иркутской губернии. Так, например, 26 апреля 1888 г. Иркутскому генерал-губернатору было направлено коллективное прошение политических ссыльных с. Тунки Иркутского округа: И. Орлова, М. Войнича, М. Колосова и др. В своем обращении «политики» указывали, что на протяжении длительного периода времени «не раз обращались во всевозможные инстанции с просьбой о правильной и аккуратной выдаче нам ежемесячного пособия и всякий раз получали в ответ уверения, что впредь пособие будет высылаться аккуратно»⁵. После одного из таких запросов пришел ответ из Главного управления Восточной Си-

¹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 405. Л. 10.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 127.

бири об издании распоряжения, «чтобы впредь пособие выдавалось аккуратно в конце того месяца, за который следует пособие», о чем и было объявлено колонии тункинских ссыльных¹. Однако все эти меры не имели должного эффекта, и в течение нескольких месяцев «политики» получали пособие с задержкой в несколько недель.

Можно заключить, что в 1880-е гг. система обеспечения политических ссыльных Прибайкалья казенным пособием имела существенные недостатки. Среди них стоит выделить сложность и длительность процедуры принятия решения о назначении пособия, а также постоянные задержки фактической выдачи денежных средств адресату (политическому ссыльному). Тем не менее, несмотря на ряд издержек, система выдачи пособий политическим ссыльным в Иркутской губернии все же работала, снабжая денежными средствами немало поднадзорных. Так, согласно подсчетам В. М. Андреева, в Иркутской губернии в 1883 г. пособие получали 45 человек из 87, то есть более половины иркутских ссыльных [1, с. 75]. При этом надо учитывать, что не все из этого числа были отправлены в ссылку в административном порядке, а также и тот факт, что были среди них и те, кто зарабатывал средства к жизни самостоятельно.

Немаловажным является вопрос и о том, насколько соответствовал размер получаемого политическими ссыльными пособия условиям жизни в местах причисления? Для ответа на этот вопрос сопоставим количество получаемых «политиком» денег с ценами на продукты и некоторые необходимые в быту предметы в Иркутской губернии. В 1883 г. размер пособия политическим ссыльным, состоящим на причислении в Иркутском округе, составлял 72 рубля в год или 6 рублей в месяц. В ноябре того же года, по данным Н. С. Романова, на иркутском рынке пуд ржаной муки стоил 85 коп., мясо скотское первого сорта – 3 руб. 60 коп. за пуд, за 1 руб. 25 коп. можно было приобрести пуд ячной муки, а сажень сосновых дров стоила 4 руб. 20 коп. [5, с. 37]. В декабре 1883 г. за 60 коп. можно было приобрести десяток омулей; за пуд сальных свечей необходимо было заплатить 9 рублей [5, с. 37]. В марте 1884 г. цена за мешок картофеля составляла 1 рубль, а пуд махорки стоил 3 рубля [5, с. 45].

¹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 405. Л. 127.

Можно заключить, что размер пособия административно-ссыльным, водворенным на юге Иркутской губернии в первой половине 1880-х гг. был довольно скудным, обуславливал серьезную ограниченность в рационе и в быту (особенно в зимнее время). Однако уже в ближайшие годы распоряжениями властных структур размер пособия был увеличен. Количество денег, получаемых политическим ссыльным, напрямую зависело от места (в данном случае – округ губернии) водворения. Так, например, по данным на 1883 г., политические ссыльным с. Тунки Иркутского округа И. Майнову, В. Серпинскому и Н. Богородскому было назначено пособие в размере 72 рубля в год¹, а уже в марте 1884 г. «политикам» Иркутского округа Л. Буланову (с. Тунка) и А. П. Нестерову (с. Новоямское Смоленской волости) было разрешено получать пособие, сумма которого составила 100 рублей в год². Для политических ссыльных Балаганского округа во второй половине 1880-х гг. размер пособия составлял 114 рублей в год. Например, в 1887 г. пособие в таком размере получали состоящие на причислении в названном округе административно-ссыльные П. Мавроган, В. Кранихфельд, А. Радченко³. Наибольший размер был в Киренском округе – в 1880–1900-е гг. это огромная территория на севере Иркутской губернии с очень низкой плотностью населения, слабо развитыми путями сообщения и социальной сферой. Сообразно с этим условия жизни там были тяжелее, и, соответственно, выше был размер пособия. Так, состоящему на причислении в Киренском округе будущему главе Польского государства, а на тот момент политическому ссыльному, Ю. Пилсудскому в 1888 г. было назначено пособие в размере, «определенном для государственных ссыльных в Киренском округе, т. е. по 180 руб. в год»⁴.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что закон предусматривал выплату пособий не только самим ссыльным, но и членам их семейств. Это правило было закреплено в ст. 36 Положения 1882 г. При этом строго оговаривалось, что пособие «семействам высланных под надзор полиции» полагалось лишь в тех случаях, «когда сии семейства последовали за высланными лицами в

¹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 137. Л. 17.

² Там же. Л. 31.

³ Там же. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 8. Л. 1–3.

⁴ Там же. Л. 65.

места их водворения» [4, с. 87]. Порядок назначения выплаты денежных средств супругам был тот же и непосредственно зависел от решения генерал-губернатора Восточной Сибири. Пособие начислялось также на имя «политика», но размер его не удваивался, а лишь увеличивался на определенную сумму. Так, например, в 1888 году размер выплаты административно-ссылному Киренского округа составлял 180 рублей в год, а «для семейных государственных ссыльных, в Киренском округе находящихся», полагалось пособие в размере 230 рублей год¹, то есть на 27,7 % больше. Как видим, надбавка довольно незначительная, но здесь, по всей видимости, во внимание принимался расчет, что жены административно-ссыльных, последовавшие за мужьями в места водворения, никаким стеснениям в части выбора занятий не подлежали; не распространялись на них также запреты и ограничения в части свободы передвижения и получения корреспонденции (то есть в том числе денежных средств и посылок).

В случае же, если поднадзорный вступал в брак уже после прибытия к месту причисления, он не имел права на увеличение размера ежемесячных выплат. Однако «политики» и в этих случаях подавали прошения о назначении пособия по семейному положению. Причем известны примеры, когда эти прошения принимались не только окружной полицейской властью, но и губернским начальством, и в дальнейшем от последнего шли на утверждение генерал-губернатору. Так было, например, в случае с административно-ссылным Киренского округа Ефремом Пылаевым, вступившим в брак «с крестьянскою девицею» А. Вшивцевой и просившим об увеличении пособия. О таком заявлении «политика» Иркутский губернатор 7 января 1888 года доводил до сведения генерал-губернатора, указывая притом, что с его стороны препятствий для удовлетворения прошения «не встречается». Только с поступлением прошения в канцелярию генерал-губернатора было постановлено в увеличении пособия отказать (при этом в тексте имелась отсылка на ст. 36 Положения 1882 г.), о чем и было уведомлено губернское начальство².

Необходимо отметить, что законодателем были предусмотрены основания для прекращения ежемесячных выплат полити-

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 8. Л. 29.

² Там же. К. 20. Л. 30–31.

ческим ссыльным. Среди них назывались уклонение от занятий по «лености, дурному поведению и привычке к праздности» [4, с. 87]. Примеры прекращения выплат «политику» имели место в Иркутской губернии, однако запрет на получение средств от казны не распространялся на весь срок пребывания поднадзорного в Сибири. Так, например, Ю. Пилсудскому, получавшему пособие в Киренском округе, вскоре отказали в «субсидии» как сыну богатых родителей. «Политик» с таким решением не смирился и подал прошение о пересмотре, причем одновременно устроившись писарем к местному акцизному чиновнику. В конце 1890 г., когда ссыльного уже перевели в с. Тунку, выдача ему пособия возобновилась, причем с выплатой компенсации за предыдущие 5 месяцев. Примечательно, что до этого времени основным источником дохода административно высланного революционера были уроки, которые он давал детям работавшего в Тунке фельдшером А. И. Михалевича, также политического ссыльного[3].

Поскольку политический ссыльный с течением времени мог обзаводиться занятиями в месте водворения, что послужило бы к изменению его материального положения, необходимо было периодически наблюдать, чтобы средства из казны следовали действительно нуждающимся, как того требовал закон. Контроль и надзор за соблюдением законности в части получения «политиками» Прибайкалья казенных пособий осуществлялся в исследуемый период систематически. В пределах губернии управление надзором в этой сфере принадлежало губернатору. 18 декабря 1890 г. им было направлено предписание управляющему Иркутским полицейским округом, в котором значилось: «Водворенным в округах Иркутской губернии, состоящим под надзором полиции государственным преступникам, по неимению ими собственных средств, назначается денежное от казны пособие, между тем из имеющихся сведений усматривается, что некоторые государственные преступники на местах их водворения занимаются ремеслами и земледелием, ... следовательно приобретают средства для существования и поэтому могут обойтись и без пособия от казны»¹. Губернатор счел необходимым рассмотреть вопрос о том, «не следует ли некоторым государственным преступникам прекратить выдачу пособия» и с

¹ ГАИО. Ф. 90. Оп. 4. Д. 501. Л. 72–72 об.

этой целью просил исправника «не позднее 15 января будущего [1891] года» доставить ему «списки государственных преступников с указанием имущественного положения и занятия поднадзорного», а также выгод, которые ссыльный «получает от них и насколько они обеспечивают его материальное положение»¹. В заключении на исправника было возложено обязательство представить его соображения о том, «кому именно из поднадзорных может быть прекращено пособие»².

Как и было указано в предписании, 15 января Иркутский окружной исправник представил список государственных преступников, находящихся в третьем участке Иркутского округа. Этот участок включал с. Тункинское, которое в исследуемый период являлось одним из главных центров поселения политических ссыльных в Прибайкалье. Представленные полицейским чиновником сведения в основном сводились к тому, что большинство ссыльных в названном участке не имели «определенных занятий» в месте жительства, либо в «незначительном количестве» занимались хлебопашеством. Из представленных в списке 14 лиц, не получали пособие только двое (или примерно 14,3 %): уже упоминавшийся нами выше А. И. Михалевич, поскольку на месте водворения служил по вольному найму фельдшером, и М. К. Крылова, которая получала «вспомоществование с родины»³. То есть остальные 85,7 % поднадзорных Тунки снабжались средствами от казны.

Можно заключить, что к началу 1890-х гг., по крайней мере, в отдельных местностях Иркутской губернии, получали пособие в основном те «политики», которые, согласно данным полицейского надзора, имели на это законное право. Однако практическая реализация положений, регулирующих обеспечение поднадзорных средствами от казны, к этому времени не была организована должным образом: фактическая выдача пособий адресатам постоянно задерживалась, на что политические ссыльные реагировали уже не только подачей прошений властям, но и прибегали к другим формам протеста. Хорошо иллюстрирует данную ситуацию, например, обращение Иркутского губернатора к окружным исправникам от 30 июня 1890 г., в котором

¹ ГАИО. Ф. 90. Оп. 4. Д. 501. Л. 72 об. – 73.

² Там же. Л. 73.

³ Там же. Л. 78–79.

указывалось: «Из имеющихся в делах общего губернского правления сведений усматривается, что находящиеся в округах губернии государственные преступники не своевременно удовлетворяются назначаемым им денежным от казны пособием, что порождает с их стороны только справедливые жалобы и служит им поводом к самовольным отлучкам из мест причисления»¹. «Обращая внимание на такое ненормальное положение вопроса», губернатор поручал взять за правило, чтобы все подлежащие к выдаче ссыльным деньги «заблаговременно высылались в места водворения», а также чтобы «о недостатках состоящего в распоряжении исправников на этот предмет кредита» они своевременно уведомляли губернскую администрацию². В заключении глава губернии сообщал, что «на неточное исполнение циркуляра будет обращено особо строгое внимание и за сим всякая со стороны государственных преступников жалоба на получение несвоевременно пособия останется на личной исправника ответственности»³.

Как видим, губернские власти, осознавая негативные последствия несвоевременной выдачи пособий находящимся в регионе опальным революционерам, принимали меры к разрешению этого вопроса. Одним из средств повышения эффективности работы системы снабжения «политиков» казенными деньгами губернское начальство пыталось использовать усиление ответственности окружной полицейской власти. Однако эти попытки не принесли желаемого результата, и к 1900-м годам порядка в этом деле по-прежнему не было. Так, например, в Киренском и Верхотенском уездах, согласно данным жандармского наблюдения, доставленным в Иркутск в 1904 г., «казенное пособие, выдаваемое административно ссыльным помесечно, сильно запаздывало из губернии в виду задержки в ассигновании; это давало повод к проявлению постоянных жалоб и заявлений к уездной администрации»⁴.

Подводя итоги, можно обозначить следующие выводы. Согласно нормам законодательства, осужденные в ссылку приговором суда не имели права на получение денежных средств

¹ ГАИО. Ф. 90. оп. 4. Д. 501. Л. 26.

² Там же.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Ф. 600. Оп. ОЦ. Д. 24. Л. 33 об.

от казны. Источниками их существования в местах отбывания наказания были разрешенные законом занятия и денежная помощь от родных. Наказание для этой категории ссыльных, как для осужденных по уголовному законодательству за государственные преступления, было суровым, предусматривало известные материальные тяготы.

Иным было отношение государства к административно-ссылным. Для этой категории «политиков» круг источников средств к жизни был более широким, предусматривалась законом и ежемесячная выдача пособий для «неимущих», а также и членам их семей. Моменту выдачи денежных средств адресатам на руки предшествовала процедура межведомственной переписки, направленная на удостоверение в законности оснований к получению пособия. В ней было задействовано сразу несколько властных структур разных уровней: окружное, губернское и краевое начальство, в том числе губернское правление по месту жительства поднадзорного до ссылки. Лишь с получением всех необходимых сведений, которому нередко предшествовало ожидание в несколько месяцев, начислялись денежные средства, подлежащие выдаче «политику».

Системе снабжения политических ссыльных казенным пособием в Иркутской губернии внимание властей уделялось довольно стабильно: принимались меры по увеличению размеров выплат, контролировалась законность получения средств от казны. Однако имелись в этой системе и существенные недостатки. Основным среди них были постоянные задержки фактической выдачи денежных средств адресатам, что порождало недовольство политических ссыльных, выражавшееся как подачи многочисленных жалоб на действия местных властей, так и другими формами протеста. Эту проблему сибирские власти, несмотря на неоднократные попытки, на протяжении 1880–1900-х гг. решить так и не смогли.

Список использованной литературы и источников

1. Андреев В. М. Революционеры-народники в сибирской ссылке / В. М. Андреев // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г. Выпуск II. Иркутск, 1974.
2. Иванов А. А. Структура и численность политической ссылки Иркутской губернии 1870-х годов / А. А. Иванов, Д. А. Мясников // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 4. – DOI : 10.17150/2411-6262.2016. 7(4).19. (дата обращения: 05.09.2019 г.)

3. Матвеев Г. Ф. Пилсудский / Г. Ф. Матвеев. ЛитМир: Электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=108177&p=7> (дата обращения: 28.09.2019 г.)
4. Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. II. № 730.
5. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 г. Иркутск, 1993.
6. Савилов А. А. Законодательство о гласном полицейском надзоре 1880-х годов и проблемы его применения к политическим ссыльным Иркутской губернии в начале XX века / А. А. Савилов // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск: Оттиск, 2017. Вып. 8 (20).
7. Устав о ссыльных 1857 г. изд. // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Тетр. 5.

Правоохранительные и пенитенциарные структуры досоветской Сибири

УДК 351.812.5(571.55)

Иванов А.А., Иркутск

Жандармская полицейская служба Забайкальской железной дороги в начале XX в.: организация и формы работы

Аннотация. Исследуется деятельность жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги начала XX века. На основе значительного архивного материала, автор определяет особенности структуры, формы и методы работы железнодорожных жандармов по охране порядка на станциях и в поездах, пресечению революционных выступлений, предотвращению террористических актов и забастовок. Показана организация секретной агентуры в среде рабочих и служащих. Делается вывод о высокой эффективности работы данной службы.

Ключевые слова: политическая полиция, жандармы, структура, штатное расписание, Забайкальская железная дорога, Иркутская губерния, революционные выступления.

Ivanov A. A., Irkutsk

Gendarmerie Police Service of Transbaikal Railway In the early 20th century: organization and forms of work

Summary. The activities of the Gendarmerie Police Department of the Transbaikal Railway of the early 20th century are investigated. On the basis of considerable archival material, the author determines the peculiarities of the structure, forms and

methods of work of railway gendarmes to protect order at stations and on trains, to suppress revolutionary performances, to prevent terrorist acts and strikes. The organization of the secret agency in the environment of workers and employees is shown. It is concluded that this service is highly efficient.

Key words: political police, gendarmes, structure, staffing, Transbaikal railway, Irkutsk province, revolutionary performances.

История политической полиции Российской империи конца XIX – начала XX века, несмотря на постоянный интерес специалистов различного научного профиля, все еще изучена недостаточно глубоко. Это связано прежде всего с тем, что исследование данной обширной темы до сих пор слабо «подкреплено» на региональном уровне: если по истории политической полиции в целом издан уже значительный пласт научной литературы¹, то работа жандармских управлений губерний и области империи раскрыта пока что фрагментарно. Научное исследование истории региональных жандармов, в том числе и иркутских, ведется лишь с 2000-х годов и пока рано говорить о какой-либо цельной картине, отчасти проработаны лишь отдельные сюжеты².

На этом фоне история жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги остается практически

¹ Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., Молодая Гвардия, 2007. 852 с.; Жандармы России. Политический розыск в России XV–XX век / Сост. В. С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. 640 с.; Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. 432 с.; Романов В. В. Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2007. 559 с.; Чудакова М. С. Противостояние. Политический сыск дореволюционной России. Ярославль: ЯрГУ, 2003. 330 с.; и др. работы.

² Баринев А. О. Стража: Очерки истории деятельности спецслужб России в Забайкалье в начале XX века (1901–1917). Чита: Экспресс-изд-во, 2008. 247 с.; Иванов А. А. Иркутские жандармы // Клио. 2012. № 6. С. 69–77; Кравцов С. Е. О некоторых направлениях деятельности губернских жандармских управлений в начале XX в. (по материалам Иркутской губернии) // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2011. Вып. 6 (18). С. 144–153; Мошкина З. В. Учреждение жандармского надзора на Нерчинской политической каторге // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2011. Вып. 6 (18). С. 282–294; Савилов А. А. Участие иркутских жандармов в надзоре за политическими ссыльными (1860–1900 годы) / А. А. Иванов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. Май. С. 114–121.

неисследованным объектом. Сегодня по данной теме имеются лишь две небольшие статьи, опубликованные в 2015–2017 годах, и носящие, в большей мере, характер обзоров источников из центральных и местных архивов страны¹. К этому же жанру можно отнести и статью Г. М. Стафеева, состоящую из подборки документальных материалов по истории полицейской службы периода строительства Забайкальской железной дороги в 1895–1899 гг.² Именно в не изученности данной темы заключается ее актуальность. Задача статьи – восполнить имеющийся в историографии пробел, начать всестороннее изучение этого оригинального исторического сюжета.

Основным источником для написания настоящей статьи стали материалы двух региональных архивов – Государственного архива Республики Бурятия и Государственного архива Иркутской области. Закрытый характер работы жандармов наложил отпечаток и на документальную основу исторического исследования: архивные материалы позволяют составить представление лишь о некоторых принципах и механизмах функционирования политической полиции: работа с агентурой, содержание осведомителей, провокация среди рабочих и интеллигенции, финансирование масштабных операций – документы об этих и многих других сторонах деятельности жандармов, в архивах не отложились.

Политическая полиция Российской империи выступала одним из основных и наиболее эффективным инструментом борьбы государства с радикальным оппозиционным движением, важнейшей частью правоохранительной системы. Решая непростые задачи политического сыска, производства дознаний по политическим преступлениям, наблюдения за деятельностью революционных партий, жандармы имели и весьма сложную

¹ Вейт А. В. Жандармерия Забайкальской железной дороги: историко-правовые аспекты // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск: Изд-во БрГУ, 2017. Вып. 1 (27). С. 39–46; Муратова А. В. История становления Читинского отделения Забайкальского жандармско-полицейского управления Забайкальской железной дороги (1899–1917) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2015. Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 153–160.

² Стафеев Г. М. Полицейские органы на строительстве Забайкальской железной дороги (1895–1999) // 90 лет Забайкальской архивной службе: Материалы научно-практической конференции. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. С. 228–239.

организационную структуру, особое место в которой принадлежало жандармским полицейским управлениям железных дорог (ЖПУ).

Железнодорожная жандармская служба имеет свою отдельную историю. Еще в 1846 г. для полицейского надзора на Санкт-Петербурго-Московской железной дороге из состава Корпуса жандармов был выделен временный жандармский эскадрон, на основе которого уже в следующем году было создано первое в стране жандармское региональное железнодорожное управление. Дальнейшее развитие сети железных дорог в Европейской части России привело к повсеместной организации соответствующей полиции, на которую, прежде всего, возлагались функции наблюдения за общим порядком и «благочинием», а также обеспечение сохранности железнодорожного имущества, предотвращение уголовных преступлений в поездах, на станциях и в полосе отчуждения дороги. Важно подчеркнуть, что жандармы выполняли и определенные социальные задачи: контролировали исполнение строительными подрядчиками своих обязательств перед рабочими, стремились предотвратить вспышки стихийного недовольства и забастовочные выступления железнодорожников.

С 1866 г. данные полицейские управления стали называться Жандармскими полицейскими управлениями железных дорог – ЖПУ ЖД. Первоначально управления подчинялись министру путей сообщения, а с 1867 г. были переподчинены корпусу жандармов. Права и обязанности управлений постоянно расширялись, к 1895 г. их число возросло до 21, причем, каждое обслуживало участок дороги протяжённостью около 2000 вёрст¹.

В Сибири ЖПУ ЖД появились накануне XX в. Как известно, масштабное железнодорожное освоение территорий за Уралом развернулось лишь со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали, в 1891 году. Строительные работы при этом велись участками: Уссурийская железная дорога (1891–1897 гг.), Западно-Сибирская (1892–1896 гг.), Забайкальская (1895–1900 гг.), Китайско-Восточная (1897–1907 гг.), Кругобайкальская (1899–1904 гг.), Амурская (1908–1916 гг.). Темпы строительства поражали – ежегодно прокладывалось по 500–

¹ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М.: РОСПЭН, 2003. С. 109.

600 км пути¹. По мере сдачи в эксплуатацию участков магистрали, на них открывались жандармские полицейские управления. К началу XX в. в Сибири и Маньчжурии действовало уже пять, а к 1916 г. – шесть ЖПУ, в которых несло службу (без учета Забайкальского) более 50 офицеров и 1712 унтер-офицеров².

Первые жандармы в Иркутске появились еще в 1833 г. Это была губернская жандармская команда в 31 человек при штаб-офицерах, входящих в VIII Сибирский жандармский округ. На Забайкальской железной дороге полицейские структуры были образованы уже в ходе строительных работ. Большое количество привлекаемых уголовных ссыльных, каторжан Александровского централа, арестантов Иркутского тюремного замка, а также сезонных рабочих из различных регионов Сибири, потребовало учреждения здесь уже с 1 сентября 1895 г. двух должностей земских заседателей и восьми должностей урядников – осуществляли полицейские функции. Однако этих сил правопорядка катастрофически не хватало, поэтому все полицейские органы, располагавшиеся в районе постройки дороги, обязывались оказывать содействие землемерам, строителям и представителям железнодорожной администрации³.

В качестве отдельной службы на Забайкальской дороге жандармы оформились в конце января 1899 г. Ю. П. Колмаков называет и точную дату, и первоначальное наименование службы: «27 января. Организован жандармский полицейский надзор Омского жандармско-полицейского управления на строительстве Забайкальской железной дороги с резиденцией в Иркутске»⁴. В 1901–1904 гг. жандармское полицейское управление Забайкальской железной дороги именовалось по-разному: в некоторых источниках как Забайкальское жандармское полицей-

¹ Тимошенко А. И. Транссибирская магистраль // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С.-Я. Новосибирск: «Историческое наследие Сибири»; ИИ СО РАН, 2009. С. 293–294.

² Шиловский Д. М. Жандармерия // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А-И. С. 541.

³ Стафеев Г. М. Полицейские органы на строительстве Забайкальской железной дороги (1895–1999) // 90 лет Забайкальской архивной службе: Материалы научно-практической конференции. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. С. 228–239.

⁴ Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661–1940. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 124.

ское управление Сибирской железной дороги, в других – как железнодорожная полиция Забайкальской железной дороги.

Организационная структура ЖПУ ЗЖД дублировала основные территориальные подразделения самой дороги, что было вполне закономерным. Координирующую и руководящую роль играло Управление, возглавляемое начальником, неизменно располагавшееся в Иркутске. На всех крупных станциях располагались отделения, дробившиеся на более мелкие участки и посты. В 1905–1906 гг. жандармское полицейское управление имело шесть отделений: Иркутское, в зоне ответственности которого были станции: Михалево, Байкал, Хвойная, Маритуй, Шаражалгай; Байкальское – Култук, Утулик, Мурино, Выдрино, Танхой, Переменная, Мысовая, Посольская; Верхнеудинское – Селенга, Татаурово, Онохой, Заиграево, Илька; Петровско-Заводское – Горхон, Тарбагатай, Талбага, Хохотуй, Баба, Хилок, Хушинга, Тайдут; Читинское отделение – Мозгон, Сохондо, Яблоновая, Ингода, Чита-вокзал, Кручина, Макковеево; Маньчжурское – Андриановка, Бурятская, Ага, Оловянная, Бырка, Хадабулак, Борзя, Харанур, Шарасун; и Сретенское со станциями Карымская, Китайский разъезд, Урульга¹.

Какова была численность служащих, находившихся в подчинении жандармского полицейского Управления Забайкальской железной дороги? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Количество офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов можно установить только по косвенным данным. Так, например, «Ведомость мундирной одежды на 1 августа 1906 г.» дает следующие сведения: Иркутское отделение – вахмистр 1, унтер-офицеров 33; Байкальское отделение: идв 1 (исполняющий дела вахмистра. – А. И.), унтер-офицеров 24; Верхнеудинское: вахмистр 1, унтер-офицеров 19; Петровско-Забайкальское отделение: идв 1, унтер-офицеров 17; читинское: унтер-офицеров 30; Сретенское отделение: унтер-офицеров 21; Маньчжурское: вахмистр 1, унтер-офицеров 30, итого 179 человек².

Приведем здесь и данные другого источника – выписку из приказа начальника управления жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги от 4 июля 1906 г., в котором полученные из штаба Отдельного корпуса жандармов

¹ ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

² Там же. Д. 5. Л. 94 об. – 109.

некие «справочные книжки Высочайшего указа от 14 декабря 1905 г.» рассылались в отделения согласно следующего расчета: Иркутское – 34, Байкальское – 26, Верхнеудинское – 25, Петровское – 21, Читинское – 36, Сретенское – 24 и Маньчжурское – 34, а всего 200 штук. Вполне обоснованным будет допустить, таким образом, что общее количество жандармов на Забайкальской дороге составляло от 180 до двухсот человек¹. Это гораздо больше, чем в губернских жандармских управлениях (ГЖУ). Для примера приведем количество нижних чинов в Иркутском ГЖУ на 1903 год: вахмистров – 4, унтер-офицеров – 42, писарей – 2, а всего – 48 сотрудников. Как видим, разница существенная².

Каковы источники пополнения жандармских кадров на Забайкальской железнодорожной магистрали? Можно с уверенностью сказать, что в большинстве своем (как, впрочем, и в целом по стране) это уволенные в запас армейские нижние чины: при увольнении, желающий поступить на жандармскую службу, подавал своему начальству соответствующий рапорт, а после успешного прохождения необходимой проверки, принимался в штат жандармов и назначался на имеющееся вакантное место в конкретное отделение. При этом род войск, из которых поступали новобранцы, не имел для Управления существенного значения. Для доказательства этого утверждения, процитируем следующий приказ по ЖПУ ЗЖД от 1 июня 1906 г: «Состоящие в запасе армии сверхсрочнослужащий взводный фейерверкер 6 батареи 10 артиллерийской бригады Григорий Чудин, фельдфебель 20 Восточно-Сибирского стрелкового полка Андрей Лосев, старший унтер-офицер лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона Нефед Алябьев, младший фейерверкер 31 артиллерийской бригады Семен Блоха и старший унтер-офицер 123 пехотного Козловского полка Алексей Гордеенко, согласно их желаний, определяются на пятилетнюю сверхсрочную службу во вверенное мне управление на вакансии унтер-офицеров. Названных унтер-офицеров зачислить в списки Управления и положенное от казны довольствие начать производить от сего числа»³.

¹ ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 5. Л. 113 об.

² Там же. Д. 112. Л. 16.

³ Там же. Д. 5. Л. 90.

Среди железнодорожных жандармов были в почете и широко практиковались кавалерийские звания: корнет вместо поручика, штабс-ротмистр вместо капитана, вахмистр – вместо фельдфебеля. Это объяснялось тем, что относясь в своей оперативно-розыскной деятельности Департаменту полиции, ЖПУ в хозяйственной и строевой части подчинялись непосредственно Отдельному корпусу жандармов, который, в свою очередь, в строевом и хозяйственном отношении подчинялся министерству Военному. И вооружение жандармов ЖПУ ЗЖД было соответствующим: драгунская пашка с темляком, наган или револьвер «Смит и Вессон», а также, при необходимости, винтовка казачьего образца.

За «беспорочную» службу железнодорожный жандарм мог быть удостоен знака отличия в виде специальной нашивки на мундир – «золотого узкого шеврона». При этом пятилетний срок службы мог быть продлен и далее по его желанию при наличии ходатайства непосредственного начальника отделения. По окончании предусмотренного подпиской срока службы, а также по достижении соответствующего возраста, жандарм увольнялся в ратники государственного ополчения.

Превосходя своих коллег количественно, жандармы железных дорог имели и более высокое денежное содержание. Так, на 1 января 1907 г. довольствие нижним чинам губернских жандармских управлений, уездных жандармских управлений, жандармских полицейских управлений железных дорог и крепостных жандармских команд в целом по стране составляло следующие оклады: вахмистр – 540 руб. и унтер-офицер: высшего оклада – 420 р., среднего – 360 р. и низшего – 300 р. в год. При этом Штаб Отдельного корпуса жандармов разрешал «усилить» денежное содержание служащих на местах «за счет увеличения процента нижних чинов на высших окладах, упразднив вовсе низшие». Разрешение способствовало к тому, что в жандармском полицейском управлении Сибирской железной дороги унтер-офицеров низшего оклада в 1907 г. не было вообще, причем на среднем (по 360 р. в год) состояло 75% состава, а на высшем (420 р.) – 25%. В Забайкальском же управлении низшего и среднего окладов не имелось в принципе, а все унтер-офицеры состояли на окладе в 420 руб. в год¹.

¹ ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–13.

Деятельность жандармского корпуса носила закрытый характер. Даже архивные фонды сохранили до наших дней лишь малую часть секретной работы политической полиции. Однако имена многих офицеров ведомства современники, как это ни странно для нас, могли без труда найти в городских справочниках и путеводителях. Иркутский и Забайкальский статистические комитеты также выпускали такие издания. На их страницах печатались фамилии всех городских и губернских чиновников, в том числе и жандармских. Так, согласно Памятной книжки Забайкальской области на 1900 год, жандармское полицейское Управление Забайкальской железной дороги, по всей видимости, первого состава, было представлено следующими офицерами: начальник – полковник П. И. Бырдин, адъютант – поручик В. В. Плотников; начальники отделений: Забайкальского – ротмистр Б. П. Никольский, Верхнеудинского – ротмистр Н. А. Шупинский, Яблоновского – поручик А. А. Коростелев (на станции Хилок), Читинского – ротмистр Г. Н. Ребиндер, Сретенского – ротмистр В. А. Лемени-Македон, Карымского – подполковник О. О. Робук¹.

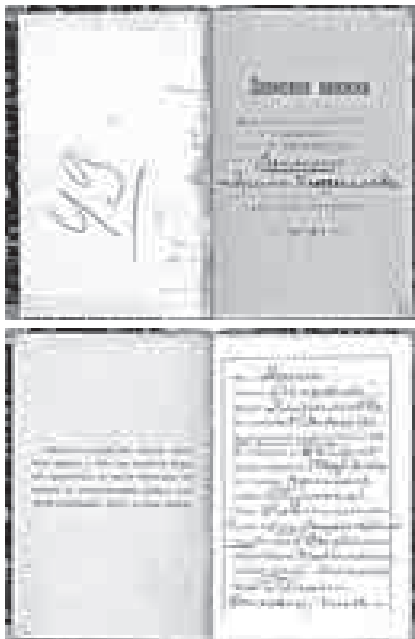
К 1905 г. структура управления и его состав изменился: исполняющим обязанности начальника стал подполковник Евстафьев. Согласно Высочайшему его императорского величества указу от 6 декабря 1905 г., он был произведен в полковники с утверждением в должности. Адъютантом управления служил штаб-ротмистр Г. Н. Хохлачев. Верхнеудинское отделение в это время возглавлял подполковник Клейф, начальником Читинского служил ротмистр Дудкин, Иркутского – ротмистр Н. Н. Петлин, а нового, Кругобайкальского – штаб-ротмистр В. К. Саттеруп².

В 1911 г. ЖПУ Забайкальской железной дороги возглавлял полковник С. Н. Мартос. В структуре Управления появилось Маньчжурское отделение, руководимое ротмистром И. И. Гринбергом. В 1916-ом, предреволюционном, последнем для службы году, начальником ЖПУ был полковник В. П. Григорович, адъютантом – штаб-ротмистр Ф. Ф. Федоров, имелись Иркут-

¹ Памятная книжка Забайкальской области на 1900 год. Чита: Издание Забайкальского областного статистического комитета, 1900. С. 126.

² ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 26–29; Памятная книжка Иркутской губернии на 1905 год. Иркутск: Издание Иркутского статистического комитета, 1905. 238 с. С. 171.

ское отделение, Байкальское (ст. Слюдянка), Верхнеудинское, Петровско-Заводское, Читинское, Сретенское, Бурятское (ст. Оловянная). Кроме этого начальники Иркутского и Бурятского отделений имели помощников на ст. Иннокентьевской и Маньчжурия¹.

Как видим, в течение исследуемого периода структура Управления оставалась в основном без изменений, по мере сдачи новых участков железной дороги, добавлялись и новые отделения жандармской службы, однако их общее количество колебалось незначительно, в пределах 5–7 единиц. Штаты самого управления включали всего две должности – начальника и адъютанта, должность писаря всегда занимал вольнонаемный штатский сотрудник. Большинство начальников отделений не имели штатных помощников, и лишь только в конце рассматриваемого периода, в связи с возросшей революционной активностью железнодорожного пролетариата,

появились помощники в Иркутском и Бурятском отделениях.

По долгу службы сотрудники жандармского полицейского управления Забайкальской дороги значительную часть своего рабочего времени проводили в разъездах. Таким служащим предоставлялся проездной билет, однако не тотчас при вступлении на службу, а спустя лишь шесть месяцев оной. Проездной билет полагался и членам семьи сотрудника. Однако если жандармский унтер-офицер был в штатском платье и следовал в поезде «по делам розыска», ему специальным инструктивным письмом

¹ Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 год. Иркутск, 1911. С. 304; Адрес-календарь Иркутской губернии. Иркутск, 1916. С. 75.

из штаба Отдельного корпуса было категорически воспрещено предъявлять свой проездной билет: чтобы не обнаружить себя, он должен был пользоваться «служебным годовым билетом на «предъявителя», выданным от управления железных дорог»¹.

Для нижних чинов ЖПУ Забайкальской дороги действовало и специальное правило, регулировавшее их пребывание в вагонах 1–2 класса. 15 мая 1910 г. начальник Управления в специальном письме разъяснял, что «унтер-офицеры в вагонах высших классов могут следовать в случае действительной к тому надобности» и только по приказанию своего начальника, а «по окончании возложенного на унтер-офицера поручения он немедленно должен переходить в вагон 3 класса, из чего вытекает, что располагаться в вагонах 1 и 2 классов с вещами, а тем более на ночлег, унтер-офицеры ни в коем случае права не имеют». Сословные привилегии внутри жандармского ведомства, таким образом, были также незыблемы, как и повсюду².

А вот вопрос взаимоотношений жандармских унтер-офицеров с офицерами общей полиции решался иначе, причем инструкция об этом была дана на самом высоком уровне – самим командующим Отдельным корпусом, свиты его величества генерал-майором Джунковским. 5 сентября 1914 г. за его подписью последовало письмо в адрес губернаторам, начальникам губернских и железнодорожных жандармских полицейских управлений, в котором указывалось: «В виду возникшего вопроса о том, имеют ли полицейские чиновники право, при обращении к жандармским унтер-офицерам называть их на «ты» сообщается, что по смыслу ст. 28 устава внутренней службы изд. 1910 года, обращаться к нижним чинам на «ты» могут лишь начальники, к которым по означенному уставу относятся все офицеры, а также и чиновники, которым нижние чины непосредственно подчинены. Чиновникам полиции чины Отдельного корпуса жандармов не подчинены, а потому при сношениях чиновники эти должны обращаться к нижним чинам Отдельного корпуса жандармов на «вы». Все-таки известная неприязнь двух ведомств была выше сословных перегородок³.

¹ ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 327. Л. 33.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Л. 34.

Русско-японская война значительно увеличила жандармам объем оперативной работы. Прежде всего выросла численность жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги. Сюда в порядке «усиления» было прикомандировано несколько десятков унтер-офицеров из жандармских управлений железных дорог европейской части страны – московской, липецкой, архангельской, киевской и некоторых других. Особое место в деятельности жандармов стало отводиться патрульно-постовой службе, охране мостов, Байкальской ледовой переправы, туннелей на строящейся Круго-Байкальской ветке¹. 18 сентября 1906 г. за организацию надежной охраны дороги во время Русско-японской войны приказом командующего войсками Дальнего Востока начальники жандармских отделений Забайкальской железной дороги Сретенского ротмистр Стахурский, Байкальского ротмистр Саттеруп и Верхнеудинского ротмистр Плешаков были награждены: первые два орденом Св. Анны 3 ст., а последний – орденом Св. Владимира 4 степени. Кроме этого 20 нижних чинов были удостоены медалей «За усердие»².

Активное участие рабочих-железнодорожников в революционных событиях 1905 года заставило правительство существенно изменить статус жандармских полицейских управлений железных дорог: приказом по Отдельному корпусу жандармов от 28 июля 1906 г. на чинов местных управлений были возложены обязанности производства дознаний о «преступных действиях» политического характера, совершенных как на дороге, так и в полосе отчуждения³. Сюда же была отнесена проверка политической благонадежности принимаемых на службу сотрудников, наблюдение за любыми проявлениями общественной активности непосредственно на дороге и в полосе отчуждения, полное исключение революционной агитации леворадикальных партий среди рабочих, предотвращение забастовочного движения служащих и рабочих-железнодорожников, а также телеграфистов; недопущение террористических актов по отношению к проезжающим членам правящего императорского дома и высокопоставленным петербургским и местным чиновникам.

¹ ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

² Там же. Д. 5. Л. 53, 141.

³ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 109.

Появление у жандармов железных дорог прав и обязанностей политической полиции послужило к преодолению известной многолетней разобщенности (и даже вражды) жандармских ведомств, усилению взаимодействия структур внутри Корпуса. Теперь о всех происшествиях, имевших «общественный характер», а также о случаях, вышедших «из ряда обыкновенных» или могущих «приобрести большую гласность» и «резонанс» начальник жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги, согласно циркуляра, обязан был незамедлительно телеграфно доносить своему вышестоящему начальству, прежде всего, командиру отдельного корпуса жандармов, затем начальнику штаба и в Департамент полиции¹. При этом подобная информация направлялась не только в столицу, но и в Иркутск, о чем свидетельствует следующая директива, отданная начальником ЖПУ дороги начальнику Иркутского отделения: «Предлагаю Вашему Высокоблагородию обо всех выдающихся происшествиях на линии железной дороги вверенного вам отделения как, например: о разгроме вокзалов запасными нижними чинами, о нанесении оскорблений офицеру и других этому подобных случаев, могущих иметь место в районе Иркутской губернии, доносить непосредственно и начальнику Иркутского губернского жандармского управления ...»²

Существенное изменение статуса жандармских полицейских управлений железных дорог, последовавшее после принятия приказа по Корпусу от 28 июля 1906 г., потребовало и значительного повышения профессиональных навыков железнодорожных жандармов, предельной бдительности от сотрудников, внимания к «мелочам», второстепенным деталям. Анализ приказов начальника Управления свидетельствует о высоком уровне профессиональной подготовки служащих «низового звена», наблюдательности и умению работать самостоятельно и инициативно, благодаря чему было предотвращено немало случаев нелегальной противоправительственной деятельности.

Так, например, в сентябре 1906 г. унтер-офицер жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги Андрей Шевченко, проходя по вагонам стоящего на станции пассажирского поезда, обратил внимание на находившуюся на

¹ ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 328. Л. 1.

² Там же. Л. 5.

полке вагона четвертого класса небольшую корзину, которую, как оказалось при осмотре, трудно было сдвинуть с места. Заподозрив «присутствие в корзине чего-либо нелегального», Шевченко задержал подозрительного пассажира, ссадил его с поезда и внимательно осмотрел документы: паспорт оказался «подложным», а в корзине имелись «наборы» уже подобранного печатного шрифта для «статьи преступного содержания». Далее Шевченко обратил внимание на отметку в проездном билете задержанного – оказывается, при нем следовал еще и какой-то багаж. Тогда унтер-офицер «телеграфным сношением» установил номер багажной квитанции и сделал распоряжение о задержании багажа, что было выполнено уже в Томске. Досмотр выявил опять же большое количество «пачек» шрифта, предназначенного для устройства нелегальной типографии сибирских эсеров или эсдеков. За «наблюдательность и отличные служебные качества» унтер-офицеру Шевченко от начальника было объявлено «спасибо», а также оформлено представление к награждению медалью «За усердие»¹.

А вот еще пример профессиональной деятельности жандармов: унтер-офицер Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железной дороги Федор Грива, прикомандированный в 1905 г. к Читинскому отделению, 16 августа 1906 г. в 10 часов вечера при обходе помещения на станции Чита, заметил в зале третьего класса под диваном большую корзину, показавшуюся ему подозрительной. При осмотре корзины в дежурной жандармской комнате в ней оказалось: «10 затворов, 10 магазинных коробок, 10 хвостовых винтов и 10 винтов упора от 3-х линейных винтовок». Унтер-офицер также получил служебное поощрение от начальника полицейского Управления Забайкальской дороги².

Как видим, забайкальские железнодорожные жандармы умели работать. Однако своеобразной «вершиной» их контрреволюционной деятельности стало обнаружение и арест вагона с оружием в январе 1906 г. Как известно, для организации в городе вооруженного восстания иркутские социал-демократы пытались привести оружие из Читы – там в руки местного комитета попало более 30 тысяч винтовок и ружей военного образца – по всей

¹ ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 5. Л. 131.

² Там же. Л. 140.

видимости, запасы воевавшей в Русско-японскую войну армии. За этим арсеналом был отправлен большевик В. И. Локуциевский. Он вместе с читинскими большевиками сумел в начале января 1906 г. вывезти из города целых два вагона, груженных винтовками. Часть оружия была выдана по ходу движения на крупных станциях членам дружин рабочей самообороны, а вагон, предназначенный для Иркутска, Локуциевский довез до Слюдянки, где от товарища-телеграфиста узнал, что навстречу большевикам движется карательный поезд генерала Меллер-Закомельского. Чтобы избежать столкновения и сохранить оружие для продолжения восстания, вагон был перемаркирован и спрятан в Слюдянке на запасных путях, а сам Локуциевский нелегально вернулся в Иркутск¹.

Казалось бы, оружие было оставлено в надежном месте, и после отъезда карателей, могло быть использовано для дальнейшей борьбы, однако благодаря четким действиям жандармских служб, внедривших, по всей видимости, в среду революционеров своего осведомителя (свидетельств в архивах об этом пока не найдено), вагон с винтовками был обнаружен, 15 января 1906 г. доставлен в Иркутск и сдан начальнику Иркутского отделения жандармского полицейского Управления Забайкальской железной дороги ротмистру Белавину. Самому Локуциевскому удалось от жандармов скрыться².

В ходе Всероссийской Октябрьской стачки Забайкальская железная дорога превратилась в важнейший нелегальный канал доставки и распространения запрещенных агитационных материалов, оружия и боеприпасов для радикальных политических формирований. Это положение сохранялось и после революции. Обнаружение и своевременный арест таких нелегальных грузов – еще одна задача для жандармского полицейского управления, с решением которой, надо сказать, оно вполне профессионально справлялось. Так, например, 28-го января 1908 г. на станции Иркутск был задержан тюк, присланный из Томска на предъявителя. При досмотре в нем оказались «преступные издания» партии социалистов-революционеров: 26 изданий ЦК эсеров из

¹ Локуциевский В. Воспоминания о 1905 г. // Сибирские огни. 1935. Кн. 6. С. 144–145.

² Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 182.

Петербурга, два – из Томска и одно – из Новониколаевска. 27 июля того же года на той же станции среди грузов, невооруженных с железной дороги, жандармами был обнаружен ящик, в котором найдено 1438 экземпляров № 7 «Солдатской газеты» от 5 марта 1907 г. (издание Центрального комитета ПСР), 94 листа шестого номера той же газеты и около сотни брошюр «Конец-скакунок» – все это поступило в Иркутск из Петербурга¹.

Наиважнейшим делом жандармов всегда была проверка политической благонадежности лиц, поступающих на службу в структуры Забайкальской железной дороги. Всякий желающий служить, будь то инженер-строитель, начальник участка или рабочий-путеец, не мог быть принятым без одобрения жандармского ведомства. Служба начальника дороги обязана была письменно уведомить полицейское управление о всех подавших документы независимо от конкретного места службы и должности. Согласно данных уведомлений, жандармы изучали сначала документы и послужные списки кандидатов, затем материалы своего текущего архива, а если требовалось, запрашивали коллег из Иркутского губернского жандармского управления или других территориальных управлений.

Рост революционного и рабочего движения на Забайкальской железной дороге потребовал от жандармов создания агентурной сети среди различных категорий рабочих и служащих – только так можно было взять под контроль стихийные и организованные протесты. Сеть осведомителей не могла появиться в одночасье. Мы не располагаем сведениями, были ли в жандармском полицейском управлении Забайкальской железной дороги платные агенты уже в 1906 году? Скорее всего, они были организованы позже. Так или иначе, но фонды ГАИО документально свидетельствует о наличии тайных сотрудников здесь лишь в 1914–1915 годах, при этом, были ли они раньше, сказать трудно.

Как известно, оперативно-розыскной деятельностью, сыском и негласным наблюдением по политическим делам занималась «охранка» – так называли возникшие после 1902 г. Охранные отделения, действовавшие в составе губернских жандармских управлений, но формально подчинявшиеся только Департаменту полиции. Именно эта служба располагала самой большой и разветвленной сетью осведомителей. Масштабы сети

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1132. Л. 7.

секретных сотрудников жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги были гораздо скромнее – всего лишь несколько имен, вернее, кличек агентов. При этом, как было уже сказано, работа с агентурой у жандармов была строго засекречена и в имеющихся архивах почти не прослеживается. В 602 фонде Государственного архива Иркутской области нам удалось обнаружить лишь одно дело, дающее хоть какой-то, весьма отрывочный материал по этому предмету. Проанализируем его здесь подробнее.

Дело так и называется: «Об агентуре, сотрудниках с именами и денежной отчетности 1914–1916 гг.». Из материалов следует, что ЖПУ ЗЖД располагало в начале Первой мировой войны по крайней мере тремя сотрудниками, которые проходили по бумагам как «Белый», «Красный» и «Зеленый». Невозможно сказать, кто дал секретным агентам столь оригинальные клички, из переписки лишь видно, что их денежное вознаграждение было одинаковым и составляло 15 руб. в месяц. «Прошу об отпуске 15 рублей для уплаты жалованья секретному сотруднику «Белый» за время с 10 мая по 10 июня сего года», – обращался начальник Иркутского отделения к начальнику жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги от 13 июня 1915 г.¹

Из обращения следует, что, скорее всего, все трое были сотрудниками только Иркутского отделения и состояли на службе, по крайней мере, с мая 1915 г. В самом конце 1915 г. в составе секретных агентов ЖПУ ЗЖД возникает еще один сотрудник. Читаем: «Начальник жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги – начальнику Иркутского отделения 16 января 1916 г.: «Бураго» считаю вашим сотрудником с 21 декабря 1915 г. с ежемесячным вознаграждением в 25 р. Так как секретное сотрудничество сопряжено с денежными расходами, то во избежание каких-либо затруднений по выдаче денежных вознаграждений, на будущее время предлагаю немедленно по подыскании подходящих лиц, входить с соответствующими донесениями особенно в конце года, делая эти донесения настолько полными, чтобы не вынуждать меня делать дополнительные запросы»².

¹ ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 254. Л. 16.

² Там же. Л. 5.

Почему «Бурый» стоил дороже «Белого», «Красного» и «Зеленого», сказать трудно. Можно только предположить, что сей агент сумел подобраться ближе к руководству иркутских социал-демократов или эсеров, а, значит, информация, получаемая от него, была более содержательной и ценной.

Из материалов дела также усматривается, что ежемесячно руководитель отделения обязан был отправлять начальнику жандармского полицейского управления Забайкальской дороги выписку из дневника агентурных сведений, основанную на материалах осведомительной деятельности конкретного агента, следующего, к примеру, содержания: «Начальнику ЖПУ ЗЖД 5 апреля 1916 г. Время получения сведений: Март 28 1916 года. «Белый» С.Р.и С.Д. партиям. Краткое содержание сведений: Из сведений секретного сотрудника в марте месяце с. г. выяснилось, что никаких организаций в течение указанного времени не возникало, единичных случаев революционной пропаганды не было и общее настроение в районе отчуждения благоприятное»¹.

На основании подобных сведений составлялась «Ежемесячная сводка о политической благонадежности населения». Чтобы оценить степень осведомленности секретной агентуры отделения, приведем здесь текст одной из них: «16 июня 1915 г.: Революционных проявлений в какой-либо форме в районе вверенного мне отделения с 1 января по 1 июня с. г. не было. Настроения населения полосы отчуждения, служащих и рабочих патриотическое и вполне совпадающее со взглядами и направлениями правительства, как во внутренней, так и во внешней политике. Подобное настроение объединило жителей полосы отчуждения, рабочих, служащих и проживающих в ней родственников, вследствие чего образовались общества, поставившие целью сбор пожертвований в пользу раненых воинов и их семей, а также и разоренного населения района театра военных действий. Фактами, подтверждающими указанное настроение служат, помимо ежемесячных отчислений известного %, постоянно даваемые любительские спектакли на вышеозначенные цели, заведение для той же цели, на средства, собранные служащими собственного кинематографа на ст. Иннокентьевская, отказ рабочих депо Иркутск от платы за внеурочные работы по изготовлению срочной работы [ремонтной

¹ ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 257. Л. 5.

работы. – А. И.] санитарных вагонов, а также щедрые и любовно даваемые деньги при сборах городским комитетом Красного Креста¹.

Конечно, настоящая сводка просто пронизана ура-патриотизмом. Отношение к войне рабочих, «простого» населения было всегда иным. К 1915 году волна безоговорочной поддержки правительства значительно уменьшилась, а неудачи на германском фронте, вздорожание продуктов первой необходимости и реквизиции лошадей множили ряды недовольных политикой государства. Документ, думается, существенно «подкорректирован» кем-то, возможно, самим начальником ЖПУ дороги, однако свидетельствует и о хорошем знании общественно-политической обстановки жандармами на вверенной их попечению территории.

Можно предположить, что жандармы имели своих осведомителей не только среди рабочих. Были таковые и среди служащих управлений, начальников участков, работников контор. Вот, к примеру, донесение начальника Иркутского отделения ЖПУ Забайкальской железной дороги от 12 марта 1910 г.: «У машиниста Колосовского в Слюдянке собираются машинисты Кулишинский, Имшенецкий, Закаблуковский и помощник начальника участка тяги Березовский, где ведут разговоры о польской социалистической партии, причем покрываются якобы действующими лицами по постройке костела в Слюдянке, чем и маскируют свою политическую деятельность. На совещаниях обсуждают вопросы о материальной поддержке ПСП и разрабатывают общий план выступления в случае мобилизаций»².

И еще один короткий документ, обнаруженный в 602-ом деле: «Начальник Иркутского отделения к начальнику Жандармского Полицейского Управления Забайкальской железной дороги от 10 февраля 1916 г.: Препровождаю при сем 15 руб. аванса на расходы по уголовному сыску, предлагаю аванс этот расходовать на агентов штучников и на другие непредвиденные расходы»³. На основании данной переписки можно предположить: у ЖПУ ЗЖД помимо агентов, работавших на постоянной основе, имелись и разовые осведомители. Таких осведомителей называли

¹ ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 257. Л. 30–30 об.

² Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 117. Л. 434.

³ Там же. Ф. 602. Оп. 1. Д. 257. Л. 14.

«штучниками», при этом в основном они использовались для работы в криминальной среде, а их услуги оплачивались разово, «по факту».

Сделаем некоторые выводы. Несмотря на имеющиеся публикации по истории жандармского ведомства как на всероссийском, так и региональном уровнях, деятельность жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги 1899–1917 годов остается практически не исследованным полем. Закрытый характер работы жандармского ведомства наложил отпечаток и на имеющуюся документальную основу исследования: архивные материалы бедны информацией и позволяют составить представление лишь о некоторых сторонах работы ЖПУ ЗЖД.

В Иркутске железнодорожные жандармы оформились в конце января 1899 г. Структура ЖПУ ЗЖД повторяла построение служб самой дороги, что было вполне логичным и состояла из управления, которым руководил начальник, адъютанта, и станционных отделений, в разное время их было от 5 до 7. Численность службы всегда была значительной и составляла около 180 человек, доходя в отдельные годы до 200, что было в несколько раз больше, чем, к примеру, в Иркутском губернском жандармском управлении.

Жандармское полицейское управление Забайкальской железной дороги было создано для поддержания порядка и «благочиния» в поездах, на станциях и вокзалах, а также в полосе отчуждения вверенной ему дороги. Выполняя функции общей полиции, жандармы проводили каждодневную работу по предупреждению и оперативному расследованию правонарушений, следили за исправностью железнодорожного полотна, сохранностью подвижного состава и грузов. Повседневная деятельность жандармов, таким образом, сочетала в себе обязанности общей полиции, таможенной службы и администрации магистральной.

Большое место в работе железнодорожных жандармов занимали обязанности полиции политической, которые до 1906 г. они выполняли, руководствуясь лишь внутриведомственными директивами. Рост революционного и рабочего движения на Забайкальской железной дороге потребовал от ЖПУ повышенного внимания за деятельностью представителей социалистических партий, усиления патрульно-постовой службы, создания тайной

агентурной сети среди различных категорий рабочих и служащих, контроля за проявлением любой общественно-политической активности.

Важной формой работы жандармов была проверка политической благонадежности лиц, поступавших на службу в структуры Забайкальской железной дороги. При этом ситуацию в регионе железной дороги осложняло значительное количество политических ссыльных, многие из которых, имея опыт нелегальной деятельности среди рабочих Европейской России, стремились применить его в сибирских условиях.

Анализ приведенного материала говорит о высокой эффективности контрреволюционной деятельности жандармских служб: любое проявление оппозиционных настроений, в конечном счете, становилось известным и попадало под их контроль. Благодаря использованию секретных сотрудников, железнодорожные жандармы хорошо знали и могли правильно оценить политические настроения в обществе. Архивные источники свидетельствуют о высоком уровне профессиональной подготовки служащих ЖПУ ЗЖД, умении работать самостоятельно и инициативно, благодаря чему предотвращалось немало случаев криминальной и противоправительственной деятельности.

УДК 947.081(571.55)

Кальмина Л. В., Малыгина О. А., Улан-Удэ

**«Забайкальская область находится
в исключительных условиях развития преступности...»
(Военный губернатор Забайкалья в системе управления ссылкой)¹**

Аннотация. В статье рассматривается одно из важнейших направлений деятельности военного губернатора Забайкальской области – надзор за каторгой и ссылкой. На основе ежегодных

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9.

губернаторских отчетов авторы показывают обязанности и полномочия губернатора в процессе управления каторгой и ссылкой, которые менялись в зависимости от ведомственного подчинения ссылки и территориального подчинения области. Осознав бесперспективность попыток превращения массовой уголовной ссылки в важный элемент колонизационной политики в области, военные губернаторы Забайкалья пытались в своих отчетах донести до имперского правительства мысль о необходимости ее отмены.

Ключевые слова: военный губернатор, уголовная и политическая ссылка, каторга, этапирование арестантов, Забайкальская область, XIX век.

Kalmina L. V., Malygina O. A., Ulan-Ude

Transbaikalia in Exclusive Criminal Circumstances Frames (Military Governor of Transbaikalia in Exile Management System)

Abstract. The article covers one of the most important trends in Transbaikalia's Military Governor activities: supervision over penal servitude and exile. On the basis of annual Governor's reports authors describe duties and responsibilities of the Governor in the process of penal servitude and exile management changing in connection with departmental subordination and territorial belonging of the region. Military Governors of Transbaikalia tried to convince the Imperial Government to abandon colonization policy in the region, attempts to change mass criminal exile into its important element being hopeless.

Key words: military governor, criminal and political exile, penal servitude, transfer of prisoners, Transbaikalia region, 19th century.

В деятельности сибирского генерал-губернаторского и губернаторского звена каторга и ссылка, как элемент жизни региона, занимали значительное место. Хотя по Уставу о ссыльных функции генерал-губернаторов в отношении ссылки были по большей части формальны и их «усиленная деятельность и труд» в отношении к каторжным были «только делом их личной заботливости или склонности, не вызванные требованием закона»¹, в их Всеподданнейших отчетах ссылка всегда выделя-

¹ Восточное обозрение. 1884. № 27.

лась в самостоятельный раздел. По мнению исследователей, это не случайно: штрафная колонизация была важнейшей составляющей первоначального заселения Прибайкалья¹.

Материал для своих отчетов генерал-губернаторы черпали в отчетах губернаторов, на которых, собственно, и лежала ответственность «за исправное содержание» ссыльных. В соответствии с «Инструкцией для содержания и употребления в работы каторжных в Нерчинских горных заводах» в обязанности губернаторов входило наблюдение за состоянием тюрем, острогов и этапов, их ремонтом и строительством новых, за положением и поведением ссыльных и каторжных, рассмотрение их жалоб и прошений. Они же отвечали за государственных и политических преступников². В отчетах «хозяев губернии» комплименты высшей власти по поводу ее неустанной заботы о положительных преобразованиях, оказавших «хорошее влияние на преступников», как правило, соседствовали с предложениями прекращения порочной практики колонизации региона за счет штрафного элемента³. Военный губернатор М. И. Эбелов обращал внимание на то, что «существование [...] в области целой каторжной колонии, в составе семи тюрем Нерчинской каторги, а также огромного числа выпускаемых из них на поселение в пределах области каторжан, окончивших сроки тюремного заключения», препятствует мерам «поднятия нравственного уровня населения»⁴. Однако все предложения о ликвидации штрафной колонизации региона успеха не имели. Даже после отмены массовой ссылки в 1900 г. Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев сетовал на то, что для Иркутского генерал-губернаторства ничего не изменилось, и оно остается «единственным местом ссылки на поселение из всех

¹ Иванов А. А., Курас С. Л. Всеподданнейшие отчеты иркутских генерал-губернаторов конца XIX – начала XX в. как источник изучения сибирской политической ссылки // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2019. Т. 27. С. 99–100.

² Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 37.

³ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 2942. Л. 18; Кальмина Л. В., Малыгина О. А. Губернаторский отчет как структурный элемент делопроизводства в царской России (на примере Забайкальской области) // Власть. 2012. № 12. С. 144.

⁴ Всеподданнейший отчет Военного губернатора Забайкальской области за 1908 г. НСБ РГИА. КПЗ. № 34. С. 11.

местностей Европейской и Азиатской России»¹. В Забайкальской области концентрация ссыльных оставалась особенно высокой: в 1908 г., по данным губернаторского отчета, она составляла «30 % взрослого населения, в возрасте полной трудоспособности»².

Административный передел

Образование Забайкальской области как самостоятельной административно-территориальной единицы и формирование института военного губернатора, потребовавшего встраивания последнего в имперскую систему власти, пришлось на момент наибольшей концентрации в регионе ссыльнокаторжного элемента. Надзор за каторжными сразу был включен в обязанности военного губернатора. Это потребовало административного преобразования каторги и ссылки в Забайкалье и законодательного пересмотра всей управленческой системы наказаний в регионе. Уже в 1859 г. Высочайшим повелением все забайкальские каторжные тюрьмы перешли в ведение военного губернатора, а в 1869 г. было создано непосредственно подчиненное ему особое управление Нерчинской каторгой. Горное ведомство занималось только организацией работ преступников.

На этапе становления административного управления областью внутри самой управленческой структуры отсутствовала четкая система подчиненности. Об этом свидетельствует такой факт. Исполнявший обязанности военного губернатора А. А. Мордвинов собирался провести ревизию этапов и тюрем области. Но, поскольку в его распоряжении не было свободных чиновников, он решил привлечь военных. Однако «временно исправляющий обязанности» наказного атамана Забайкальского казачьего войска ему решительно отказал в связи «с отсутствием свободных от занятий офицеров»³.

С 1870-х гг. каторга сосредоточивается в Забайкалье и на Сахалине⁴. С точки зрения властей, обе территории с учетом удаленности находившихся здесь каторжных тюрем от губернских и областных центров Сибири, неразвитости транспортных ком-

¹ Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1910–1911 гг. Б. м., б. г. С. 36.

² Всеподданнейший отчет Военного губернатора Забайкальской области за 1908 г. НСБ РГИА. КПЗ. № 34. С. 11.

³ ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 7861. Л. 1–8; Д. 7682. Л. 1–8.

⁴ Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007. С. 286.

муникаций и сурового климата были идеальным местом для содержания сосланных на каторгу. В 1879 г. в составе Министерства внутренних дел было образовано Главное тюремное управление, в ведении которого оказались все тюрьмы. Но контроль за государственными преступниками продолжало выполнять III отделение (после его упразднения – Департамент полиции). А в начале 1880-х гг. жандармские власти фактически «монополизировали» надзор за политическими, оттеснив от него тюремную администрацию. Более того, в политической тюрьме на Каре жандармам вменялось в обязанность следить за действиями тюремной администрации и не допускать отклонений от установленных норм. Это оговаривалось инструкцией Забайкальского военного губернатора жандармскому штаб-офицеру при тюрьме, в которой ему предписывалось «заведование» всеми ссыльнокаторжными государственными преступниками при непосредственном подчинении губернатору¹.

В 1884 г., после включения Забайкальской области во вновь образованное Приамурское генерал-губернаторство, система управления каторгой стала еще более запутанной. Все каторжные тюрьмы на ее территории были переданы в ведение Приамурского генерал-губернатора, хотя военный губернатор Забайкалья по-прежнему оставался надзирающим за Нерчинской уголовной каторгой. При этом горное и жандармское управления в Забайкалье продолжали находиться в ведении иркутской администрации, и отчеты военного губернатора области о состоянии каторги поступали в адрес генерал-губернатора Восточной Сибири².

В 1895 г. Министерство внутренних дел вновь вернулось к вопросу о преобразовании управления и надзора за нерчинскими ссыльнокаторжными. Новые проекты штатов были составлены еще в 1882 г. во время командировки в Восточную Сибирь начальника Главного тюремного управления. Но, поскольку с учреждением Приамурского генерал-губернаторства в его веде-

¹ Инструкция Забайкальского военного губернатора жандармскому штаб-офицеру при политической тюрьме на Каре от 12 мая 1882 г. // Народная воля. URL: <http://narodnaya-volya.ru/document/instrukzKara.php> (Дата обращения 18.05.2014).

² Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 287; Клер Л. С. Органы управления Нерчинской каторгой (сер. XIX – 1917 г.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX – февр. 1917 г.). Вып. 11. Иркутск, 1989. С. 148–149; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 2. Д. 87. Л. 3.

ние отошла и Забайкальская каторга, реализацию намеченных предложений отсрочили. В своем докладе в Главное тюремное управление министр П. Н. Дурново отмечал, что необходимость преобразования порядка управления Нерчинской каторгой продиктована «крайней недостаточностью» должностных лиц управления, неопределенностью их прав и обязанностей и почти полным отсутствием средств на надзор за каторжными. Например, в 1895 г. в распоряжение Приамурского генерал-губернатора на содержание управления и надзора за ссыльнокаторжными Забайкальской области было отпущено 37,8 тыс. руб. в то время как, по мнению министра внутренних дел, для переустройства штата управления, надзора и охраны Нерчинской каторги ежегодно потребуется 179,7 тыс. руб. плюс 39,5 тыс. руб. единовременных затрат¹. Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин в отчете за 1896–1898 гг. отмечал, что «сибирские тюрьмы вообще обделены средствами и штатным составом сравнительно с тюрьмами Европейской России, что лишает возможности поддерживать в желательном состоянии как самые помещения, так и внутренний в них режим»².

В июне 1895 г. в соответствии с законом «О преобразовании управления Нерчинской каторгой и об учреждении штатов Управления каторгой и конвойной ею стражи» было образовано особое управление Нерчинской каторгой. Ее начальник непосредственно подчинялся военному губернатору Забайкальской области. После этих преобразований управленческие структуры области и каторги объединились в одних руках. К началу XX в. заведывание Нерчинской каторгой составляло одну из прямых обязанностей Забайкальского военного губернатора как первого лица области³. В его подчинении находился и тюремный инспектор, должность которого была учреждена в 1911 г.⁴, хотя, например, в Иркутской губернии тюремный инспектор был в прямом подчинении начальника Главного тюремного управления. Забайкальская область относилась к «местностям с упро-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 565. Оп. 5. Д. 20073. Л. 91, 120, 121.

² Всеподданнейший отчет Иркутского военного генерал-губернатора за 1896–1898 гг. Б. м., б. г. С. 44.

³ ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 31. Л. 95.

⁴ История пенитенциарной системы в Бурятии [XVIII – начало XXI вв.] / под ред. С. П. Суша. Улан-Удэ, 2006. С. 65.

ценным тюремным управлением», что оговаривалось «Временными правилами об устройстве тюремной части в ведомстве Министерства юстиции» от 26 декабря 1897 г. К тому же должность тюремного инспектора в Забайкалье была временной и учреждалась только на время постройки Амурской железной дороги, к сооружению которой из-за недостатка рабочей силы были привлечены каторжане. Летом 1910 г. на строительстве работали около 2,5 тыс. арестантов, «переведенных частью с постройки Амурской колесной дороги, частью из Нерчинской каторги и частью из Европейской России»¹.

Таким образом, все места заключения в области находились в непосредственном подчинении военному губернатору, однако статус области, предполагавшей упрощенное управление, межведомственная чехарда и смена территориальной принадлежности области запутывали систему подчиненности и отчетности.

От этапа до содержания

Военный губернатор включался в процесс надзора за ссыльными с начала этапа. Первый военный губернатор области П. И. Запольский в отчете отмечал, что контроль за сопровождением ссыльнокаторжных по территории Забайкальской области, «наблюдение за неисправностью сих (этапных. – Авт.) помещений и за благовременное исправление повреждений составляет одну из главных забот местного Начальства»². С ростом социально-политического напряжения в Российской империи увеличивалось число ссыльных и, соответственно, этапов. В отчете военного губернатора за 1852 г. указывалось, что «этапов в Области по тракту от Байкала до Нерчинских горных заводов 4 и полуэтапов 13». К 1854 г. число этапных помещений выросло до 19, а к 1868 г. их насчитывалось уже 34³.

Контроль за должным содержанием этапных помещений также был обязанностью администрации области. В ежегодных отчетах их состояние оценивалось противоречиво: от «жалоб на неудовлетворительное помещение этапов до Областного На-

¹ Всеподданнейший отчет о состоянии Забайкальской области за 1910 г. НСБ РГИА. КПЗ № 21. С. 7–8.

² РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 87. Л. 12–13.

³ Там же. Оп. 2. Д. 103. Л. 11; Оп. 4. Д. 36. Л. 13; ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1 (об.). Д. 954. Л. 151.

чальства не доходило»¹ (в черновом варианте отчета за 1856 г. эта фраза зачеркнута², но в отосланный в Петербург чистовой вариант она вошла) до «этапные здания требуют капитальных исправлений» – в отчете за 1876 г.³

Информируя об отсутствии жалоб «на неудовлетворительное помещение» и сообщая лишь о надобности в их ремонте, военный губернатор явно выдавал желаемое за действительное. Картина, нарисованная в воспоминаниях ссыльных, сильно отличалась от показанной в губернаторских отчетах и не позволяла полностью исключить отсутствие жалоб на «неудовлетворительное помещение этапов». Ссыльный революционер-народник Я. В. Стефанович в 1890 г. так описывал забайкальские этапы: «... На первый взгляд, этапы сделаны добротно. На самом деле в них холодно и сыро, печи не дают тепла. Картину дополняет огромное количество паразитов, от которых нет спасения, и полная антисанитария отхожих мест. В таких условиях ссыльным приходится существовать по несколько дней»⁴. Такое же впечатление от этапов осталось и у ссыльного участника польского освободительного восстания 1863–1864 гг., этнографа-сибириеведа и писателя В. Серошевского⁵. В воспоминаниях А. Кейзерлинга, чиновника по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе А. П. Корфе, довольно подробно описываются не только само помещение, но и нравы зрителей и обитателей этапов: подмена одних осужденных другими, пьянство, азартные игры, продажа женщин, попрошайничество, а также все возможные поблажки за деньги⁶.

Решение текущих проблем этапирования ссыльных затруднялось из-за «кадрового голода», низкой исполнительской дисциплины, бюрократических проволочек и многочисленных управленческих функций, в которых буквально «тонул» военный губернатор. Уследить за всем глава области был просто не в состоянии, поэтому многие задачи решались с большим опозда-

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 4. Д. 36. Л. 13.

² ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 346. Л. 372.

³ Там же. Д. 1611. Л. 2.

⁴ Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.). Иркутск, 2012. С. 64.

⁵ Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь, её современное состояние и нужды: сб. стат. / под ред. И. С. Мельникова. СПб., 1908. С. 209.

⁶ Кейзерлинг А. Воспоминание о русской службе. М., 2001. С. 51–57.

нием или не решались вовсе. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует такой пример: из Верхнеудинска в Читу была отправлена партия арестантов, которые по расписанию следования должны были остановиться на Домноеравнинском этапе. Однако, поскольку он сгорел, губернатор поручил разместить ссыльных в Укырском этапе. На деле этот этап существовал лишь на бумаге, о чем губернатор узнал только во время своей инспекционной поездки, хотя деньги на содержание этапа были выделены в полном объеме¹. По-видимому, они попросту были разворованы, о чем губернатор даже не подозревал.

После прибытия ссыльных и их семей в область в задачи военного губернатора и областной администрации входила организация их содержания. Как первое лицо в области военный губернатор являлся вице-председателем Забайкальского областного попечительного о тюрьмах комитета, жены губернаторов традиционно возглавляли дамские попечительные о тюрьмах отделения².

Рост потока ссыльных порождал серьезные трудности в их размещении, поэтому в каждой каторжной тюрьме администрация нередко устанавливала свои порядки. Например, инструкция Главного тюремного управления, предписывавшая отдельное содержание политических каторжан и уголовников, часто не выполнялась, и уголовники с политическими преступниками порой были вынуждены жить в одной камере. На этот счет военные губернаторы имели разные мнения. М. П. Хорошхин считал, что содержание государственных преступников в общей тюрьме положит конец их «исключительному положению» и облегчит работу администрации³. Я. Ф. Барабаш, напротив, «содержание в тюрьмах арестантов без подразделения по родам преступления» считал неразумным, поскольку соседство закоренелого преступника и случайно оказавшегося в тюрьме по подозрению в правонарушении в конечном итоге делает их

¹ Восточное обозрение. 1884. № 2.

² Памятная книжка Забайкальской области на 1871 г. Иркутск, 1871. С. 13; Памятная книжка Забайкальской области на 1891 г. Чита, 1891. С. 19, 21; Памятная книжка Забайкальской области на 1892 г. Нерчинск, 1892. С. 23, 25; Памятная книжка Забайкальской области на 1898 г. Чита, 1898. Ч. 1. С. 21, 24; Памятная книжка Забайкальской области на 1900 г. Чита, 1900. Ч. 1. С. 21, 22, 24.

³ ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 2942. Л. 17.

одинаково вредными для общества. В своем циркуляре он отмечал, что «хотя и устройство тюремных замков Области не соответствует требованиям закона, но при большой заботливости тюремной администрации возможно лучшее размещение арестантов»¹. Однако проявить «большую заботливость» губернаторы не имели возможности, а в отношении политических преступников не имели и желания. В ответ на жалобу каторжан Акатуевской тюрьмы на строгость тюремного режима губернатор А. И. Кияшко опубликовал в газете «Вечер» «тюремные афоризмы», суть которых сводилась к тому, что в каторжной тюрьме надо всегда помнить, что ты не на свободе, и никакая свобода здесь «допущена не будет»².

Никто на местах не мог в обход губернатора менять режим каторги, в то время как он сам имел право вносить изменения в процесс этапирования и конвоирования ссыльных, в условия содержания этапных помещений на территории Забайкальской области, если его действия не противоречили действовавшему законодательству. Забайкальский золотопромышленник М. Новомейский в своих воспоминаниях написал, что встретив в жестокие морозы конвоируемую партию в летней одежде, послал телеграмму губернатору с просьбой найти транспорт для их перевозки. На следующий день М. Новомейский встретился с военным губернатором А. И. Кияшко, который «поблагодарил [...] за телеграмму и сказал, что уже отдал приказание перевезти ссыльных на санях»³.

В обязанности военного губернатора входило и проведение инспекционных поездок для проверки условий содержания и состояния здоровья ссыlnокаторжных⁴. Если обнаруживалось, что порядок содержания арестантов не соответствует требованиям закона, губернаторы пытались пресечь это соответствующими распоряжениями, хотя подобные старания были наивны и

¹ Циркуляр военного губернатора Забайкальской области по тюремному комитету № 175 от 26 августа 1885 г. // Забайкальские областные ведомости. 1885. № 36.

² Вечер. 1908. 20 (7) авг. // Газетные старости. URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=8&y=1908> (дата обращения 12.04.2014)

³ Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим, 1979. С. 154–156.

⁴ Кальмина Л. В., Малыгина О. А. «Блюститель неприкосновенности»: институт военного губернатора Забайкальской области. Улан-Удэ, 2017. С. 90.

потому безрезультатны. Показателен пример попытки ликвидации военным губернатором Я. Ф. Барабашем процветавшего в каторжных тюрьмах Забайкалья «майदानа», который А. П. Чехов охарактеризовал как «игорный дом, маленькое Монте-Карло, развивающее в арестанте заразительную страсть к штоссу и другим азартным играм»¹. Губернатор искренне полагал, что циркуляром по тюремному комитету с требованием «уничтожить существующие в тюрьмах [...] «майданы»², он в один момент ликвидирует явление, складывавшееся годами.

Уже в 1870-е гг. военные губернаторы отчетливо понимали неэффективность каторжных работ как средства наставления преступника на путь истинный. «Положение ссыльнокаторжных и само устройство каторжных работ требуют коренного изменения, – писал И. П. Педашенко в 1874 г. – В настоящее время каторжные работы не достигают ни карательной, ни исправительной цели [...]»³.

«Детский» вопрос

Предметом постоянного внимания забайкальской администрации в управлении ссылкой было содержание семей ссыльнокаторжных, участь которых была нелегкой. В отчете за 1890 г. военный губернатор Е. О. Мациевский писал: «Положение таковых семейств было крайне печально; нередко единственный работник сидит в тюрьме, а жена и дети без куска хлеба и без всякой возможности что-либо заработать»⁴. В отчетах практически всех военных губернаторов содержатся просьбы об открытии приютов для детей ссыльнокаторжных, больниц и богаделен для больных и дряхлых ссыльных. В частности, военный губернатор Н. П. Дитмар в сентябре 1871 г. пытался устроить приют для детей ссыльнокаторжных на Нерчинской каторге. Свои соображения о его необходимости он изложил в письме к директору Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел П. П. Косаговскому: «В Нерчинских заводах находится значительное число детей ссыльнокаторжных, которые за смертью их родителей, или их побегами, или, наконец, во время содержания в Тюремном заключении, лишены крова

¹ Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых заметок). М., 1895 . С. 256.

² Забайкальские областные ведомости. 1885. № 36.

³ ГАЗК. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 1339. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 2942. Л. 18.

и пропитания, и, кроме того, они, вращаясь в среде ссыльно-каторжных, увлекаются безнравственными примерами, впадают в разврат, которому особенно девочки предаются с ранних лет, оставив детей этих, без особого надзора и приюта можно ожидать из них будущих преступников, для предупреждения же этого необходимо на Карийском заводе, устроить приют, по крайней мере, на 90 детей обоего пола, но между тем на первоначальное устройство и ежегодное содержание, нет никаких средств». По подсчетам Дитмара, требовалась единовременная сумма 14,5 тыс. руб. на устройство собственно здания приюта и ежегодная в размере 8,5 тыс. руб. на его содержание¹. В 1873 г. ему все же удается «для призрения, воспитания и обучения детей ссыльнокаторжных устроить в Каре на Нижнем промысле приют, состоящий в ведении управления нерчинскими ссыльнокаторжными». Как впоследствии указывал М. П. Хорошхин, «учреждение это основано частным образом, с целью дать приют преимущественно сиротам и полусиротам родителей каторжного разряда [...]. Платы за помещение и обучения в приюте никакой не взимается и все живущие в нем дети состоят на полном иждивении приюта; приходящих нет. Дети (мальчики и девочки) обучаются в приюте грамоте в объеме курса начальных народных училищ. Летом посильно занимаются огородничеством. Детей в приюте призревается от 25 до 50. Содержание каждого, включая администрацию, обходится около 100 рублей»².

Ссылопоселенец как повинность

После выхода из тюрьмы ссыльнокаторжный оставался в области на правах ссылопоселенца, что не могло не вызвать недовольство местного населения, страдавшего от «наводнения» Сибири криминальным элементом. По оценке Н. М. Ядринцева, сибирский край выполнял тюремную повинность по содержанию преступников за целое государство, и вся тяжесть системы падала на одну часть населения империи – по преимуществу на сибирское крестьянство³.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 32. Д. 691. Л. 1, 7, 10.

² Хорошхин М.П. Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск. 1891. С. 115.

³ Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. Т. XII. С. 215–216.

Первый военный губернатор П. И. Запольский в отчете за 1852 г. писал: «Большая часть из них (ссыльных. – Авт.), потерявших однажды любовь к доброму и полезному, стремится постоянно к дурным наклонностям, и не одобрительными своими действиями располагает нередко и крестьян к предосудительным поступкам [...]. К оседлой же жизни привыкают не скоро, по исключительной наклонности к праздношатательству. Вообще же справедливость требует сказать, что класс поселенцев, населенных в Области, кроме вреда, порождаемого иногда вредными их действиями, мало приносит пользы в общем составе населения в Области»¹.

Кроме постоянной угрозы рецидива преступности и распространения на сибирские села нравов уголовной среды местное население страдало и материально: ссыльнопоселенцы с большим трудом включались в хозяйственную жизнь края, а вся повинность за них ложилась на местное население». А. Кейзерлинг в своих воспоминаниях писал: «Сельская община любого поселенца встречала хмуро, ведь если его приписывали к ним, и он оставался в деревне, то по истечению трех лет община должна была платить за него подушный налог. Как работники поселенцы никуда не годились, потому, что привыкли на ка-торге лодырничать, да и, будучи в большинстве горожанами, сельских работ не знали»². Проблема усугублялась неясностью порядка налогообложения ссыльнопоселенцев – следует ли вычитать налоги из их пособия или получать на это средства от казны³ – и растущим числом престарелых, живущих на пособие поселенцев, которых к 1909 г. насчитывалось 157 чел. По мнению военного губернатора В. И. Косова, нуждающихся в пособии от Казны поселенцев было значительно больше, но недостаток средств не позволял всех содержать. Очень часто, указывал в отчете губернатор, «дряхлые ссыльнопоселенцы ложатся бременем на местное население, поддерживающее существование этих несчастных»⁴.

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 103. Л. 56.

² Кейзерлинг А. Воспоминание о русской службе. М., 2001. С. 51.

³ Кальмина Л. В., Малыгина О. А. «Блюститель неприкосновенности»: институт военного губернатора Забайкальской области. Улан-Удэ, 2017. С. 95.

⁴ Всеподданнейший отчет о состоянии Забайкальской области за 1910 г. НСБ РГИА. КПЗ № 10/1. С. 1.

Многие из ссыльных, не желая обзаводиться хозяйством, бродяжничали и перебивались случайными заработками. Если в 1880–1890-х гг. в Восточной Сибири среди крестьян-старожил насчитывалось лишь около 5 % бездомных, то среди ссыльных – более половины. Часть из них отправлялась на заработки в города и на различные промыслы, от 30 до 40 % ссыльных в Сибири постоянно находилось в бегах¹. Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин в отчете указывал, что ссыльнопоселенцы слабо поддаются контролю: «[...]в одной только Иркутской губернии из числящихся в ней 84 тысяч ссыльных[...] 60 тысяч считается в безвестной отлучке, а из остальных едва ли 9 тысяч живут, устроившись в местах причисления»².

Сведения о бежавших содержались и во всех отчетах военных губернаторов: «в безвестной отлучке» находилось от 3 530 ссыльных в 1902 г. до 5 711 – в 1910 г.³ О ходе поиска бежавших Забайкальскому военному губернатору докладывали в рапортах окружные начальники⁴. Однако сам розыск значительно затруднялся отсутствием четких описаний внешности бежавшего: очень часто разыскивали «Непомнящих и Ивановых с обыкновенным носом и ртом»⁵.

Поиск оптимальных путей решения проблем пребывания ссыльнопоселенцев в области был актуален для всех военных губернаторов. В отчете И. К. Педашенко за 1878 г. прозвучало мнение, что усилия, предпринимаемые для нормального устройства быта ссыльнопоселенцев не могут достигнуть желаемой цели, т. к. нет средств к устранению противодействующих причин: бессемейности преступников, их «нравственной испорченности и отсутствия привычки к тяжелому земледельческому труду»⁶. В отчете М. П. Хорошхина за 1889 г. прозвучала мысль, что выросшее в десятки тысяч поселенческое население, оторванное от прежней обстановки, испорченное нравственно и физически во время пребывания на этапах, в пути и в тюрьмах,

¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 282.

² Всеподданнейший отчет Иркутского военного генерал-губернатора за 1896–1898 гг. Б. м., б. г. С. 47.

³ Всеподданнейший отчет Военного губернатора Забайкальской области за 1902 г. НСБ РГИА. КПЗ № 5. С. 1; Всеподданнейший отчет Военного губернатора Забайкальской области за 1910 г. НСБ РГИА. КПЗ № 21. С. 1.

⁴ ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 18. Л. 17–18.

⁵ Восточное обозрение. 1884. № 3. С. 13.

⁶ ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 1611. Л. 3.

стало язвой, разъедающей край, неизлечимую болезнью, истощающей население¹.

Военный губернатор М. И. Эбелов считал, что из-за значительного числа ссыльнопоселенцев, ежегодно прибывающих из тюрем Нерчинской каторги, «Забайкальская область находится в исключительных условиях развития преступности среди населения»². В. И. Косов в отчете за 1910 г. поддержал своего предшественника: «Вопрос о положении ссыльнопоселенцев в Забайкалье обостряется с каждым годом [...] поселенцев [...] прибывает с каторги ежегодно от 600 до 700 чел. Большая часть из этого числа, не будучи совершенно пригодна к земледельческому труду и не находя на местах водворения заработков, естественно стремится уйти оттуда [...] население само радо избавиться от этого элемента и не препятствует уходу поселенцев. Результат этого – постоянное пополнение кадрами преступников в городах и больших селениях и не прекращающееся увеличение числа преступлений»³.

Следует заметить, что от общения с политическими ссыльными администрация области не опасалась «нравственного разложения» населения – при всем осознании их опасности для государства. Напротив, при недостатке в области образованных людей военные губернаторы охотно использовали образовательный и духовный потенциал политических ссыльных при решении региональных задач. Однако ситуацию в области «делала» уголовная ссылка, отношение к которой у всех губернских «начальников» было резко отрицательным.

Тщетные попытки

По мнению военных губернаторов Забайкалья, уже к середине XIX в. ссылка, исчерпавшая свой колонизационный потенциал, стала обременительным фактором для региона, и в своих отчетах они пытались донести до имперского правительства тезис о необходимости ее отмены. В отчете за 1889 г. М. П. Хорошхин обращался к императору: «Повергаю на милостивое воззрение Вашего Величества указаний на другое из могучих средств для

¹ ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 2811. Л. 46.

² Всеподданнейший отчет Военного губернатора Забайкальской области за 1907 г. НСБ РГИА. КПЗ № 13. С. 5.

³ Всеподданнейший отчет военного губернатора Забайкальской области за 1910 г. НСБ РГИА. КПЗ № 21. С. 2.

поднятия края: это на отмену или ограничения ссылки в Забайкалье. [...] тот день, в который милостью Вашего Величества ссылка в Забайкалье будет отменена или ограничена, будет радостным днем для края не только в ближайшие времена, но и для многих, многих последующих поколений»¹. Обратив внимание вышестоящих на «затруднительное положение» выходящих на поселение каторжников и «переполненность некоторых волостей ссыльнопоселенцами», военный губернатор В. И. Косов ставил вопрос о «коренном изменении» способа колонизации Забайкалья, без участия в этом бывших преступников².

По мнению военного губернатора В. И. Маркова, каторга в Забайкальской области нужна была в то время, когда область имела столь малую численность населения, что для разработки горных богатств нельзя было найти вольных рабочих на месте, а доставка их из внутренней России была слишком затруднительна и дорога. К началу XX в., подчеркивал военный губернатор, условия эти изменились, и существование каторги в пограничном с Китаем Нерчинско-Заводском районе «представляется опасным анахронизмом». Наш восточный сосед, доказывал В. И. Марков, «уже не тот, каким он был сравнительно недавно», и «непосредственное соседство» каторжной колонии с китайскими владениями в случае военных осложнений создаст весьма серьезную опасность: в тылу и на флангах действующей армии окажется до 3,5 тыс. тяжких уголовных и политических преступников. И если во внутренних губерниях, по мнению военного губернатора, время для ожидания законодательного решения вопросов каторги и ссылки еще есть, то нельзя сказать того же в «отношении пограничной области, какой является Забайкальская. Никому не известно, когда прочность нашего положения в этой области может подвергнуться тяжкому испытанию»³.

Однако предложения губернаторов последствий не имели. Забайкалье, избранное для каторги и ссылки еще в XVII в., оставалось «ссылным местом» и в начале XX в. Все время существования губернаторского правления обеспечение исполнения наказания сосланных в Забайкалье, управление каторгой

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 2811. Л. 46 об.

² Там же. Д. 2942. Л. 18.

³ Всеподданнейший отчет Военного губернатора Забайкальской области за 1908 г. НСБ РГИА. КПЗ. № 34. С. 11.

и ссылкой в регионе, ее обустройство в соответствии с действующим законодательством оставалось одним из важнейших направлений деятельности военного губернатора Забайкальской области и неотъемлемой частью системы управления регионом.

УДК 351.74(571.5)

Коновалова О. В., Красноярск

Полицейская стража в правоохранительной системе Енисейской губернии в начале XX в.

Аннотация. На основе научной литературы и архивных материалов в статье рассматривается специфика формирования полицейской стражи в Енисейской губернии в 1916–1917 гг. Экстренное создание полицейской стражи в Енисейской губернии проходило в сложных исторических условиях Первой мировой войны, обострения социально-политической ситуации. В процессе складывания нового полицейского института региональные власти столкнулись с множеством проблем, разрешить которые не удалось.

Ключевые слова: полицейская стража, Енисейская губерния, полиция Российской империи.

Kononova O. V., Krasnoyarsk

Police guards in the law enforcement system of the Yenisei province in the early XX century

Summary. The article discusses the specifics of the formation of the police guard in the Yenisei province in 1916–1917 on the basis of scientific literature and archival materials. The Emergency creation of the police guard in the Yenisei province took place in the difficult historical conditions of the First world war, the aggravation of the socio-political situation. The regional authorities faced many problems in the process of forming a new police institution, but they could not be solved.

Keywords: police guard, Yenisei province, police of the Russian Empire.

Становление и развитие полицейского аппарата в Российской империи на территории Сибири всегда имело свою специфику, которая была связана со многими факторами, в том числе географической удаленностью региона от политического центра, небольшой плотностью населения, ролью в системе исполнения наказания в отношении преступных элементов и т. п. В силу этого многие преобразования на территории Сибири проходили позже, чем в центральных регионах. Так, полицейская реформа, проводившаяся в стране в 1862 г., до Сибири «дошла» через пять лет. 12 июня 1867 г. был принят «Высочайше утвержденный штат полицейских управлений в Сибири». В нем говорилось о преобразовании полиции и об упразднении общих окружных управлений в Сибири. Городская полиция и земские суды объединялись в одну структуру и назывались окружными полицейскими управлениями, им подчинялись городские и другие поселения, находящиеся в пределах округа. Исключение составляли губернские города, например, Красноярск, где сохранялась отдельная городская полиция. 28 декабря 1867 г. все земские исправники, городничие и окружные начальники получили распоряжение губернатора Енисейской губернии упразднить с 1 января 1868 г. существовавшее общее окружное управление, земскую и городскую полицию и открыть Красноярское отдельное городское полицейское управление и все окружные полицейские управления (13, с. 45).

После реформы второй половины XIX в. правоохранные структуры Енисейской губернии были представлены: губернатором и губернским правлением, жандармскими подразделениями, городскими полицейскими управлениями, уездными полицейскими управлениями. Губернатор являлся представителем высшей власти в губернии, начальником губернии, одновременно отвечая перед Министерством внутренних дел (МВД) за безопасность и правопорядок на вверенной ему территории, подчинялся Иркутскому генерал-губернатору. Генерал-губернаторы не входили в состав МВД, но были наделены широкими полицейскими полномочиями. Губернатор через губернское правление осуществлял общее руководство полицией над подве-

домственными им территориями, выполнял функции надзора и управления, назначал на должности, представлял к наградам.

В 1902 г. Сибирский жандармский округ был упразднен, а вместо него создавались губернские жандармские управления. Енисейское губернское жандармское управление (ЕГЖУ) состояло из центральной канцелярии в губернском городе, жандармских пунктов в уездах губернии. В 1907 г. численность чинов ЕГЖУ достигла 35 чел. По данным Д. А. Бакшта, в Красноярске находились 2 офицера, 1 вахмистр и 15 унтер-офицеров; в Канске – 3 унтер-офицера. Помощники начальника жандармского управления находились в Енисейске и Минусинске (4, с. 63).

В губернских городах начальником полиции являлся полицмейстер, он получал права и содержание равное содержанию уездного исправника. Красноярское полицейское управление возглавлял полицмейстер, ему подчинялись два частных пристава, четыре квартальных надзирателя и брандмейстер, в ведении которого находилась борьба с пожарами, обеспечение противопожарной безопасности. Квартальные надзиратели осуществляли надзор за четырьмя участками города. Нижним звеном полицейского аппарата в городе являлись посты городских.

Уездные полицейские управления возглавлял уездный исправник, который являлся начальником всей уездной полиции. Ему по штату был положен помощник. Денежный оклад исправника составлял 1500 руб. в год, помощника 1000 руб., не считая дополнительных выплат за квартирное довольствие, отопление и освещение. Центром полицейской деятельности на местах был становой пристав, его годовой денежный оклад был такой же, как у участкового пристава в городе и составлял 600 руб. (8, с. 28–29). В подчинении станового пристава находились конные и пешие урядники, а также выборные сотские из числа местного населения в участках стана, десятские – в селениях.

Как видим, несмотря на преобразования, полицейская система Российской империи сохраняла архаические черты. Со средневековых времен оставалась десятичная система деления населения на десятки, сотни дворов и на население возлагалась полицейская повинность. Не случайно пользовавшийся большой поддержкой горожан Красноярский городской голова Павел Яковлевич Преин, 28 февраля 1868 г. в докладной записке губернатору Енисейской губернии поднял вопрос об освобождении

красноярских мещан от обязанностей полицейских служащих (десятских, сотских). Это свидетельствовало, на наш взгляд, о том, что институт десятских и сотских не только сохранялся в сельской местности, но в Сибири функционировал и в городах. Представляет интерес аргументы, которые приводил Пре́йн губернатору. Во-первых, отмечал он, полицейская повинность не регламентирована никаким современным законом; во-вторых, «мещане долго заняты не своим делом, они не имеют никаких занятий и служат безвозмездно обществу», поэтому «едва оплачивают подати и повинности» (1).

Практически Павел Яковлевич акцентировал внимание губернатора на то, что институт сотских и десятских давно устарел, его существование противоречит интересам как общества, так и государства. Ускорившийся после отмены крепостного права процесс перехода от традиционного общества к современному, связанный с дифференциацией труда и его профессионализацией, ставил на повестку дня вопрос об упразднении архаического института сотских и десятских и создание профессиональной структуры полицейских служащих на местах, работающих по найму.

Однако пока основная масса населения Российской империи – крестьянство оставалось лояльно властям, практической целесообразности ликвидации архаического института не было. Власти ограничились тем, что в 1878 г. ввели новую полицейскую единицу на местах – полицейского урядника, подчинявшегося становому приставу и непосредственно руководившего сотскими и десятскими. В Сибири институт полицейских урядников повсеместно был введен с 1 августа 1902 г.

Только рост протестного движения и распространение революционных настроений в начале XX в. заставил власть имущих вернуться к этому вопросу. В условиях революционной ситуации пришлось создавать на местах практически военизированную структуру полицейской стражи по подавлению крестьянских выступлений. Институт полицейской стражи в Российской империи стал формироваться в соответствии с законом от 5 мая 1903 г. «Об учреждении полицейской стражи», согласно которому в 46 российских губерниях ликвидировались должности сотских и полицейских урядников, создавалась уездная полицейская стража. Она состояла из урядников и стражников

(конных и пеших). В период Первой российской революции полицейская стража действовала в 50-ти губерниях, численность конных команд доходила до 50 % штатного состава, а с февраля 1906 г. организацию подготовки стражников передали в руки политической полиции – жандармерии под персональную ответственность начальников губернских жандармских управлений, которым присваивалось звание губернского инспектора полицейской стражи. В ряде городов учреждались школы стражников (9).

Социальной опорой власти в деле создания и функционирования полицейской стражи в Европейской части России являлись помещики. Может быть поэтому, в связи с их отсутствием, создание подобной структуры в Сибири откладывалось до 1908–1909 г. и связывалось с проведением по плану П. А. Столыпина широкой полицейской реформы, которая должна была упорядочить структуру и функции полицейского аппарата в стране. Однако в связи с убийством Столыпина полицейская реформа и решение вопроса о введении стражи в Сибири было отложено на неопределенное время.

В начале XX в. Красноярск продолжал оставаться центром Енисейской губернии, которая представляла собой регион с обширными, но слабозаселенными и малоосвоенными территориями. В состав губернии входили Ачинский, Енисейский, Канский, Красноярский и Минусинский уезды, Туруханский край и Усинский пограничный округ. Динамичное развитие региона на рубеже XIX–XX вв., активная переселенческая политика П. А. Столыпина способствовали увеличению численности населения. С 1897 г. по 1917 г. количество проживавших в губернии увеличилось практически в 2 раза: с 570 161 чел. до 1 118 700 чел. По территории губернии население распределялось неравномерно. В Туруханском крае, составлявшем 75 % всей площади губернии, проживало только 2 % населения. Наиболее заселенными к 1917 г. были Канский и Минусинский уезды, численность жителей которых составляла соответственно 30,8 % и 31,6 % населения губернии. В Ачинском уезде проживало 21,7 %; Красноярском – 11,1 %; Енисейском – 4,8 %. В Усинском пограничном округе насчитывалось до 5 тыс. человек (0,4 %). В Красноярске проживало 70 327 чел., что составляло 60,5 % городского населения губернии и 6,3 % от общего числа ее

жителей. В уездных центрах насчитывалось: Канск – 15 032 чел. (13 % от проживавших в городах); Минусинск – 12 807 (11 %); Ачинск – 11 000 (9,5 %); Енисейск – 7 073 (6 %). В целом удельный вес городских жителей в губернии составлял 10,4 % (11; 6, С. 13–14).

Высшее должностное лицо Енисейской губернии – губернатора – назначали из Петрограда. С декабря 1915 г. эту должность занимал Яков Георгиевич Гололобов, бывший член Государственной думы от партии октябристов. С марта 1916 г. пост Иркутского генерал-губернатора занимал Александр Иванович Пильц. Абсолютное число чиновников губернской администрации с 1893 г. к 1915 г. увеличилось на 40 % и составило 302 чел. (по линии МВД – 64 чел.). Однако по отношению к количеству проживавшего населения Енисейской губернии, количество чиновников на 1000 чел. населения губернии сократилось с 0,43 до 0,27. По данным Т. Г. Карчаевой, особенностью кадровой составляющей управленческого аппарата Енисейской губернии являлся самый низкий рост числа государственных служащих, не только по отношению к центральным, но и сибирским губерниям, а также, как видим, «наличие убывающей динамики относительного числа чиновников Енисейской губернской администрации» по отношению к быстро растущему населению региона (7, с. 45–47, 148, 173, 194–195). Все это свидетельствовало, по нашему мнению, о растущей «недоуправляемости» губернии.

Вопросами крестьянского управления в губернии занималось созданное в 1882 г. губернское по крестьянским делам присутствие. В 1898 г. в Сибири был учрежден институт крестьянских начальников, которые могли отменять решения крестьянских сходо́в, смещать выборных лиц, налагать штрафы, разбирать крестьянские споры, контролировать собираемость податей. В губернии был назначен 21 крестьянский начальник. Управление населением уезда осуществлял уездный съезд крестьянских начальников. Волостная администрация состояла из волостного старшины, волостного заседателя и волостных судей. Сельскую администрацию представляли староста, сборщик податей и деясские (6, с. 20).

С 1880-х гг. на территории Восточной Сибири действовал институт надзирателей за политическими ссыльными. В 1916 г. в Енисейской губернии на службе состояли 103 полицейских

надзирателя. Их полномочия по отношению к поднадзорным определялись Уставом о ссыльных 1909 г., «Инструкцией чинам полиции по наблюдению за ссыльнопоселенцами, осужденными за государственные преступления» от 15 августа 1914 г. и «Временной инструкцией полицейским надзирателям по наблюдению за политическими ссыльными» 1916 г. (6, с. 23–24).

После Первой российской революции расширялись штаты политической и общеуголовной полиции. В декабре 1906 г. в составе политической полиции в регионах стали создаваться районные охранные отделения (РОО) и розыскные отделения и пункты. Центром Сибирского РОО стал Иркутск. Первый состав Красноярского розыскного пункта (КРП) составлял 15 человек. В 1914 г. РОО были упразднены. В соответствии с законом от 6 июля 1908 г. «Об организации сыскной части» при уездных и городских полицейских управлениях открывались сыские отделения. В Красноярске были создано сыское отделение третьего разряда, в штат которого входило 8 человек: начальник отделения, два надзирателя и пять городских (4, с. 63–65; 6, с. 22–23).

В период Первой мировой войны резко ухудшилось социально-экономическое положение основной части населения губернии. На фоне увеличения продолжительности рабочего дня снизилась реальная зарплата рабочих Сибири по всем отраслям, а цены на основные продукты питания и предметы первой необходимости значительно выросли. Среди рабочих на предприятиях Красноярска, Ачинска, Канска и золотых приисках губернии прокатилась волна стачек. В условиях продолжавшейся войны крестьяне все чаще выступали против реквизиций скота для армейских нужд, их протесты принимали активную форму. Справиться своими силами местное начальство не могло. Так, в 1916 г. для подавления выступления крестьян в Рыбинской волости Канского уезда были использованы воинские части (10, с. 202–203). Однако военные уже не являлись безоговорочно надежной силой власти: по сведениям жандармского управления, «среди многочисленного гарнизона Красноярска царило общее и серьезное недовольство» (5, с. 64; 6, с. 17–18).

Следует учесть, что к этому времени в губернии имелись такие категории населения, как беженцы, переселенцы, политические ссыльные, которые, с точки зрения политической благо-

надежности, являлись «группами риска» и могли выступить не только катализирующей, но и организационной силой революционного движения. Все вместе, с брожением и недовольством среди военнотружеников Красноярского гарнизона, являлись тревожными симптомами для власти.

В связи с нарастанием кризисной ситуации имперские власти приняли решение о создании нового полицейского института в Сибири. 1 октября 1916 г. было утверждено Положение Совета министров «О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамурского края». Оно предусматривало создание уездной полицейской стражи и ликвидацию должностей полицейских урядников и сотских на территории Енисейской губернии с 1 ноября 1916 г., за исключением Енисейского уезда и Туруханского края.

По согласованию с МВД численность стражи к 29 октября 1916 г. была определена в количестве 455 чел. Из них старших урядников – 5, младших урядников – 51, стражников пеших старших – 26, младших пеших стражников – 240, конных стражников – 133. В данном случае при определении численности стражи исходили из нормы один стражник на 2000 населения (в европейской части на 2500 чел.). Следует отметить, что эти нормы были определены МВД еще в 1908–1909 гг. Тогда же, после изучения предложений центрального аппарата, губернатор Енисейской губернии в письме Иркутскому генерал-губернатору подчеркивал, что, исходя из больших размеров территории и маленькой плотности населения, «уездные исправники высказали предложение увеличить состав пеших стражников из расчета одного стражника на 1500 чел.». В этом случае с учетом количества населения в губернии на 1 января 1909 г. региональные власти считали необходимым назначить 73 урядника, 468 пеших стражников и 234 конных, т. е. всего 775 чел. (12, с. 118, 115–116). В 1916 г. численность населения губернии значительно выросла, а штат стражников определили явно в недостаточном количестве – всего 455 чел.

К 31 октября 1916 г. распределен штат стражников по уездам губернии. Самое большое количество стражников предполагалось набрать в самых густонаселенных уездах губернии – Канском и Минусинском – соответственно 147 чел. (32 % от общей численности стражников) и 142 чел. (31 %). В Ачинском уезде

штат должен был составлять 109 чел. (24 %). На Красноярский уезд приходилось 57 стражников или 13 % от общего количества полицейской стражи в губернии (3, л. 1, 3; 12, с. 118).

При формировании, а потом и функционировании полицейской стражи в регионе местные власти столкнулись сразу с весьма предсказуемой проблемой – катастрофической нехваткой штата высшего звена стражи – полицейских урядников. Количество урядников по предлагаемым МВД штатам оказалось практически в два раза меньше установленной в европейской части страны нормы. По норме – один урядник на волость, а в штате Енисейской губернии – 56 урядников на 110 волостей в 4 уездах, где вводился новый полицейский институт. Следует иметь в виду, что урядники уполномочены были не только осуществлять контроль и руководство над конными и пешими стражниками, но только они могли оформлять протоколы и др. нормативные акты. Такого права не имели др. категории стражников.

Осуществление этого права оказалось весьма затруднительным в Енисейской губернии, как по времени, так и по расстоянию, поскольку приходилось ждать пока урядник сможет переехать из одной волости в другую. Не случайно уже в ноябре-декабре 1916 г. уездные исправники обращались с рапортами к вышестоящим властям об увеличении штатов урядников. 1 ноября 1916 г. исправник Минусинского уезда сетовал, что волостей в уезде 35, а урядников всего 15 (3, л. 56). 22 декабря 1916 г. исправник Канского уезда предлагал учредить в уезде еще 8 должностей урядников, а в 5-ти волостях передать полномочия урядника пешим стражникам (3, л. 185). 24 декабря исправник Красноярского уезда настаивал на необходимости увеличения количества урядников за счет уменьшения численности младших стражников и даже обосновывал это материальной выгодой. В уезде 19 волостей, а урядников всего 9, нужно еще 10 урядников, на их содержание потребуется 8 290 руб. в год. Эти средства можно найти за счет сокращения должностей 16 младших стражников (3, л. 183–183 об.). 31 декабря исправник Ачинского уезда рапортовал, что «обменявшись мнениями с подведомственными мне становыми приставами, я нахожу для дела наиболее полезным увеличить число урядников за счет уменьшения пеших полицейских стражников» по прин-

ципу один урядник на каждую волость. При этом подчеркивал, что возложение функций урядников на наиболее грамотных и смышленных стражников невозможно, «так как по закону они не уполномочены на составление актов» (З, л. 194–194 об.).

Другой предсказуемой проблемой стало само экстренное комплектование штата полицейской стражи. Задача ускоренного формирования полицейской стражи в регионе стояла настолько остро, что по предписанию генерал-губернатора уездным исправникам необходимо было представлять губернатору, а тот в свою очередь, генерал-губернатору, каждого 1 и 15 числа месяца сведения о составе уездной стражи (З, л. 39). К 15 ноября 1916 г. уездные исправники предоставили сведения о процессе комплектования полицейской стражи во вверенных им уездах. Если проблем с назначением на должность урядников не возникало, как правило, на эти должности назначались бывшие полицейские урядники, основную часть вакансий составляли должности стражников. Так, в Красноярском уезде штат урядников был полностью укомплектован, а из положенных по штату 48 стражников, на должность было назначено всего 10 чел. (З, л. 62). Согласно рапорту исправника Канского уезда, на должности в уезде назначены 18 урядников (штат полностью укомплектован), 44 – конных стражника (1 вакансия); 56 – пеших (28 вакансий), правда, многие из последних назначенных «на службу за отдаленностью мест постоянного их жительства еще не явились» (З, л. 63). По сведениям исправника Ачинского уезда Ситникова, штат урядников в количестве 14 чел. полностью укомплектован, а вот из 95 стражников на должность назначены: 23 – конных стражника (10 вакансий); 22 – пеших (40 вакансий) (З, л. 66–67). Хуже всего дела обстояли в Минусинском уезде. Исправник Цявловский телеграфировал губернатору 23 ноября: на службу поступило 14 урядников (1 вакансия. – *К. О.*); конных стражников – 15 (25 вакансий); пеших принято 18 (69 вакансий), «в декабре полагаю набрать всех» (З, л. 75). Таким образом, некомплект по губернии составлял 212 человек.

К 1 декабря 1916 г., по сведениям исправника Ачинского уезда, некомплект стражников составил всего 19 чел.; 15 декабря – 15 (4 – старших пеших, 6 – младших пеших и 5 младших конных). В Канском уезде остались некомплектованными 3 вакансии конных стражника и 4 вакансии старших пеших страж-

ников. В Красноярском уезде 1 декабря некомплект составлял 9 чел. К 15 декабря – штат был полностью укомплектован. Самая сложная кадровая ситуация оставалась в Минусинском уезде – к 1 декабря вакантными являлись: 1 должность урядника, 18 должностей конных стражников и 62 – пеших. К 15 декабря штат урядников укомплектован, осталось 10 вакансий конных стражников и 46 – пеших (З, л. 120, 151–151 об., 124, 147, 123, 152–152 об.).

Тем не менее, как видим, в ноябре – середине декабря 1916 г. процесс пополнения рядов полицейской стражи, казалось, приобрел положительную динамику. На 15 декабря некомплект составил всего 78 чел., то есть практически на 82 % штат полицейской стражи Енисейской губернии был укомплектован благодаря героическим усилиям губернатора и уездных исправников.

В конце ноября Иркутский генерал-губернатор поставил перед губернаторами новые задачи. В своем циркулярном письме от 19 ноября № 10802 он рекомендовал губернатору Енисейской губернии организовать процесс обучения стражников в части строевой подготовки и военному делу. Для этого предполагалось «собрать их в уездных городах, расквартировывая казарменно» под руководством специально приглашенного офицера. Обучение полицейскому делу должны были организовать «по прибытию стражников на место назначения» становые приставы. В отношении конной стражи в каждом уезде рекомендовалось назначить одного старшего конного стражника, на которого «возложить обязанности строевой подготовки», за что дополнительно ему выплачивать 100 руб. в год (З, л. 105–105 об.).

После получения таких предписаний, 1 декабря 1916 г. губернатор Гололобов подготовил циркулярное письмо № 28657 уездным исправникам Енисейской губернии. В нем указывалось: «Для создания в г. Красноярске особого отряда конных стражников, который, обслуживая самый город и ближайшие волости Красноярского уезда, будет в то же время служить резервом для всей губернии и при ком впоследствии может быть образована особая школа подготовки стражников, от каждого уездного отряда конных стражников назначается по 5-ти человек», эти 5 вакансий рекомендовалось не замещать, а если они уже были замещены, то предлагалось «командировать занима-

ющих их стражников – в Красноярск – в распоряжение Исправника». «Последнему немедленно озаботиться приисканием в городе соответствующего помещения для казарменного размещения отряда» (2, л. 4 об.). Для обучения стражников предлагалась «Примерная программа» (9).

Однако ситуация в корне изменилась к февралю 1917 г. В докладе губернатора Гололобова Иркутскому генерал-губернатору отмечалось, что по штату на 15 февраля некомплект составил уже 117 человек. Причины отрицательной динамики в процессе комплектования стражи в регионе в начале 1917 г. губернатор связывал, прежде всего, с «общим недостатком соответствующих на означенные должности кандидатов благодаря призыву значительной части населения в ряды войск». Однако помимо «этой общей причины», – пояснял он, – «контингент стражников, набранный преимущественно из категорий военнообязанных, быстро пошел на убыль с момента опубликования о последовавшей белобилетникам отсрочке поступления в войска». Поэтому, например, в Ачинском уезде, оставили службу 22 человека.

Все же главной причиной, как нам видится, явилось отсутствие должного финансирования института полицейской стражи. Губернатор подчеркивал: «стражники стали покидать службу еще и потому, что с 1 января текущего года, кредит для удовлетворения их жалованьем МВД еще не отпущен и чины стражи, не получая в течение всего этого времени жалованья – оставляют службу» (2, л. 7). В рапорте исправника Ачинского уезда от 22 декабря 1916 г. говорилось: «стражники уездной полицейской стражи содержанием не удовлетворены с 16 ноября с. г., почему испытывают крайнюю материальную нужду, особенно ощутительную вследствие непомерной дороговизны предметов первой необходимости и лишены возможности обзавестись обмундированием». Исправник обращался с просьбой к губернскому правлению «о возможно скорейшем ассигновании кредита на удовлетворение содержания стражи» (3, л. 182–182 об.). Перебои с ассигнованием кредита на содержание полицейской стражи, свидетельствовали либо об отсутствии таких средств у правительства, либо о невозможности вовремя организовать данные выплаты.

Однако дело было не только в правовых пробелах организации деятельности полицейской стражи, но и в отношении насе-

ления к формирующемуся институту полицейской стражи. Так, в рапорте исправника Красноярского уезда отмечалось что, «несмотря на сделанную им широкую публикацию о вызове лиц, желающих занять должности конных стражников, таковых не оказалось и потому отряд стражников в г. Красноярске пока не сформирован». В докладе иркутскому генерал-губернатору губернатор Енисейской губернии, приводя комментарии исправника Канского уезда, отмечал, что даже «при наличии соответствующих документов трудно предположить, что крестьянское население особенно в настоящее время, когда в среде его остались одни старики, женщины и подростки, с готовностью будет давать лошадей по первому требованию» стражников (2, л. 5).

С учетом сложившейся ситуации, подчеркивал исправник, «можно с уверенностью сказать, что стражники, отправляющиеся, например, для усмирения или предупреждения беспорядков, поимки преступников или конфискации тайных винокурен, при описанных условиях никогда своевременно на места назначения не поспеют и выезды их поэтому пользы не принесут; о какой либо конспирации при таких поездках, разумеется, не может быть и речи, о выездах стражи всегда будут осведомлены все, кому это знать не следует». Таким образом, делал он неутешительный и смелый вывод, «стража будет представлять из себя мало полезный, но дорогостоящий институт». Выход из сложившейся ситуации исправник Канского уезда и поддержавший его губернатор видели в «необходимости превращения пешей стражи в конную». «При замене же пеших стражников конными, хотя и пострадает численный состав стражи, но последняя выиграет в качественном отношении, будучи легко подвижной, несколько независимой от населения и в то же время способной успешно выполнять возложенную на нее задачу» (2, л. 5, 1–2).

Однако времени на обдумывание и реализацию этих, поступивших от региональных властей дельных предложений об усовершенствовании организационно-правовых, кадровых, материальных аспектов функционирования полицейской стражи, у правительства уже не было. Разразившаяся в феврале 1917 г. революция все расставила по своим местам.

Таким образом, запоздалое и поэтому экстренное создание полицейской стражи осенью-зимой 1916 г. в Енисейской губернии проходило в сложных исторических условиях – ведения войны,

обострение социально-политической ситуации. Запланированный МВД штат стражников в количестве 455 чел., из которых более 2/3 составляли пешие стражники и 56 урядники, не соответствовал потребностям губернии. Это сразу создавало дополнительные трудности в функционировании стражи и вызвало ответную реакцию со стороны уездных исправников. В своих рапортах вышестоящему начальству они настаивали на увеличении штатов урядников по принципу один урядник на одну волость и увеличении количества конных стражников за счет пеших. Эти предложения нашли поддержку губернатора Гололобова и о них он докладывал Иркутскому генерал-губернатору.

Вместе с тем формирование нового полицейского института не встретило поддержки со стороны населения губернии, что значительно осложнило процесс комплектования и функционирования полицейской стражи в регионе. Отсутствие должного финансирования, материального обеспечения, задержка в выплатах жалованья привели к массовому увольнению стражников к февралю 1917 г. К чести местных полицейских властей и губернатора, обо всех трудностях и проблемах они откровенно и своевременно докладывали генерал-губернатору и обращались с запросами в столицы. Однако их запросы и предложения во многом оставались без ответа. Настроение руководителей региона и полицейского аппарата, не получавших должной и своевременной поддержки от центральных властей, динамично менялось. На смену энтузиазму, самоотдаче делу приходили ощущения обреченности и безысходности...

Список литературы и источников

1. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 173. Оп. 1. Л. 1–2 об.
2. Там же. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1065.
3. Там же. Д. 1080.
4. Бакшт Д. А. Органы политического сыска в Енисейской губернии в период упадка российской монархии (1880–1917 гг.): монография / [Электронный ресурс]. Красноярск, 2016.
5. Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири. 1916 – февраль 1918. Новосибирск, 1978.
6. Дементьев А. П., Коновалова О. В. Органы власти и управления в Енисейской губернии в 1917–1918 годах : монография. Красноярск, 2018.
7. Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск, 2017.

8. Коновалов И. А. Организационно-правовое развитие полиции в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 4 (37).

9. Коновалова О. В. История создания полицейской стражи в Енисейской губернии в начале XX в.: организационно-правовые аспекты // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 189–195.

10. Красноярье: пять веков истории. Ч. I. Красноярск, 2005.

11. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 г. Красноярск, 1915.

12. Шитова Т. В. Изменение в деятельности полиции и полицейской стражи в Сибири в начале XX века / Т. В. Шитова // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник науч. трудов. Вып. 4 / отв. ред. докт. юрид. наук, проф. В. В. Пономарева. Красноярск, 2008. С. 104–122.

13. Шитова Т. В. Полиция в административной правоохранительной системе Сибири в XIX – начале XX вв. / Т. В. Шитова. Красноярск, 2006.

УДК 351.74(571.53)

Кузнецов М. Ю., Иркутск

Иркутская конвойная команда: страницы истории (1877–1918)

Аннотация. В статье рассматривается история создания и службы Иркутской конвойной команды. Данная воинская часть входила в состав местных войск Иркутской бригады, и в то же время являлось подразделением конвойной стражи. Подразделение имело двойное подчинение. Руководство осуществляли начальник Иркутской местной бригады и инспектор по пересылке арестантов в Восточной Сибири. Описано предназначение данной команды. Охарактеризованы особенности подбора молодого пополнения и система подготовки нижних чинов. Освещена тема служебной деятельности конвойной команды во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Ключевые слова: Иркутская конвойная команда, местная бригада, конвойная стража, инспектор по пересылке арестантов, этап, уездный воинский начальник.

Irkutsk convoy team: pages of history (1877–1918)

Summary. The article discusses the history of the creation and service of the Irkutsk convoy team. The division had double submission. The leadership was carried out by the head of the Irkutsk local brigade and inspector for the transfer of prisoners in Eastern Siberia. This military unit was part of the local troops of the Irkutsk local brigade, and at the same time was a unit of the convoy guards. The purpose of this command is described. The features of the selection of young recruits and the training system of the lower ranks are characterized. The theme of official activities of the convoy team during the Russo-Japanese War of 1904–1905 and World War I 1914–1918.

Keywords: Irkutsk convoy team, local brigade, convoy guard, inspector for the transfer of prisoners, stage, district military commander.

История Иркутской конвойной команды берет своё начало с Тальцинской этапной команды. Этапные команды в Иркутской губернии были созданы в начале 20-х гг. XIX в. в ходе реформирования этапной системы. Главную роль сыграл граф М. М. Сперанский. Он провел анализ состояния Восточной и Западной Сибири и приложил немало сил к подготовке и изданию Устава об этапах в Сибирских губерниях [23]. На основании данного Устава были созданы воинские подразделения (этапные команды), расписаны этапы, определен порядок передвижения [18].

В ходе военной реформы местного военного управления 1864 г. этапные (впоследствии конвойные) подразделения входили в состав местных войск. Этапные команды, предназначались исключительно для конвоирования пересыльных.

В период с 1822 по 1877 гг. в связи с отсутствием этапной команды для выполнения конвойной службы на этапы, расположенные вблизи столицы Восточной Сибири, назначались конвои от армейских подразделений, дислоцированные в г. Иркутск (Иркутского гарнизонного полка, городских казаков Иркутского полка (1822–1829), 13-го Сибирского линейного батальона (1829–1849), Иркутского гарнизонного батальона (1849–1864),

53-го Иркутского резервного батальона (1864–1876), Иркутского местного батальона 1876–1877).

Создание Иркутской конвойной команды

Иркутский местный батальон приказом по военному ведомству от 15 декабря 1877 г. был освобожден от препровождения арестантов по Главному Сибирскому тракту. Для выполнения данных обязанностей в том же приказе было указано, что в г. Иркутск переводится Тальцинская конвойная команда. После передислокации, команда была переименована в Иркутскую конвойную [26], этот день, по нашему мнению, можно и считать днем создания части.

Все конвойные команды Восточной Сибири в вопросах конвойной службы были подчинены инспекции пересылки арестантов. В прочих отношениях Иркутская конвойная команда, как и конвойные команды Иркутской губернии, находились в подчинении Иркутского губернского воинского начальника. На основе архивных материалов можно сделать выводы о реальном положении и состоянии Иркутской конвойной команды в первые годы её создания. Иркутский губернский воинский начальник генерал-майор А. П. Рева при инспекторском смотре в сентябре 1882 г. провел проверку частей местных войск Иркутского гарнизона, в ходе проверки были осмотрены: резервный батальон, конвойная команда, госпитальная команда, сборная команда, дисциплинарная рота и казачья конная сотня. Осмотрев 23 сентября Иркутскую конвойную команду, генерал-майор А. П. Рева дал следующую оценку подразделению майора Наумова:

На строевом смотре было представлено 3 унтер-офицера и 42 рядовых. Было замечено, что вид людей здоровый. Строевая выправка удовлетворительная, но нижние чины не умеют правильно поворачивать головы для встречи начальника. Строевые приемы несогласованные, шаг натянут. Гимнастика и фехтование на штыках «не совсем хорошо». Люди выглядят мешковато, в физическом отношении слабо развиты.

Результаты стрельбы при ясной хорошей погоде оценено – «слабо». Стреляло 21 человек на 200 шагов дали 17 % попаданий в цель и 18 человек на 800 шагов дали 8 % попаданий. Журнал стрельбы и листов отметок выстрелов начальником команды ведется правильно.

Караульная и конвойная служба без нареканий. Командная школа и библиотека в порядке, имеется достаточно книг для чтения, но при этом грамотность нижних чинов ниже среднего показателя по конвойным командам Иркутской губернии (8 человек из которых 3 малограмотны).

Обмундирование и снаряжение у нижних чинов в целом удовлетворительно. Солдаты имеют достаточно нательного белья, сапог у каждого по две пары. Теплая одежда для конвоиров в исправности. Казарма и помещения нижних чинов содержатся чисто. На каждого солдата в наличии имеются постельные принадлежности тюфяки, подушки, одеяла. Цейхгаузы в порядке. Пороховой погреб отсутствует, патроны и порох хранятся в командном цейхгаузе. Пища, хлеб и квас в день смотра были хороши.

Претензии от нижних чинов не поступало, люди ведут себя хорошо. Взысканий не было. Денежные суммы в наличии. На денежных книгах имеются ежемесячные свидетельства поверочной комиссии. В огороде выращен для команды картофель и капуста в достаточном количестве. Сена собрано 100 копен. Делопроизводство ведется довольно порядочно, согласно правилам и форм указанных в положении о хозяйстве в ротах (приказ по военному ведомству 1878 г. № 193) [8, л. 159].

Подготовка нижних чинов

При инспекторских смотрах и проверках вышестоящим начальством особое внимание обращалось на подготовку нижних чинов. Перед вводом в строй новобранец проходил одиночную подготовку в учебной команде при резервном батальоне, по итогам учебы сдавал экзамены по основным дисциплинам: чтение, арифметика, устройство войск, Закон божий, содержание здоровья, воинский уголовный закон, ручное окапывание, чистописание. По окончании учебы личный состав направлялся в свои подразделения.

По прибытии в команду новобранец «вливался» в воинский коллектив, проходя дополнительную подготовку в составе подразделения. Начальниками подразделений на период обучения (месяц) разрабатывались расписания занятий, которые имели свои особенности в зависимости от задач команды. Пристальное внимание во время занятий уделялось стрелковой подготовке. Её проводили под непосредственным руководством офицеров.

Как правило, стрельбу проводили на 100 шагов в одиночную мишень, время не ограничивалось, по четыре патрона стреляя стоя с подставки [10, л. 427 об.].

В случаях государственных, религиозных и полковых праздников занятия с нижними чинами не проводились. Нижних чинов направляли в церковь на богослужение, рацион питания старались улучшить.

К примеру: *«6 декабря 1891 г. по случаю дня Тезоименитства Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича во вверенной мне [Иркутской конвойной] команде занятий не производить, а свободных от службы нижних чинов уволить в церковь»* [9, л. 4].

Нижний чин Иркутской конвойной команды

Изменения в структуре управления

После убийства Александра II в России происходит усиление системы административных репрессий и увеличение числа арестантов и ссыльных. Небольшое количество воинских подразделений, предназначенных для их сопровождения, потребовали изменений в организации пересыльной системы [20, с. 37]. В 1885 г. было окончательно решено выделить из местных войск конвойные части и объединить их в отдельное формирование. Для реализации этой идеи 20 января 1886 г. Государственный совет Российской империи постановил в течение 1886 г. сформировать «Конвойную стражу».

Конвойная стража была создана как самостоятельная структурная часть местных войск для выполнения сугубо определенных задач. В приказе по Военному ведомству от 16 мая 1886 г. определено: *«На обязанности конвойной стражи возложить:*

сопровождение арестантов всех категорий, пересылаемых этапным порядком по трактам Европейской России и Главному ссыльному Сибирскому тракту; сопровождение арестантов в пределах населенных пунктов в административные и судебные учреждения в случаях, законом предусмотренных; сопровождение арестантов гражданского ведомства на внешние работы и в присутственные места; содействие тюремному начальству при производстве внезапных обысков и подавлении беспорядков в местах заключения; наружную охрану тюрем там, где это будет признано необходимым...» [24, 26].

Конвоирование партии арестованных

Все организационные мероприятия, связанные с реализацией реформы, возлагались на Военного министра с участием министра внутренних дел. Оба министра совместно распределяли офицерские кадры конвойной стражи, определяли места дислокации конвойных команд, они же издавали правила относительно порядка несения службы. Денежное содержание подразделений осуществлялось из средств Министерства внутренних дел. Непосредственным руководителем конвойной стражи являлся Главный инспектор по пересылке арестантов (он же являлся и начальником этапно-пересыльной части Главного штаба). Кон-

войные команды по административной и хозяйственной части подчинялись губернскому воинскому начальству, а по обязанностям конвойной службы – Главному инспектору и Инспектору по пересылке арестантов в Восточной Сибири [36, с. 2].

Приказом по Военному ведомству от 24 марта 1889 г. были определены положения об изменении устройства местных войск в Иркутском военном округе. В ходе изменения в организации военного управления был образован *«в Иркутском военном округе район 27-й местной бригады из губернии Иркутской и Енисейской и Якутской области, возложив обязанности начальника этой бригады на начальника окружного штаба Иркутского военного округа»*, кроме этого, в уездах были учреждены Управления уездных воинских начальников, а должность Иркутского губернского воинского начальника была упразднена.

Очередные изменения в структуре управления конвойных команд в Иркутском военном округе произошли в 1895 г. 27-я местная бригада была переименована в Иркутскую, а Главное тюремное управление было передано из Министерства внутренних дел в состав Министерства юстиции [25].

В Российской империи происходил процесс укрепления и усиления конвойной стражи. Требования по изменению организации службы конвойных команд нашли отражение в нормативно-правовых документах Военного ведомства [40, 41]. С 1900 г. началось постепенное обеспечение конвойных команд 3-линейными винтовками обр. 1891 г. и к 1 января 1903 г. конвойные команды Иркутской местной бригады были полностью перевооружены новым оружием [39].

Несение службы в конвойных командах считалось более сложным и ответственным делом, лиц, не справляющихся с данными обязанностями, повсеместно переводили в местные команды или резервные батальоны. По указанию начальника Главного штаба генерал-адъютанта В. В. Сахарова в октябре 1902 г. ужесточен порядок комплектования конвойных команд, содержащий следующие требования: направлять в конвойную стражу новобранцев с хорошим зрением и крепкого телосложения; евреев не брать, дворян не назначать; если новобранец будет признан физически неполноценным, то отправлять его в конвойную команду того уезда, откуда он был призван [43, с. 295].

Перевозка арестантов железнодорожным транспортом

Строительство Сибирской железной дороги шло быстрыми темпами. Руководству конвойной стражи предстояло серьезно подготовиться к организации перевозок арестантов новым видом транспорта [43, с. 281]. В 1897 г. учреждена перевозка арестантов и всех пересылаемых этапным порядком нижних чинов сначала до Красноярска, а потом и далее, до Канска, взамен прежнего пешего их препровождения по главному ссыльному Сибирскому тракту, что упростило задачу конвоирования заключённых. Отправление из России в Сибирь партий ссыльных и каторжан следовало совершать исключительно по Сибирской железной дороге [19]. В 1900 г. началось движение по Байкальской железнодорожной переправе связавшей берега Байкала, после чего пешее движение арестантских партий по Главному Сибирскому тракту отменялось, все этапы и полуэтапы были закрыты [22, с. 25]. Арестантские этапы передвигались по железной дороге в строго отведенные дни, по преимуществу, один раз в неделю [15].

Русско-японская война 1904–1905 гг.

В условиях обострения военной опасности на Дальнем Востоке, в ходе инспекции войск Сибирского военного округа, Иркутскую конвойную команду посетил Военный министр генерал-адъютант А. Н. Куропаткин, осмотрев подразделение, высокий гость остался доволен [1].

Русско-японская война 1904–1905 гг. наложила дополнительные задачи на личный состав Иркутской конвойной команды. Выполняя требования приказов Командующего войсками Сибирского военного округа № 212 от 15 июня 1904 г. и предписаний начальника Иркутской местной бригады, начальник Иркутской конвойной команды подполковник М. П. Гудим, в целях повышения эффективности обучения в Иркутском запасном батальоне, направил подготовленных унтер-офицеров для проведения занятий с запасными и ратниками ополчения. В целях недопущения диверсий, саботажа и беспорядков с первых месяцев войны началась депортация в Европейскую Россию китайцев, корейцев, японцев из тех районов Маньчжурии, которые находились на военном положении. Большей частью это были лица, «сочувствующие» новой японской администрации. Обязанности по этапированию данного контингента также были возложены на конвои Иркутской команды.

Революция 1905 года

С окончанием Русско-японской войны отмечается падение дисциплины в русской армии. Свою немалую лепту в это внесли революционеры, которые занимались активной агитацией и пропагандой. Революционные события 1905 г. по-своему отразились в подразделениях Иркутской местной бригады. Рядовые и унтер-офицеры стали объектом революционной агитации. Многие из них, поддавшись на «красивые и заманчивые» беседы пропагандистов, выступили на стороне революционных масс [42]. В итоге по Иркутской губернии в ноябре 1905 г. в армейских подразделениях прошли стихийные волнения: 12 ноября беспорядки случились в Александровской местной команде; 24 ноября забастовали две сотни казачьего дивизиона [38, с. 178]; 27 ноября напряженная ситуация возникла в частях Иркутского гарнизона. Военное управление приняло жесткие меры, зачинщики были арестованы. 29 ноября в 1-м и 2-м Сибирских запасных батальонах, Иркутском казачьем дивизионе, учебной команде и Иркутской конвойной команде была объявлена мирная забастовка с оружием в руках. Выдвинуты незаконные политические и экономические требования к исполняющему обязанности генерал-губернатора генерал-майору П. П. Ласточкину [16]. 30 ноября группа солдат, казаков и посторонняя публика направилась к Управлению Иркутского уездного воинского начальника, где, ворвавшись на гауптвахту, освободила всех ранее арестованных, при этом похитив из цейхгауза Иркутской конвойной команды 48 винтовок и все патроны к ним [17, с. 328].

«Революционная лихорадка» в Восточной Сибири продолжалась до середины января 1906 г., до прибытия поезда генерала барона А. Н. Меллер-Закомельского, который жестким способом навел порядок.

Усиление требований к конвойным подразделениям

После поражения в войне у конвойных команд выросла служебная нагрузка. В караулы назначались порой через сутки. Несение караульной службы, таким образом, выбивало подразделения из нормальных условий.

Призыв новобранцев в конвойные команды осуществлялся на общем основании, но при этом к призывному контингенту предъявлялись дополнительные требования: знание русского

языка 100 %; грамотность должно быть не менее 50 %; ино-родцев назначать в исключительных случаях, но не более 30 %; предпочтение рослым и крепким физически; отсутствие судимости; евреев, армян и фабричных рабочих кроме того рекомендо-валось не назначать [29, л. 27–28 об.]. Солдат конвойной стражи готовили по допол-нительной программе сро-ком шесть недель [30, л. 83 об.]. Подготовка проходила в подразделении.

При проверках команд вышестоящим руковод-ством на строевую подго-товку всегда обращалось пристальное внимание. Ре-зультаты проверки началь-ником Иркутской местной бригады отражены в при-казе от февраля 1908 г.: «Я [начальник бригады] посе-тил 3-й взвод Иркутской конвойной команды /Куз-нецкая улица/. Люди все в командировке и в казарме находится только один де-журный и двое оставшихся от командировки были на

строевых занятиях вместе с остальными на Преображенско-му плацу. В помещениях чистота и порядок. Занятия прово-дились под руководством фельдфебеля. Офицеров на занятиях не застал, впрочем, начальник команды пришел, а младшего офицера так и не видел который по заявлению начальника ко-манды по делам службы отправился к смотрителю тюремного замка. В общем мной замечено, что гг. офицеры к строевым за-нятиям с нижними чинами относятся не с должным внимани-ем, знанием и любовью. На что обращаю внимание начальника команды и предупреждаю, что такое отношение не допусти-мо» [11, л. 59].

Охрана транспорта

Несмотря на то, что призывной контингент конвойной стражи проходил особый отбор, все же в команду нередко попадал личный состав, склонный к нарушениям и преступлениям. Так, «9 февраля [1908 г.] около 5-ти часов по полудни во время дневки в селе Хомутово [Иркутский уезд, Иркутской губернии] обратно без арестованных, конвой Иркутской конвойной команды, начальник конвоя младший унтер-офицер Николай Полканов, пригласив с собой рядовых Петра Козина и Фрола Сафронова, отправился с ними выпивать в местную мелочную лавку, где встретил неизвестных там лиц, они начали с ними пить водку, а затем отправились на квартиру к этим неизвестным, где продолжили попойку, перешедшую в ссору и дальше в драку, а когда пьяные вышеуказанные нижние чины выходили из квартиры неизвестных им крестьян, то младший унтер-офицер Полканов выбил окно в этой квартире. Вслед за этим из окна квартиры раздался ружейный выстрел, ранивший рядовых Петра Козина и Фрола Сафронов, а затем крестьяне погнались за нижними чинами и нагнав их начали бить, а унтер-офицер Полканов будучи вооружен пашкою, вместо того чтобы защищать своих подчинённых и не дать их истязать и бить крестьянам, трусливо оставил их». В связи с таким постыдным действием младшего унтер-офицера, начальник Иркутской местной бригады генерал-майор И. Б. Пиотровский принял решение: лишить Полканова унтер-офицерского звания и перевести в Киренскую местную команду [11, л. 11].

Приведем еще пример: 29 июня 1909 г. из оружейной комнаты Иркутской конвойной команды рядовой Е. Фатеев совместно с прикомандированным стрелком 27-го Восточно-Сибирского полка М. Яцын[ем] по предварительному сговору похитили револьвер системы Наган. После чего, уйдя в город, пытались его продать в пивной на улице Матрешеной за 10 руб., но были схвачены полицейскими. Военно-окружным судом приговорены к четырем годам каторги. Осужденные были направлены в Горный Зерентуй под конвоем своих бывших товарищей [5. л. 35].

Праздники 1911 и 1912 гг.

В 1911 г. торжественно было отмечено 100-летие создания внутренней стражи Российской империи. Конвойная стража, как правопреемница, была виновницей торжества. 24 марта 1911 г. Николаем II был утвержден нагрудный «Знак конвой-

ной стражи» [21, с. 560]. В праздничном приказе от 27 марта император поблагодарил всех офицеров, военных чиновников и нижних чинов конвойной стражи *«за верную и ревностную службу Престолу и Отечеству»*. Памятные знаки с честью и гордостью носились офицерами и нижними чинами на мундирах и гимнастерках, даже если они переводились в подразделения других войск, о чем могут свидетельствовать многие фотографии офицеров и генералов Русской императорской армии.

Через год в Иркутской конвойной команде, как и во всей русской армии, 25 августа 1912 г. прошли торжества накануне столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. и Бородинского боя. В Иркутске на площади Сперанского прошел парад войск, в храмах и церквях – праздничные молебны. Особо отличившихся нижних чинов наградили памятной медалью 1812 г. В Управлении Иркутского уездного воинского начальника занятия в этот день не проводились. Всех нижних чинов, свободных от служебных нарядов, под командой фельдфебеля Руденко направили в Иерусалимскую церковь на богослужение. В 3 часа дня в столовой сборного пункта Иркутский уездный начальник полковник И. Д. Васильев провел беседу с нижними чинами о празднике и значении войны 1812 г. для России [6, л. 128].

Первая мировая война

После войны 1904–1905 гг. русская императорская армия была реформирована. Военное ведомство, предчувствуя новый военный конфликт, активно готовилось к нему. При объявлении мобилизации на местные войска в первую очередь были возложены задачи по обеспечению плановых мобилизационных мероприятий в районе бригады. Но кроме этого подразделения бригады продолжали выполнять свои основные функции по конвоированию арестованных, а также выполнению иных задач по указанию штаба Иркутского военного округа. Постепенно нагрузка на подразделения конвойной стражи увеличивалась: активно стали назначаться караулы для сопровождения военных грузов на фронт; перевозка военнопленных и иностранных подданных. Несмотря на увеличение объема задач, выполняемых конвойной стражей, ее штатная численность не была увеличена.

Война вызвала патриотические настроения в подразделениях Иркутской местной бригады. На начальном этапе войны офице-

ры и нижние чины просились на фронт [3, с. 35]. Идя навстречу подобным желаниям, руководство местных войск и конвойной стражи не ставило этому препятствий. Для восполнения убыли личного состава Главное управление Генерального штаба разрешило переводить в конвойные команды солдат из запасных частей. Офицеры и большое количество нижних чинов в качестве добровольцев переходили в действующую армию. Многие из них погибли на полях сражений [31, л. 5].

Местные войска Восточной Сибири оказали реальную помощь действующей армии в вопросах подготовки личного состава непосредственно отправкой нижних чинов и офицеров на фронт. Согласно распоряжению Генерального штаба, нижние чины местных войск старших возрастов, поступивших в 1912, 1913, 1914 гг. и выслуживших срок действительной службы, по условиям военного времени не увольнялись в запас армии и не оставались в штатах команд, а передавались в запасные батальоны по распоряжениям штаба Иркутского военного округа. В командах оставался контингент 1915 г. призыва и молодые новобранцы [31, л. 4 об.]. Местные войска данными мероприятиями оказали реальную помощь действующей армии, усилив строевые части подготовленным, грамотным, морально и физически здоровым контингентом. Данное решение значительно ослабило конвойные команды, но это было необходимо [43, с. 319].

13 января 1915 г. Мобилизационным отделом Генерального штаба была направлена ведомость заведующему этапно-пересыльной частью Главного штаба о порядке замены практически во всех конвойных командах русской армии «старослужащих» нижних чинов новобранцами. Согласно этому документу, во все конвойные команды Иркутской местной бригады в начале 1915 г. должно было поступить 30 % молодых солдат. В Иркутскую конвойную команду поступило 57 нижних чинов. Все старослужащие конвойцы, по прибытию новобранцев и ввода их в строй, подлежали переводу в строевые части и убывали на пополнение в Сибирские запасные подразделения [30, л. 49].

Данная практика была продолжена: нижние чины, отслужив два года в конвойных командах, направлялись на пополнение в действующую армию, на смену им приходили молодые солдаты. Таким образом, личный состав местных войск явился дополнительным резервом для пополнения строевых частей

действующей армии и выполнял роль «резервуара» для пополнения новых бойцов грозных сибирских полков.

Направление нижних чинов в действующую армию сохранялось до конца войны. В приказе по Иркутской конвойной команде от 15 июля 1917 г. № 196 было отражено, *«что 86 нижних чинов команды переданы в распоряжение Иркутского уездного воинского начальника для формирования ударной маршевой роты с последующей отправкой на фронт»* [33, л. 140]. Офицеры и нижние чины не раз демонстрировали мужество и отвагу, храбро сражались на фронтах Первой мировой войны.

Переправа через оз. Байкал

На базе подразделений Иркутской местной бригады были развернуты учебные команды. В 1915 г. на базе Иркутской конвойной команды была сформирована учебная команда для подготовки молодых солдат Якутской, Киренской и Александровской местных команд [4, л. 52].

В условиях войны плановая учеба в подразделениях местных войск продолжалась, но были и срывы. Так, в приказе по Иркутской местной бригаде отмечено: *«При посещении мною сего числа [3 августа 1915 г.] в 10 часов утра Иркутской конвой-*

ной команды оказалась, что из 32-х нижних чинов бывших на лицо на занятиях не было ни одного, часть людей занималась колкой дров, остальные были в домашнем наряде и т.п. Начальник капитан Вершино доложил, что он уволил нижних чинов от занятий потому, что им предстояло сегодня уборка всех помещений команды, т.к. остальные люди находились в командировке по сопровождению арестантских партий. В приказе по бригаде неоднократно указывалась, чтобы занятия в командах проводились ежедневно несмотря на то как мало людей находилось на занятиях, что особенно важно в конвойных командах, где большая часть времени люди бывают в командировках. Это и предписываю капитану Вершино исполнять неукоснительно. ... ИД Начальника бригады полковник Кашкаров» [7, л. 71].

В начале 1915 г. конвойные команды Иркутской местной бригады были полностью перевооружены закупленными японскими 2,56-линейными винтовками «Арисака». Винтовками Мосина впоследствии были обеспечены вновь формируемые подразделения, убывающие на фронт. Позже, в период 1916–1917 гг., в Иркутской конвойной команде винтовки «Арисака» были заменены итальянскими винтовки «Виттерли-Витали» [34, л. 49 об.].

1917-й, год надежд и разочарований

Конвойные команды, расположенные в Восточной Сибири, продолжали сопровождать арестантов [2]. Февральская революция в самое короткое время привела к коренной трансформации российского общества, его государственных и военных структур. Офицер в это время представлял собой весьма жалкое зрелище, ибо он в этом водовороте политических страстей разбирался плохо и не мог понять, что ему делать [37, с. 243]. 12 марта 1917 г. Главный инспектор по пересылке арестантов и заведующий этапно-пересыльной частью Генерального штаба генерал-лейтенант Н. И. Лукьянов в приказе № 1 призвал проявить лояльность и верность по отношению к Временному правительству, взявшему на себя функции управления государством и армией до созыва Учредительного собрания [33, л. 55]. Генерал разъяснил, что до пересмотра действующего законодательства конвойная стража должна руководствоваться прежними нормами, подтвердив, что следует неуклонно соблюдать требования Устава конвойной службы [32, л. 4].

В частях местных войск Иркутского гарнизона начали создаваться комитеты, решения новых органов в виде протоколов закреплялись приказами по данным подразделениям. Особенностью комитетов подразделений Иркутской местной бригады было то, что их возглавляли офицеры. Иркутская конвойная команда в апреле 1917 г. провела выборы в командный комитет. По штату на тот момент в команде состояло 3 офицера и 151 солдат. В выборах участвовало 102 человека, большинством голосов было избрано 6 военнослужащих – прикомандированной к команде поручик Козловский и пятеро солдат [33, л. 88].

Приказом по конвойным командам от 8 мая 1917 г. № 2 были изменены правила перевозки арестантов. На основании постановлений Временного правительства, было отменено наложение на заключенных всех видов оков, и вследствие этого личному составу конвойной стражи рекомендовалось отказываться от этих мер [35, л. 2]. 9 мая 1917 г. Военный и морской министр А. Ф. Керенский подписал приказ по армии и флоту. В армии его «окрестили» «Декларация прав солдата». Данным документом окончательно были подорваны все устои старой армии [12, с. 300].

Сопровождение почты

Несмотря на революционные события, конвойные команды продолжали нести службу, сохранялся порядок сопровождения и охраны уголовных преступников. Иркутская конвойная команда в течение всего 1917 г. ежемесячно осуществляла от 4 до 10 конвоев до г. Читы и с. Александровского, привлекая к каждому конвою от 4 до 35 нижних чинов [33, л. 2–91].

С приходом советской власти сложившаяся система управления Военного ведомства подверглась коренным преобразованиям. Декретом II Всероссийского съезда Советов от 8 ноября 1917 г. был создан Народный комиссариат по военным делам. Старая армия была реформирована декретами декабря 1917 г. «О выборном начале и об организации власти в армии» и «Об уравнивании всех военнослужащих в правах». Отменялись воинские чины, звания, знаки различия и преимущества, власть в армии передавалась солдатским комитетам. Офицеры, к примеру, начальник Иркутской конвойной команды подполковник А. И. Егулов, подписывая приказы, уже не указывали свой чин [34, л. 49 об.]. В ходе декабрьских боев в Иркутске оружейный цейхгауз конвойной команды был расхищен [34, л. 49]. К середине апреля Иркутская местная бригада с конвойными командами была расформирована и прекратила своё существование [28, л. 71]. Личный состав подлежал увольнению или переводился во вновь сформированные подразделения Красной Армии. Большинство офицеров конвойной стражи подали рапорты об отставке, но были и такие, кто остался служить новой власти.

История Иркутской конвойной команды на этом не закончилась. Началась гражданская война. Выступление Чехословацкого корпуса весной 1918 г. явилось поворотным пунктом для белой борьбы в Сибири, позволив противникам большевиков установить контроль над огромными территориями страны [13, с. 42]. После выступления антибольшевистских сил в 1918 г., в Сибири началось строительство альтернативной государственности и собственной армии [14]. Была восстановлена структура местных войск по образцу русской императорской армии. Новую Иркутскую конвойную команду в составе Сибирской армии возглавил подполковник А. И. Егулов. Подразделение выполняло прежние обязанности вплоть до 1920 г., затем окончательно прекратило свое существование.

Список источников и литературы

1. Авилов Р. С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): Страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 15–21.
2. Бунин С. В. «Во имя присяги и верности долгу...». Конвойная стража в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 10. С. 14–17.
3. Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Документы и материалы / Под общей редакцией В. Ф. Некрасова. М.: Издательство «Экзамен», 2002. 576 с.
4. ГАИО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 15.
5. Там же. Ф. 524. Оп. 1. Д. 584.
6. Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 6.
7. Там же. Д. 108.
8. Там же. Оп. 2. Д. 2.
9. Там же. Д. 48.
10. Там же. Д. 141.
11. Там же. Ф. 559. Оп. 2. Д. 18.
12. Деникин А. И. Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917 г. Париж, 1922. Репринт. М.: Наука, 1991. 520 с.
13. Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917–1922: Национальные армии. М.: Издательство АСТ, 1998. 48 с.
14. Захарова Т. В. Якутская местная команда в 1918–1919 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 54–58.
15. Иванов А. А. В Сибирь по этапу (XVII–XIX вв.) // Известия Байкальского государственного университета 2014. № 2 (94). С. 170–177.
16. Из записной книжки архивиста. Чистка комсостава царской армии в 1906 г. // Красный архив: исторический журнал. 1932. Т. 1–2 (50–51).
17. Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л. М. Дамешека. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 544 с.
18. Кузнецов М. Ю. Внутренняя стража в Восточной Сибири в 1816–1864 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск: Изд-во Братского гос. университета № 4 (34) (2018). С. 156–162.
19. Кузовников Р. И. К истории ссылки в Сибирь / Р. И. Кузовников // Тюремный вестник. 1898. № 2. С. 70–74.
20. Местные войска и конвойная стража в первой мировой войне: военно-исторический труд [Марценюк Ю. А. и др.] М.: «На боевом посту», 2017. 256 с.
21. Нагрудные полковые знаки России / Под ред. В. В. Санько. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. 672 с.
22. Обзор Иркутской губернии за 1899 год. Иркутск, 1900. 39 с.
23. Полное Собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание первое (I): ПСЗ РИ. I. Т. 38. № 29129.
24. ПСЗ РИ. III. Т. 6. № 3989.
25. ПСЗ РИ. III. Т. 15. № 12272.
26. Приказ по Военному ведомству (ПВВ) № 450 от 15 декабря 1877 г.
27. ПВВ № 110 от 16 мая 1886 г.
28. РГВА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 129.
29. Там же. Ф. 400. Оп. 8. Д. 599.
30. Там же. Д. 689.